

2018/I

SIBERIA_LINGUA

ISSN 22227-6378

Учредитель – Институт филологии и языковой коммуникации ФГАОУ ВПО «Сибирский федеральный университет»

Siberia_Lingua: электронный научный журнал

Периодичность – один раз в полугодие

Журнал зарегистрирован в Международном ISSN центре в Париже, регистрационный номер 22227-6378

Статьи индексируются в РИНЦ
Выход на журнал с платформы Elibrary
https://elibrary.ru/title_about.asp?id=62046

www-адрес:
<http://ifiyak.sfu-kras.ru/siberia-lingua>

Контакты

Почтовый адрес 660047,
Красноярск, пр.
Свободный, 82А,
оф.328
Редакция научного
журнала
Siberia_Lingua
E-mail nauka_fil@mail.ru

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Фельде Ольга Викторовна, д-р филол. наук
(отв. ред.)

Анисимов Кирилл Владиславович, д-р филол. наук

Григорьева Татьяна Михайловна, д-р филол. наук

Детинко Юлия Ивановна, канд. филол. наук,
зам. директора ИФиЯК по научной работе

Евсеева Ирина Владимировна, д-р филол. наук

Журавель Тамара Николаевна, канд. филол. наук (зам. отв. ред.)

Колмогорова Анастасия Владимировна, д-р филол. наук

Магировская Оксана Валериевна, д-р филол. наук

Смирнов Евгений Сергеевич, преподав.
кафедры РЯЛиРК (отв. секретарь выпуска)

Тармаева Виктория Владимировна, д-р филол. наук

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Боргоякова Тамара Герасимовна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Говорухина Юлия Анатольевна, д-р филол. наук (Балтийский федеральный университет им. Иммануила Канта)

Иванцова Екатерина Вадимовна, д-р филол. наук (Томский государственный исследовательский университет)

Ким Игорь Ефимович, д-р филол. наук (Институт филологии СО РАН)

Копнина Галина Анатольевна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Косяков Геннадий Викторович, д-р филол. наук (Омский государственный педагогический университет)

Куликова Людмила Викторовна, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

Панин Леонид Григорьевич, д-р филол. наук (Новосибирский государственный исследовательский университет)

Пекарская Ирина Владимировна, д-р филол. наук (Хакасский государственный университет им. Н.Ф. Катанова)

Сковородников Александр Петрович, д-р филол. наук (Сибирский федеральный университет)

@ Сибирский федеральный университет,
2018

СОДЕРЖАНИЕ

I. ЛИНГВИСТИКА

Агеева М.А. ФУНКЦИИ НЕЙМДРОППИНГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ)	4
Байкалова М.А. ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОГЛАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ИЗДАНИЯ С.Б. ПОПОВА «СУПЕРОБЪЕКТЫ: ЗВЕЗДЫ РАЗМЕРОМ С ГОРОД»	15
Ботвина П.Е. ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ ТОК-ШОУ	23
Волчок К.В. РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ И ПРАВОСЛАВНОГО ВОИНСТВА	30
Зборовицкий Д.Ю. ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КООПЕРАТИВНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ ЖАНРЕ УСТНОГО ЭКЗАМЕНА	40
Илькова Е.В. ЗНАКИ-ИКОНЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ	51
Крикливая П.В. ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ	59
Лемберг Е.А. ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТАХ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ	71
Лю Шуаншуан. СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОЙ ЗИМЕ В СОЧИНЕНИЯХ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ	80
Михасёва Ю.А. ВНЕЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕКСИКА В РУССКОМ ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»)	86
Николаева Г.Р. КОРПУСНЫЙ МЕНЕДЖЕР SKETCH ENGINE КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ ГРУСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ НА ИСПАНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ	91
Петрова Е.Б. ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДУША» В АНТИПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО ЯЗЫКА	99
Привалихина Е.С. ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК КАК ОСОБАЯ СИСТЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ	110
Просяник В.И. ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРКЕРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ МЕДИАЦИИ	119
Пушкарев И.И. К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕТАФОРЫ КАК СРЕДСТВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СПОРТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА)	126
Розина И.П. ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ НЕВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ В АКТЕ ПРЕРЫВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ	133
Стряпков А.А. МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КНР ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ПОЛИТИКИ ОДНОГО РЕБЁНКА	141
II. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ	
АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ МОТЫГИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ. Предисловие – Фельде О.В.	150
НАШИ АВТОРЫ	166

ФУНКЦИИ НЕЙМДРОППИНГА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ КИТАЙСКИХ АВТОРОВ)

Аннотация: В статье представлен анализ характеристик и свойств лингвистического феномена неймдроппинга, актуализирующегося в прозе китайских авторов; перечисляются коммуникативные функции неймдроппинга, выявленные в ходе исследования китайскоязычного художественного дискурса. Реализация функций в контексте продемонстрирована на примерах. В результате было обнаружено, что, выполняя статусообразующую, адаптивную, культурно-просветительскую, мотивирующую, манипулятивную, аргументативную и репрезентативную функции, феномен неймдроппинга является инструментом для повышения статуса, а также средством воздействия на адресата.

Ключевые слова: прагматическая лингвистика, прецедентность, теория коммуникации, статусность, авторитетность, китайский язык

Abstract: This article analyses characteristics and properties of the linguistic phenomenon of name-dropping on the material of the Chinese author's prose. The author exemplifies the realization of the communicative functions of name-dropping in the Chinese language literary discourse. As a result, the article shows that by performing the status-forming, adaptive, cultural-enlightening, motivating, manipulative, argumentative and representative functions, the phenomenon of name-dropping is a tool for raising the status, as well as means of influencing the addressee.

Keywords: pragmalinguistics, intertext, communication theory, status, authority, Chinese language

Изучение явления неймдроппинга привлекло внимание отечественных ученых относительно недавно, соответственно, исследований его функционирования в текстах различных жанров недостаточно для того, чтобы выявить перечень его основных функций. Данная работа посвящена проблематике функций неймдроппинга в художественном дискурсе, и на основании их описания предпринимается попытка уточнить определение неймдроппинга. Сегодня неймдроппинг (от англ. name-dropping, буквально 'бросание имен') активно входит в культурно-языковое пространство, где является заимствованным термином из зарубежной лингвистики и интерпретируется как тип дискурсивной практики [Васильева, 2015: 323], который путем апеллирования к известному имени актуализирует категорию

авторитетности, конструирует статус говорящего [Агеева, 2018: 225]. Следует отметить, что в отличие от прецедентных феноменов, явление неймдроппинга может актуализироваться при использовании неэталонных или незначимых для той или иной лингвокультуры имён.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом лингвистов к явлению неймдроппинга в первую очередь повышенным вниманием к вопросам взаимодействия языков и культур, а также процессу межкультурной и межкузыковой коммуникации. Немаловажным является тот факт, что при апелляции к авторитетному имени формируется статус говорящего. Следовательно, неотъемлемой частью изучения неймдроппинга является исследование того, как формируется статус индивида. Новизна работы состоит в том, что на данный момент недостаточно работ, посвященных выявлению функций неймдроппинга, в том числе в художественном дискурсе. Кроме того, знания о неймдроппинге будут полезны переводчикам, специалистам по межкультурной коммуникации, а также бизнесменам.

Целью настоящего исследования является поиск и выявление функций неймдроппинга в художественном дискурсе, а именно в прозе китайских авторов. Кроме того, мы считаем необходимым дать характеристику каждой из выделенных функций, закрепив все наглядными примерами. Материалом для исследования послужили прозаические произведения китайских современных авторов. В настоящем исследовании был применен метод интерпретации.

Авторитетные имена очень важны для китайской культуры, так как они отражают известный культурно-коммуникативный вектор «Почитание авторитета» / «崇尚权威» (чуншанцюаньвэй) [Нагибина, 2017: 65]. Проблема социальной гармонии и справедливых отношений между коммуникантами, начиная с древности, остается одной из особенностей китайской культуры. В силу различных исторических и политических обстоятельств в Китае

отсутствовало свободное мышление, и это привело к культу авторитетов [Спешнев, 2011: 114], [Чистова, Броднева, 2015: 57].

«Почитание авторитета» – это конфуцианский постулат, где авторитетностью обладает лицо или группа лиц, владеющих большими знаниями, имеющих более высокий социальный статус, наделенных большими полномочиями или находящихся в старшей возрастной категории. В соответствии с этим жители Китая, выстраивая общение, постоянно ссылаются или цитируют высказывания «авторитетов», зачастую чрезмерно подчеркивают важность социальной позиции того или иного лица [Нагибина, 2015: 138].

Предметом нашего исследования являются авторитетные имена, при актуализации которых происходит повышение статуса говорящего. Данные авторитетные имена, являясь именами прецедентными, могут отражать историю и культуру народа, определять его этнокультурную специфику. Кроме того, они могут быть изолированными от общекультурного восприятия, не являться прецедентными, но оставаться значимыми в рамках определенной социальной группы.

На материале китайской прозы мы выделили шесть функций и привели соответствующие наглядные примеры. Большую группу составляет статусообразующая функция, которая заключается в следующем: если какая-то идея, проблема, личность, организация или общественное движение становятся предметом обсуждения, то уже один этот факт присваивает соответствующему объекту определенную значимость, повышает его статус [Лазарсфельд, Мертон, 2004: 141].

Рассмотрим реализацию данной функции на следующем примере в произведении «Тяжелые крылья» автора Чжан Цзе («沉重的翅膀» 张洁): «大庆这面红旗可是毛主席亲自树的，你不要犯糊涂! ”。“我没有说大庆不好。三年困难时期，我们没有油，大庆人为我们摘掉了贫油的帽子，做出了卓越的

贡献。特别是‘文化大革命’期间，‘四人帮’把国民经济弄到几乎崩溃的边缘，大庆硬是顶住了，抓住了生产»。 В переводе В. Семанова на русский язык данный отрывок выглядит следующим образом: «Дацин – это красное знамя, которое водрузил сам председатель Мао, так что не говори глупостей! – А я и не говорю, что Дацин плох. Во время трехлетних бедствий, когда в стране не хватало горючего, именно дацинцы развеяли миф о том, что у нас нет нефти – это, несомненно, их заслуга. В период «культурной революции» «банда четырех» завела экономику страны в тупик, и лишь Дацин выстоял, не прекратил производства» [Чжан Цзе, 1989: 29]. В данной отрывке мы видим, что говорящий упоминает город Дацин, который в революционные времена при Мао Цзедуне был образцовым промышленным городом. В то время зарождалась нефтяная промышленность этого места, которая имеет большое влияние на «нефтяные круги» всего Китая. Нефтяники Дацина отличились на всю страну. Поэтому во времена Культурной революции даже были выпущены лозунги: «Делай – как в Дацине». Соответственно, адресант считает Дацин авторитетным городом, поэтому не стоит умалять его значимость.

Далее рассмотрим культурно-просветительскую функцию, где авторитетная личность формулирует определенные знания, которые считаются важными в той или иной ситуации. Эти знания оказывают влияние на уровень просвещённости говорящих. Вместе с тем, авторитетом выполняется и информативная функция, то есть он предоставляет нужную информацию и перерабатывает, обобщает таковую, в то же время люди, на которых распространяется его воздействие, – объекты авторитета – имеют возможность получить от него интересующую их информацию. Эта информация позволяет углубить процесс нахождения истины и оценки значимости самого авторитета.

Рассмотрим реализацию данной функции на примере из произведения «Тяжелые крылья»: «随之而来的是小壮嚎啕的哭声、杂沓的脚步声和小壮的

妈妈刘玉英极力压抑着的啜泣声。莫征的脸上闪过一丝冷冷的微笑，说道：«**高尔基**笔下的生活»。叶知秋停止了吃饭。莫征，还是带着那淡淡的、冷冷的微笑问道：“怎么啦？”叶知秋不好意思地笑了。在比她似乎还老于世故、不易动情的莫征面前，她有时倒像个幼稚的、容易感情冲动的小女孩：“在别人的哭声里，我觉得难以下咽...»«你简直像个基督教徒»。 В переводе В. Семанова данный фрагмент выглядит так: «Неожиданно раздался грохот. Е Чжицю испугалась, решив, что это под Мо Чжэном сломалась табуретка, но грохот шел откуда-то с потолка – там что-то упало. Вслед за тем послышался детский плач, топот ног и приглушенный плач женщины. По лицу Мо Чжэна пробежала холодная усмешка: – Живут прямо по **Горькому**! Е Чжицю перестала есть. Мо Чжэн опять спросил: Что случилось? Приемная мать смущенно улыбнулась. Рядом с «многоопытным», невозмутимым Мо Чжэном она иногда казалась наивной и сентиментальной девочкой. – Не могу я есть, когда люди плачут... – Да вы просто христианка!» [Чжан Цзе, 1989: 12]. В данном отрывке мы видим, что адресант упомянул известного русского писателя Максима Горького, с целью показать его близость с гражданами КНР в революционное время, ведь не каждый знает, что он выступал против царской власти и был сторонником реформ, таким образом, данный пример отображает культурно-просветительскую функцию.

Далее нами была выявлена мотивирующая функция, которая побуждает адресата к тому или иному действию или ведёт ход его мыслей в нужном для адресанта направлении. Рассмотрим актуализацию неймдроппинга на следующем примере в романе Цяо Е «Брачная взаимопомощь»: 乔叶结婚互助组): «这一瞬间，百智的表情很平静。子冬看着他的脸，知道这是暴风雨前的停顿。他已经年过半百。一张五十多岁的男人的容颜，有些憔悴，有些沧桑，然而在骂人的时候却常常会激动得神采奕奕。子冬和子夏都喜欢他这一刻。果然。百智神色突变，开始滔滔不绝：十

九岁？你知道你在干什么吗？不好好学习，谈什么恋爱？你谈什么恋爱？呃？你知道**毛泽东**十九岁在干什么吗？居然还好意思跟我说你在谈恋爱？！当然了，豆蔻年华，你有这份心情去谈恋爱那就谈吧». Рассмотрим данный отрывок в переводе А. Перловой на русский язык: «В этот миг выражение лица Бай Чжи стало очень спокойным. Цзыдун, глядя на это лицо, уже угадывала в нем затишье перед бурей. Лет ему за пятьдесят. Лицо обычного пожившего мужчины, со следами усталости, с отметками возраста, вдруг чудесно преображалось, когда он принимался кого-нибудь бранить. В такие мгновения он очень нравился Цзыдун и Цзыся. И правда. Бай Чжи разом переменялся и затараторил: – Девятнадцать? Ты понимаешь, что ты делаешь? Вместо того чтобы учиться, ты с кем-то встречаешься. Какая у тебя может быть любовь? А? Ты знаешь, чем **Мао Цзэдун** занимался в девятнадцать лет? И тебе не стыдно рассказывать тут, что ты с кем-то встречаешься?! Конечно, молодая девушка, хочется с кем-то гулять, я понимаю» [Цяо Э: 2007: 4]. В данном отрывке мы видим, что мужчина использует авторитетное имя знаменитого китайского лидера Мао Цзедуна, чтобы наставить девушку, которая в раннем возрасте собралась замуж, на путь истинный. Таким образом, поступки Мао Цзедуна должны мотивировать её пересмотреть своё решение, ведь эти годы лидер Мао посвятил образованию и самосовершенствованию.

Исследованиям в сфере языковой манипуляции в современной лингвистике посвящено множество научных публикаций. В дискурсивном анализе Т. А. ван Дейка манипуляция рассматривается в качестве злоупотребления властью. Эффективное осуществление манипуляции возможно при отсутствии необходимых знаний, актуализации фундаментальных норм и ценностей, апелляции к сильным эмоциям, подчеркнутым отношении к статусу, власти, авторитету и т.д. [Ван Дейк, 2013: 376]. Анализ материала современной китайской прозы свидетельствует

о том, что неймдроппинг является эффективным средством манипулирования при коммуникации.

Рассмотрим на примере отрывка из произведения «Заговор» автора Май Цзя («暗算» 麦家): «告诉我, 你想把谁转移到你的部门? 我们是**祖冲之**的后裔, 我们并不缺少杰出的数学家。如果有的话, 那就去搜索, 邀请他们。如果你不成功, 我会试着邀请他们, 我不会获得成功的话, 我会找到能够做到的人»。Данный отрывок выглядит следующим образом в переводе Е. И. Митькиной: «Скажите, кого вы хотите перевести к вам в отдел? Мы – потомки **Цзу Чунчжи**, у нас нет нехватки в выдающихся математиках. А если есть, то отправляйтесь на поиски, приглашайте их. Если у вас не получится, я попробую пригласить их, у меня не выйдет, я найду того, кто справится» [Май Цзя, 2015: 97]. Доподлинно известно, что Цзу Чунчжи (429–500) является древнекитайским математиком, астроном и государственным деятелем времён династий Южная Ци и Южная Лян. Адресант апеллирует к данному авторитетному имени, чтобы установить собственную позицию перед адресатом (доказать тот факт, что он квалифицированный математик), а также доказать тот факт, что его словам можно доверять.

Аргументативная функция в реализации неймдроппинга демонстрирует доказательную базу в конкретной коммуникативной ситуации. Это составляет базовый уровень интерпретации для остальных иллокутивных функций, оперирующих в тексте, указывая на аргументативный статус презентации положения дел в тексте. Неудачно реализованные аргументативные функции могут помешать отстаиванию точки зрения, иногда даже скомпрометировать сам тезис.

Рассмотрим данную функцию на примере из знаменитого произведения «Я не Пань Цзиньлянь» автора Лю Чжэньюня («我不是潘金莲»): «找谁呀? 李雪莲: 王公道.王公道: “你谁呀?” 李雪莲: “马家庄**马大脸**»).

是你表舅吧？”王公道搔着头想了想，点点头。李雪莲：“马大脸他老婆娘家是崔家店的你知道吧？”王公道点点头。李雪莲：“马大脸他老婆的妹妹嫁到了胡家湾你知道吧？”王公道搔着头想了想，摇摇头。李雪莲：“我姨家一个表妹，嫁给了马大脸他老婆她妹妹婆家的叔伯侄子，论起来咱们是亲戚。”

王公道皱皱眉：“你到底啥事吧？”李雪莲：“我想离婚»。 В переводе О. Родионовой на русский язык данный фрагмент звучит так: «Ван Гундао громко зевнул: – Кого надо? – Ван Гундао.– А ты кто? – **Ма Далянь** из деревни Мацзячжуан приходится тебе двоюродным дядькой, так? Почесав затылок, Ван Гундао утвердительно кивнул. Ли Сюэлянь продолжила: – То, что жена Ма Даляня родом из Цуйцзядянь, ты, наверное, знаешь? Ван Гундао кивнул. – А знаешь, что младшая сестра жены Ма Даляня вышла замуж за парня из Хуцзявань? Ван Гундао снова почесал затылок и уже отрицательно покачал головой. Ли Сюэлянь продолжила: – Одна из двоюродных сестер моей тетки вышла замуж за двоюродного племянника из семьи мужа младшей сестры жены Ма Даляня. Так что выходит, мы с тобою родственники. Ван Гундао нахмурил брови: – А дело-то у тебя какое? – Хочу развестись» [ЛюЧжэньюнь, 2012: 13]. Данный фрагмент демонстрирует использование «家庭关系» («цзятингуаньси») семейных связей, а именно имен родственников, для аргументации и доказательства того факта, что коммуниканты – родственники. Следует отметить, что родственные связи для китайцев имеют большую значимость. Для китайца считается нормой помочь земляку в какой-либо затруднительной ситуации, поэтому героине данного романа достаточно было привести несколько доказательств родственных связей с помощью имен (которые остаются авторитетными только в данном кругу лиц), тем самым заслужить доверие.

Репрезентативная функция в неймдроппинге формируется и реализуется на основе индивидуального опыта адресанта. С помощью данной

функции адресант может использовать неймдроппинг для доказательства собственного статуса перед адресатом. Рассмотрим реализацию данной функции на примере романа «Заговор»: «你太激烈了，就像我不是一个完整的国民党！」她笑了。「我不是国民党的间谍，而是一个爱国的知识分子！」我刚从美国来的，为了有机会接受教育，我回到了我的家乡。周总理亲自接受了我！В переводе Е.И. Митькиной данный фрагмент выглядит следующим образом: «Вы такой злющий, словно я недобитый гоминьдановец! – засмеялась она. – Я не гоминьдановская шпионка, а патриотичная интеллигентка! Я только что из Америки, вернулась, чтобы служить родине в благодарность за возможность получить образование. Меня сам **премьер Чжоу** принимал!» [Май Цзя, 2015: 119]. Пример демонстрирует использование неймдроппинга, а именно имя премьера Чжоу Энляя (авторитетный китайский политический деятель середины 20-го века), для репрезентации собственного статуса.

Итак, в ходе отбора единиц неймдроппинга в китайскоязычном художественном дискурсе было выявлено, что проанализированные (речевая ошибка) примеры подтверждают, что данный феномен может играть различную роль в художественном дискурсе. Служить для повышения статуса адресанта, задавать определенную систему ценностей в группе коммуникантов, которая регулирует последующее поведение представителей китайскоязычного лингвокультурного сообщества, образовывать группу единомышленников, которые понимают друг друга благодаря авторитетному имени и таким образом отделяют себя от остальных. Кроме того, авторитетное имя, включенное в процессе неймдроппинга, позволяет отнести адресанта к определенному классу. Таким образом, неймдроппинг выступает инструментом социального взаимодействия и ориентации в обществе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агеева М.А. Теория прецедентности в контексте неймдроппинга (на материале китайского языка) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Издательство «Грамота», 2018. № 7(85). С. 225–230.
2. Васильева Н.В. Неймдроппинг как дискурсивное поведение и как поэтический прием // Риски в изменяющейся социальной реальности: проблема прогнозирования и управления: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Белгород, 19-20 ноября 2015 г. / отв. ред. Ю.А. Зубок. Белгород: Изд-во ООО «ПТ», 2015. С. 322–329.
3. Лазарсфельд П., Мертон Р. Массовая коммуникация, массовые вкусы и организованное социальное действие / пер. с англ. Назаров М. Массовая коммуникация в современном мире: методология анализа и практика исследования. М.: Аванти Плюс, 2004. 141 с.
4. Лю Чжэньюнь. Я не Пань Цзиньянь / пер. с кит. О. Родионовой. СПб.: Гиперион, 2015. 300 с.
5. Май Цзя. Заговор / пер. с кит. Е.И. Митькиной. СПб.: Гиперион, 2015. 400 с.
6. Нагибина И.Г. Культурно-философские компоненты формирования теории дискурса в китайском языкознании. Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. II. С. 136–138.
7. Нагибина И.Г. Формирование дискурсивно-коммуникативной парадигмы в китайском языкознании: от теории к социальной практике: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Красноярск: СФУ, 2017. 231 с.
8. Спешнев Н.А. Китайцы. Особенности национальной психологии. 2011. СПб.: КАРО. 336 с.
9. Цяо Е. Брачная взаимопомощь / пер. с кит. А. Перловой. [Электронный ресурс] // SanWen, 2018. URL: <http://sanwen.ru/personalii/cao-yue/> (дата обращения: 20.04.2018).
10. Чжан Цзе. Тяжелые крылья / пер. с кит. В. Семанова. М.: Радуга, 1989. 352 с.

11. Чистова Е. В., Броднева И. А. Языковая личность современного китайца (на материале текстов персональных веб-страниц) // Казанская наука. Филологические науки. Казань: Казанский Издательский Дом, 2015. № 7. С. 56–58.

12. Ван Дейк Т. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. М.: Книжный дом «Либроком», 2013. 344 с.

ЛИНГВОСТИЛИСТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ОГЛАВЛЕНИЯ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНОГО ИЗДАНИЯ С.Б. ПОПОВА «СУПЕРОБЪЕКТЫ: ЗВЕЗДЫ РАЗМЕРОМ С ГОРОД»

Аннотация: В статье рассматривается использование и функционирование лингвостилистических приемов в жанре оглавления научно-популярного издания, при помощи которых автор повышает заинтересованность адресата в прочтении текста, а также демонстрирует его увлекательность и доступность для читателя-неспециалиста. Исследование проводится на материале научно-популярного произведения по астрофизике С. Попова «Суперобъекты: Звезды размером с город».

Ключевые слова: стилистический прием, научно-популярный текст, заголовок

Abstract: This article deals with the usage and functioning of the linguistic and stylistic peculiarities in the genre of table of contents in a popular scientific publication, with the help of which the author increases the addressee's interest in reading the text, and shows its accessibility to the reader, who is not an expert in the field. The research is conducted on the material of the popular scientific publication in astrophysics «Superobjects: Stars the size of a city» written by S. Popov.

Keywords: linguistic and stylistic peculiarities, popular science text, title.

Проблема образования и просвещения стала одной из самых актуальных в XX веке. И в наши дни распространение и популяризация научных знаний относится к числу важнейших задач современности. В настоящее время издается большое количество образовательной литературы, основная часть которой приходится на научно-популярные книги. По мнению Э.А. Лазаревич, к научно-популярной литературе относятся произведения об основах и отдельных проблемах фундаментальных и прикладных наук, биографии деятелей науки, описание путешествий и т. д., написанные в различных жанрах и изложенные в форме понятной и доступной для читателя, не являющегося специалистом в описываемой области знания [Лазаревич, 1970: URL: <https://goo.gl/JzFC1x>]. Многие исследователи указывают на то, что научно-популярные тексты, в отличие от собственно научных, помимо образовательной ставят перед собой цель развлечь читателя и заинтересовать его предложенной темой и текстом [Баранова, 1995: 33]; [Жаббарова, 2015: 38]; [Хакимова, 1993: 9–10];

[Назаренко, 2000: 7]. Уже в этом можно отметить своеобразие научно-популярной литературы, которая совмещает в себе две, на первый взгляд, противоположные задачи: обучение и занимательность. Исходя из указанных задач, формируется особая специфика научно-популярной литературы, которая заключается в контаминации разностилевых черт. Л.Г. Хакимова указывает на совмещение в научно-популярных текстах особенностей разных стилей: научного (научность, объективность, достоверность и точность, логичность изложения, а также использование терминологической и специальной лексики); художественного (представление окружающего мира через индивидуально-авторское восприятие, иллюстративность художественная образность и занимательность, функциональная неограниченность); публицистического (массовость, беллетризация, доступность и простота излагаемой информации, последовательность и логичность, увлекательность изложения, живость и занимательность, образность и эмоциональность, объективность); разговорного (неофициальность общения между автором и читателем, создание особой атмосферы между ними, привнесение в текст непосредственности, доверительности и интимности) [Хакимова, 1993: 9–10].

Как уже было отмечено, для научно-популярной литературы важно не только предоставить адресату информацию о научных достижениях в определенной области, но и заинтересовать его научными знаниями. По этой причине авторы, пытаясь вызвать интерес у адресата к прочтению произведения, используют разнообразные приемы, усиливая художественность, понятность и расположенность текста к рядовому читателю. Данная модификация не обходит стороной и один из таких базовых элементов печатного издания, как оглавление.

Актуальность нашего исследования обусловлена тем, что, несмотря на распространенность научно-популярной литературы и заинтересованность в ней читателей, около 80 % тиража таких изданий в России занимают иностранные книги. Исследование может оказаться полезным для создания

качественных отечественных научно-популярных произведений, доступных по изложению для читателя.

Новизна работы заключается в изучении на материале оглавления индивидуального стиля ученого – автора научно-популярной литературы; в привлечении нового материала в исследование особенностей научно-популярных текстов; а также в анализе лингвостилистических приемов, используемых в оглавлении.

Оглавление – это указатель заголовков издания, которое раскрывает строение произведения и его проблематику [Мильчин, 2014: 435]. Это особый жанр, который представляет собой систему заголовков и характеризуется упорядоченностью, четким следованием структуре текста издания, определенным графическим оформлением.

Оглавление ставит перед собой следующие задачи: справочно-поисковую, которая позволяет читателю быстро ориентироваться в книге и отражает подчиненность между собой рубрик книги; информационно-пояснительную, которая заключается в представлении общего тематического содержания текста. В научно-популярном издании оглавление также приобретает рекламно-пропагандистскую цель, направленную на то, чтобы заинтересовать читателя в прочтении данного текста, вызвать у него желание приобрести и изучить книгу [Там же: 435].

В научно-популярных изданиях оглавление составляется с учетом особенностей данной литературы: оно должно быть простым, отражающим основные вопросы и темы, которые затрагиваются в тексте, а также интересным и привлекающим внимание. Оглавлению нужно «интриговать» потенциального читателя: пробуждать интерес к информации, скрывающейся за тем или иным заголовком. Это достигается при помощи различных лингвостилистических средств в названии глав и параграфов.

Именно поэтому цель данной работы заключается в выявлении лингвостилистических приемов и их функций в оглавлении научно-популярного издания.

Материалом для исследования послужило оглавление научно-популярного произведения Сергея Попова «Суперобъекты: Звезды размером с город», состоящее из 12 глав, включающих от 3 до 8 параграфов.

Сергей Борисович Попов – астрофизик, ведущий научный сотрудник государственного астрономического института имени П.К. Штернберга МГУ, доктор физико-математических наук, профессор РАН, активный популяризатор научных знаний.

Рубрикация анализируемой книги «Суперобъекты: Звезды размером с город». производится по разделению на главы и параграфы. В соответствии с этим оглавление построено иерархически и отображает уровневое деление разделов. См. характерный фрагмент:

4	Суперобъекты
IV. Недра нейтронных звезд	67
Экстремальное состояние вещества	69
Из чего сделаны нейтронные звезды	70
Вращение и состав	73
Измерение температуры как способ изучения недр	75
Глитчи	78
Вопросы о массе и масса вопросов	81
Как сейчас отвечают на главный вопрос?	83
V. Свойства двойных звезд	89
Главный параметр	91
Про тройняшек	92
Эволюция двойных	94
Новые и сверхновые	96
Посмертные красоты двойных систем	100
Размеры двойных	101
Гиперскоростные звезды	106
Планеты двойных звезд	109
VI. Релятивистские двойные звезды	111
Массивные двойные	113
Измерение масс и радиусов в двойных системах	117
Двойные с черными дырами	121
Ультрамощные рентгеновские источники	123
Вращение звезд и магнитары	127
Двойные радиопульсары	129
VII. Гравитационные волны	137
Теория гравитации и геометрия	139
Волны пространства-времени	145
Слияния нейтронных звезд	148
Как ловят гравитационные волны	150

В названиях глав средства художественной выразительности используются редко, цель заголовков – четко обозначить о каком научном объекте будет идти речь. Излишняя художественность может запутать

читателя, затруднить восприятие содержания. Чаще всего названия глав представляют собой научные, терминологические наименования объектов: *Гравитационные волны; Магнитары; Компактные объекты и фундаментальная физика*, либо признаки этих объектов: *Недра нейтронных звезд; Свойства нейтронных звёзд; Скорости компактных объектов*. В отдельных случаях в названиях глав используются олицетворение (*Жизнь звезды*), метафора (*Великое объединение нейтронных звезд*). Данные стилистические приемы имеют своей целью облегчить читателю восприятие сложной терминологии через обращение к привычным ему образам.

В отличие от названий глав, названия параграфов содержат большое количество средств художественной выразительности, выполняющих функцию привлечения внимания.

В анализируемом оглавлении активно применяется метафора: *Отпечатки «пальцев» сверхновых на нейтронных звездах; Гравитационная ракета; Картина запутывается; Астрофизические лаборатории для бедных; Нейтрино из ада; Про зайчиков и белочек*. Не обращаясь к тексту, определить принцип образования некоторых метафор невозможно. Если в заголовке *Нейтрино из ада* еще можно понять, что речь в параграфе будет касаться высоких температур, то из подзаголовка *Про зайчиков и белочек*, никак не связанного, на первый взгляд, с темой книги, невозможно определить, о чем будет текст. Такая «загадка» и неопределённость интригует читателя и стимулирует его к прочтению параграфа.

В некоторых случаях используется номинация параграфа по качествам или свойствам объекта, о котором говорится в тексте: *Вращение; Вращение и состав; Главный параметр; Новые и сверхновые; Взаимодействие и разгон*.

Ещё одним приёмом является эллипсис (пропуск элемента в научном термине): *Размеры двойных; Массивные двойные; Двойные с черными дырами* (отсутствует слово «звезда»). В данном случае опущенный элемент может быть легко восстановлен из названия параграфа. Однако в некоторых

примерах определить, какое слово было опущено в заголовке, можно только после прочтения текста. К примеру, в заглавии *Звезды и элементы* до обращения непосредственно к самому тексту нельзя понять, что речь идет о химических элементах.

Эпитет используется редко. Нами был обнаружен только один пример: *Стремительные звезды*.

В двух заголовках используется прием уподобления: *Радиопульсары и рентгеновские пульсары – старый зоопарк; Магнитары, Великолепная семерка и все-все-все – новый зоопарк нейтронных звезд*». Следует отметить, что подзаголовки, располагаясь один за другим, образуют антитезу посредством антонимии элементов: *старый зоопарк – новый зоопарк*.

По одному разу встречаются такие приемы, как игра слов и оксюморон. При помощи игры слов составлен заголовок: *Вопрос о массе и масса вопросов*. В указанном примере игра слов основана на многозначности слова «масса» в значениях большого количества чего-либо и термина, обозначающего физическую величину. Прием оксюморона использован в заголовке *Посмертные красоты двойных систем*.

В заголовке *Про тройняшек* можно увидеть антропоморфное олицетворение, так как речь в параграфе идет о тройных звездах.

Некоторые названия параграфов имеют вопросительную форму: *Из чего сделаны нейтронные звезды; Как ловят гравитационные волны; Как сейчас отвечают на главный вопрос?*

В заголовке *Магнитары, Великолепная семерка и все-все-все – новый зоопарк нейтронных звезд* прослеживается аллюзия на известное детское произведение «Винни-Пух и все-все-все».

Почти во всех заголовках (за исключением состоящих только из терминов или метафор) научные термины сочетаются с изобразительно-выразительными средствами, что позволяет придать тексту черты научного и художественного стилей.

Научный стиль в исследуемом оглавлении, помимо терминов, представлен отглагольными существительными с суффиксом –ниј(е): *Измерение температуры как способ изучения недр; Измерение масс и радиусов в двойных системах; Изобретение магнитаров; Вращение* и др.

Поскольку оглавление имеет своей целью заинтересовать читателя-неспециалиста научной информацией, в названиях глав и параграфов активно используются разнообразные стилистические средства. При этом стилистические приемы практически не используются в названиях глав, так как их назначение заключается в информировании читателя о предмете речи. Разнообразие стилистических приемов проявляется в заголовках параграфов. Для индивидуального стиля С. Попова характерно обращение к таким тропам, как метафора, олицетворение, эпитет, сравнение, игра слов, оксюморон, и к таким синтаксическим средствами как эллипсис, антитеза, аллюзия, вопросительные предложения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баранова И.И. функциональные особенности научно-популярных текстов: На материале подъяз. физики. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.01. М., 1995. 183 с.
2. Жаббарова Ф.У. Категория связности в научно-популярном тексте: на материале немецких научно-популярных статей. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. Уфа, 2015. 167 с.
3. Лазаревич Э.А. Научно-популярная литература // Большая советская энциклопедия [Электронный ресурс]. 1970. URL: <https://goo.gl/JzFC1x> (дата обращения 16.03.2018).
4. Мильчин А.Э. Справочник издателя и автора. 4-е изд. М.: Изд-во Студии Артемия Лебедева, 2014. С. 435–473.
5. Назаренко А.Л. Научно-популярная литература как объект функциональной стилистики и лингводидактики: На материале английского языка. автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.04. М., 2000. 48 с.

6. Попов С. Суперобъекты: Звезды размером с город. М.: Альпина нон-фикшн, 2016. 238 с.

7. Хакимова Л.Г. Научно-популярный стиль в русском и испанском языках: на материале текстов научно-популярной биографии. автореф. дис. ... канд. филол. наук. 10.02.19. М., 1993. 21 с.

ГРАММАТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭПИСТЕМИЧЕСКОЙ МОДАЛЬНОСТИ В ДИСКУРСЕ ТОК-ШОУ

Аннотация: Данное исследование посвящено изучению особенностей грамматических средств выражения эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу. В рамках настоящего исследования речь участников англоязычных ток-шоу «The Graham Norton Show», «The Paul O'Grady Show», «Top Gear», «Actors on Actors» была проанализирована с помощью различных методик, включающих дискурс-анализ, конверсационный и функциональный анализ. В результате анализа были получены следующие выводы: маркеры эпистемической модальности в речи участников ток-шоу выполняют функции указания на субъективность мнения говорящего; в речи участников чаще используются операторы недостоверности.

Ключевые слова: эпистемическая модальность, дискурс ток-шоу, модальные маркеры, ток-шоу, прагматика.

Abstract: The article is dedicated to the methods of language representation of epistemic modality in talk show discourse. The material for the analysis is speech of the talk show participants taken from British and American talk-shows («The Graham Norton Show», «The Paul O'Grady Show», «Top Gear», «Actors on Actors»). Discourse-analysis, conversational and functional analysis were applied to the speech of talk show participants with the following results: epistemic modal markers in the speech of talk show participants are used to express personal (subjective) opinion with the prevailing usage of doubt-operators.

Keywords: epistemic modality, talk show discourse, modal markers, talk shows, pragmatics.

В рамках динамично развивающейся антропологической парадигмы модальность приобретает особое значение, как категория наиболее антропоцентричная в своей основе. В современной науке термином «модальность» широко оперируют философы, логики, лингвисты.

В рамках различных наук категория модальности рассматривается по-разному: так, в философии категория модальности характеризует способ бытия [Губский, 2003: 237], а в логике служит для оценки высказывания с чьей-либо точки зрения [Горский, 1991: 110]. Ученые-логики выделяют несколько модальных операторов, которые составляют семантическое ядро этих оценок: «возможно», «невозможно», «необходимо», «доказуемо», «случайно» и т.д. Кроме того, возможно существование связи между такими операторами. Такие связи также исследуются в рамках изучения модальности. Высказывания, где присутствует подобная связь, называются

модальными; в них, как правило, квалифицируется или устанавливается связь между предметом или объектом окружающей реальности и его признаком [Ивин, 1973: 27].

Ученые-лингвисты заимствовали термин «модальность» из логики и философии вместе с общей концепцией понятия. Несмотря на это, лингвистическое понимание модальности зачастую сводилось к ее отождествлению с наклонением, представляющим собой лишь одну из форм ее выражения. Четкое определение, основанное на понимании модальности как отношения действия или объекта окружающей действительности к его признаку с точки зрения говорящего, было предложено В.В. Виноградовым в работе «О категории модальности и модальных словах в русском языке» и звучало как «отношение сообщения, содержащегося в предложении, к действительности» [Виноградов, 1950: 40]. Впоследствии категория модальности стала популярным объектом исследования, последовало развитие научных изысканий, посвященных изучению модальности в лингвистике. В частности, интерес представили языковые средства актуализации модальности, а также их специфики в рамках отдельно взятого языка и лингвокультуры [Виноградов, 1960: 80].

Благодаря многомерной структуре понятия «модальность» лингвисты выделяют следующие ее разновидности: объективную и субъективную с дальнейшим делением на алетическую, деонтическую, эпистемическую и аксиологическую модальности [Беляева, 1985: 67]. Отражение в речи все виды модальности находят с помощью определенных языковых маркеров. Они являются средствами ее выражения и формируют т.н. поле модальности. В зависимости от частоты использования все маркеры могут быть отнесены либо к ядру поля (более употребляемые), либо к его периферии (менее употребляемые) [Орехова, 2014: 21].

Настоящее исследование посвящено вопросам отражения эпистемической модальности с фокусом на грамматических средствах ее репрезентации в речи участников англоязычных ток-шоу. Обратимся к

рассмотрению того, что следует понимать под термином «эпистемическая модальность».

Эпистемическая модальность, по определению В.З. Демьянкова: «заключается в выражении говорящим своего отношения к высказываемому суждению с точки зрения того, что имеется, имелось или будет иметься в реальном мире, без привнесения деонтических аспектов» [Демьянков, 1995: 267].

Как и остальные виды модальности, эпистемическая модальность находит выражение в языке через использование определенных языковых маркеров. Языковые маркеры эпистемической модальности могут быть лексическими и грамматическими. К лексическим маркерам относятся: 1) вероятностные наречия (probably, undoubtedly, certainly, perhaps, etc.); 2) модальные частицы (scarcely, surely, possibly, hardly, etc.); 3) наречия-аппроксиматоры (kind of, sort of, etc.). К числу грамматических маркеров в свою очередь следует отнести: 1) модальные глаголы (can, should, must, may, might, etc.); 2) модальные фразы (I assume, I think, I believe, I presume, I doubt, etc.); 3) модальные сочетания (синтаксические конструкции с модальным значением (it seems, it is likely/unlikely, it appears, etc.); 4) разделительные вопросы (Does he? Did she? Were you? etc.) [Смурова, 2012: 26].

Контексты, выражающие эпистемическую модальность, можно разделить на достоверные и недостоверные. Достоверные контексты могут быть истинными или ложными, при этом важна их обоснованность, т.е. наличие доказательной базы. Недостоверные высказывания представляют собой недостаточно обоснованные суждения [Николаева, 1978: 78].

В зависимости от типа контекстов различают эпистемические модальные операторы достоверности и недостоверности. Их использование в речи обусловлено преследуемой говорящим целью, а также стремлением к достижению наиболее эффективной коммуникации. В соответствии с данной классификацией, к операторам недостоверности относят такие языковые маркеры, как глаголы мыслительной деятельности (to see, to think, to presume,

etc.), например, «I don't think her presence was apparent, it seemed kind of strange». К операторам достоверности – устойчивые синтаксические структуры, например, «I was so sure I would be happy».

Так как данная работа посвящена исследованию эпистемических модальных маркеров в речи участников англоязычных ток-шоу, следует рассмотреть понятие дискурса ток-шоу и определить его основные черты.

Дискурс ток-шоу является разновидностью массмедийного дискурса, чаще всего реализуемого в телевизионном поле и несущего функцию социальной интеракции. В классическом виде представляет собой диалог в форме «вопрос-ответ» («You think she was alone there, don't you? – Yes, I'm sure she was»), где вопрос адресован конкретному человеку, а ответ предполагает выражение субъективного мнения. Главной целью данного типа дискурса является вовлечение телезрителей в диалог и обсуждению социально значимых проблем и поиску их решения.

В результате исследования речи участников ряда англоязычных ток-шоу были получены следующие результаты. Подсчет выявленных случаев использования в речи грамматических эпистемических модальных маркеров позволил выявить наиболее употребляемые маркеры – модальные фразы вида: местоимение первого лица единственного числа в сочетании с глаголом мыслительной деятельности: «I assume he is right», «If I recall correctly, she said she was thrilled», «I doubt he told us the truth there».

Чаще всего грамматические модальные маркеры в дискурсе ток-шоу выполняют следующие функции:

- непосредственно выражение уверенности или сомнения: «I doubt it could have changed anything»;
- связка реплик в диалоге: «– She did seem frustrated, didn't she? – Yes, she did».

Также анализ показал, что для речи участников ток-шоу типично:

- использование маркеров эпистемической модальности для выражения субъективного мнения о событии или факте окружающей действительности: «I wasn't sure then and I'm not sure now»;

- преимущественное использование операторов недоверности (более 50 % случаев употребления): «I'm not entirely sure you're right»; «Her behavior seemed kinda off, odd, I don't know...», «He can't be the doctor, can he?»

- редкое употребление операторов достоверности, преимущественное использование дескриптивных предложений (описывающих факт действительности): «She surely seemed too insecure» – «She was too insecure».

- обильное использование средств выражения эпистемической модальности гостями и экспертами ток-шоу и ограниченное их присутствие в речи ведущего, что объясняется регламентированностью его высказываний;

Таким образом, грамматические модальные маркеры в дискурсе ток-шоу в основном используются по прямому назначению, заключающемся в выражении уверенности или сомнения говорящего в факте реальности. Наиболее употребляемы модальные фразы с глаголами мыслительной деятельности, имеющие прямую привязку к субъекту. Кроме того, преимущественное использование операторов недоверности и небольшое количество операторов достоверности свидетельствует об избыточности последних при возможности выразить уверенность дескриптивным высказыванием.

Было отмечено, что на периферии поля эпистемической модальности в дискурсе ток-шоу находятся следующие грамматические маркеры: модальные глаголы и модальные конструкции, а в ядро поля входят модальные фразы с глаголами мыслительной деятельности, а также разделительные вопросы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беляева Е.И. Функционально-семантические поля модальностей в английском и русском языках. Воронеж: Воронежский государственный университет, 1985. 180 с.
2. Виноградов В.В. О категории модальности и модальных словах в русском языке // Труды института русского языка АН СССР. т. 2. М.: Просвещение, 1950. С. 38–79.
3. Виноградов В.В. и др. Грамматика русского языка, т. 1, т. 2. М.: Издательство академии наук СССР, 1960. 1421 с.
4. Горский Д.П. Краткий словарь по логике. М.: Просвещение, 1991. 208 с.
5. Губский Е.С. и др. Филологический энциклопедический словарь. М: ИНФРА-М, 2003. 576 с.
6. Демьянков В.З. Доминирующие лингвистические теории в конце XX века // Язык и наука конца 20 века / под ред. Ю.С. Степанова. М.: Институт языкознания РАН, 1995. С. 239–320.
7. Ивин А.А. Логика норм. М.: Издательство Московского университета, 1973. 122 с.
8. Николаева Т.М. Краткий словарь терминов лингвистики. М.: Прогресс, 1978. 480 с.
9. Орехова Е.Н. Субъективная модальность радиодискурса // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. Вып. 6. С. 19–25.
10. Смурова О.В. Средства выражения эксплицитного модуса и его функции в эпистемическом высказывании // Вестник МГЛУ. Серия: Языкознание. 2012. Вып. 27. С. 22–44.

СПИСОК ИЛЛЮСТРАТИВНОГО МАТЕРИАЛА

1. The Graham Norton Show [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/user/OfficialGrahamNorton> (дата обращения: 26.02.2018).

2. The Paul O'Grady Show [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/channel/UC4qlSjt3iYa4Gg8BKoi7Cdw> (дата обращения: 26.02.2018).

3. Top Gear [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/user/TopGear> (дата обращения: 26.02.2018).

4. Variety, Actors on Actors [Электронный ресурс] // YouTube Channel. URL: <https://www.youtube.com/user/Variety> (дата обращения: 26.02.2018).

**РЕЧЕВАЯ СТРАТЕГИЯ ДИСКРЕДИТАЦИИ
РОССИЙСКОЙ ВОЕННОЙ ИСТОРИИ
И ПРАВОСЛАВНОГО ВОИНСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ПУБЛИЦИСТИКИ А. НЕВЗОРОВА)**

Аннотация: В работе с лингвистической точки зрения рассматривается стратегия дискредитации военной истории, российской армии. Выявляются тактики демифологизации, диффамации, дегероизации и др. В ходе исследования анализируются негативно-оценочные средства языка, а также стилистические приёмы, направленные на усиление психологического воздействия и актуализацию негативной информации об отечественных полководцах и российской армии.

Ключевые слова: Лингвистика информационно-психологической войны, стратегия дискредитации, речевая тактика, мишень информационно-психологической войны, общественное сознание, манипуляция, уничижение, полководцы, российская армия, православие.

Abstract: From a linguistic point of view this article deals with the strategy of discreditation of the Russian army, military history. The tactics of demythologization, defamation, deheroization, etc. are revealed. The study analyzes the negative-evaluative means of the language, as well as stylistic techniques aimed at strengthening the psychological impact and updating the negative information about the Russian generals and the Russian army.

Keywords: linguistics of information and psychological war, the strategy of discreditation, speech tactics, the target of information and psychological war, public conscience, manipulation, humiliation, commanders, the Russian army, orthodox.

Последние десятилетия характеризуются глобализацией информационного пространства и усилением идеологического давления на различные сферы деятельности государства, общества и личности. С помощью информационных технологий в общественное сознание внедряются деструктивные идеи, направленные на подрыв традиционных ценностей и низвержение идеалов. Информационно-психологическая война, которая в прежние годы велась против СССР, исключительно зарубежными СМИ, сегодня ведётся и внутри страны. Для информационной и психологической защиты необходимо более полно исследовать этот феномен не только с позиции широкой исторической ретроспективы, а также с политологической и социологической точки зрения, но и изучить само

оружие информационно-психологической войны – её языковые средства. Выявление стратегий, тактик и языковых средств манипуляций общественным сознанием, а также доведение результатов исследований до населения страны являются важными этапами в обеспечении информационной безопасности общества. Необходимость освещения данной темы определяется содержанием исторического контекста последних лет и вступления в силу новой волны информационно-психологической войны против России. Наряду с вертикальной властью РФ, Русской православной церковью, русским языком мишенью информационно-психологической войны против России выступает и история нашего отечества. Уничтожаются образы национальных героев, дискредитируются представители различных социальных институтов, негативно переосмысливается ратный подвиг народа.

В задачи настоящего исследования входит выявление коммуникативных тактик и языковых средств, направленных на дискредитацию отечественной армии – ее солдат и полководцев, а также значимых побед.

Эмпирическим материалом выступает публицистика Александра Невзорова: книга «Отставка господ бога. Зачем России православие?» (М.: ЭКСМО, 2015); сборник статей «Краткая история цинизма»; статьи, напечатанные в журнале «Сноб» в 2013–2014 гг.; интервью и выпуски передач «Невзоровские среды», размещенные на веб-сайте радиостанции «Эхо Москвы».

Вслед за А.П. Сковородниковым мы понимаем речевую стратегию как «общий мыслительный план, или общую психологическую линию речевого поведения, определяемую интенцией и коммуникативной целью (целями) говорящего/пишущего на основе осознания коммуникативной ситуации как совокупности факторов, влияющих на планирование и реализацию речевой коммуникации», а под речевой тактикой – «речевое действие, соответствующее тому или иному этапу в реализации речевой стратегии и

направленное на решение частной коммуникативной задачи этого этапа» [Сковородников, 2017: 66]. В свою очередь, речевая тактика реализуется посредством выбора речевых приёмов или ходов.

В книге «Отставка господ бога. Зачем России православие?» Невзоров в качестве мишеней дискредитации выбирает национальных героев, которых почитает весь русский православный мир: *«Суворова, как и прочие архаичные комиксы, вроде **радонежских, невских, пересветов, пожарских, кутузовых** и пр., надо было бы оставить историкам, которые умеют с ними обращаться бережно и аккуратно, пользуясь пинцетом, в резиновых перчатках»* [Невзоров, 2015: 5]. К разряду «архаичных комиксов» автор относит не только выдающихся российских полководцев, но и канонизированных Русской православной церковью исторических личностей, намеренно с целью уничижения используя строчную букву в написании их имен.

В отношении святого РПЦ, полководца Александра Невского, применяется тактика демифологизации, заключающаяся в дискредитации созидательных мифов, при этом миф мы понимаем как «социально и/или личностно значимый идеализированный факт (событие, личность, социум, идеология и т. д.)» [Сковородников, 2016: 246]. Обратимся к тексту: *«Первым лопнул Александр Невский, за ним, вероятно, последует Бородинская «победа». Про первого «героя» Руси общество узнает, что был он кровником-побратимом сына Батыя, ярлыки на княжение (возможность власти) получал только в Орде, по татарской указке лично разгромил и поджег единственный свободный на тот момент от татарской дани Новгород. Узнает и то, что в «грандиозной» битве на Чудском озере было убито... 20 рыцарей, а Лаврентьевская летопись руководителем русского отряда в той небольшой стычке называет не Александра, а Андрея Ярославича, его безвестного брата»* [Невзоров, 2015: 28]. В данном случае автор использует приём навязывания пресуппозиции, вольно трактует

исторические события, подаёт информацию как тайну, ставшую вдруг известной обществу.

В отношении русского национального героя Дмитрия Пожарского А. Невзоров применяет тактику диффамации: *«Князь Пожарский, образ которого привлечен госидеологией обеспечивать «единство», как известно, был отдан в результате своей воеводской деятельности под суд за взятки, самодурство и вымогательство и умер от алкогольного отравления где-то под Конотопом. А к разрешению тогдашнего «кризиса» особого отношения не имел»* [Невзоров, 2010: 54]. В тексте используется нагнетание слов, обладающих негативной коннотацией: *взятки, самодурство, вымогательство*. С помощью оборота «как известно» включается навязывание пресуппозиции; автор умаляет заслуги Пожарского в борьбе с польско-литовскими интервентами в период Смутного времени.

В отношении полководца А.В. Суворова в публицистике А. Невзорова применяется тактика дегероизации, реализуемая через **диффамацию**. Приведём пример: *«Можно тысячу раз повторить слово «Суворов», но что и кто сегодня может быть воспитан на этом примере? Заметим мимоходом, что ответом на «подвиги» Суворова в Европе, когда он полностью, с детьми и женщинами, вырезал предместья восставшей Варшавы, сегодня были бы резолюции всех трибуналов мира, полная изоляция и ковровые бомбардировки объединенными силами НАТО всего пространства «от финских хладных скал до пламенной Колхиды»* [Невзоров, 2015: 57]. В данном случае использован такой приём, как гибридизация реальных исторических фактов с вымыслом. За основу взято реальное событие – подавление А.В. Суворовым польского восстания 1794 года, вспоминая которое А. Невзоров «мимоходом» затрагивает якобы общеизвестные факты о полководце. Необходимо наличие экстралингвистических знаний – исторического контекста. Важно отметить, что А.В. Суворов предписывал русским войскам обращаться с поляками гуманно: дома не грабить, безоружных не убивать. 24 октября 1794 г. была

взята Прага – предместье Варшавы. Жители, запросившие мира, были благожелательно приняты полководцем. Горожане поднесли ему ключи от города, приняв которые А.В. Суворов поцеловал ключи [Беспалов, 2013. – URL: <http://100.histrf.ru/commanders/suvorov-aleksandr-vasilevich>]. В приведенном выше отрывке о Суворове А. Невзоровым используется риторический вопрос с союзом «но», который, с учетом упомянутых «подробностей», побуждает читателя к негативному выводу. Ироничный смысл слова «подвиг» актуализирован кавычками. В завершении автор цитирует отрывок из стихотворения А.С. Пушкина «Клеветникам России», опубликованного в 1831 году. В стихотворении выражается отношение поэта к польскому восстанию 1830–1831 гг. и необоснованной критике со стороны Запада в отношении России, страны, которая, одержав победу над Наполеоном, дала свободу ряду европейских государств. В стихотворении А.С. Пушкин использует приём сравнения: подавление восстания сравнивается с домашним спором, в который, как известно, не стоит вмешиваться посторонним. Он говорит о величии русского оружия, о том, что армия способна ответить на внешнюю военную агрессию и напоминает о взятии турецкой крепости Измаил под командованием А.В. Суворова: «Иль старый богатырь, покойный на постеле, / Не в силах завинтить свой измаильский штык?» Таким образом, А. Невзоров пытается противопоставить свою оценку личности полководца той, которую дал А.С. Пушкин. С иронией пишет Невзоров и о Швейцарском походе А.В. Суворова: *«В 1799 году красавец Александр Васильевич Суворов во время альпийского похода без малейших колебаний оставлял своих тяжелораненых «чудо-богатырей» замерзать меж заснеженных валунов Роштока и Сен-Готарда»* [Невзоров, 2015: 82]. Публицистом использован такой приём, как приписывание несуществующих мыслей, эмоций, поведения объекту описания. Иронично цитируется суворовское обращение «чудо-богатыри» (ср. суворовское обращение: «Чудо-богатыри! Бог нас водит – он нам генерал!»). При этом ирония применяется не только по

отношению к великому полководцу, но и к солдатам российской армии: *«Ну с Суворова вообще пошла эта замечательная воинская традиция – бросать своих»* [Невзоров, 2015а. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/1558532-echo/>]. В данном случае публицист реализует тактику дегероизации через излюбленный приём бездоказательного обвинения.

В интервью, опубликованном на сайте радио «Эхо Москвы», наряду с А.В. Суворовым, мишенью дискредитации выступает и маршал Г.К. Жуков. Используются тактика диффамации, а также тактика прямого оскорбления: *«... любимыми **солдафонами** у русских являются Жуков и Суворов. Люди, которые очень любили из солдатского мяса строить горы, пригорки, мостики»* [Невзоров, 2015а. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/1558532-echo>]. В отношении выдающихся русских полководцев А. Невзоров использует пренебрежительное слово «солдафон», которое используется для номинации грубого, ограниченного некультурного человека, обычно из военных. Автор приписывает генералиссимусу Суворову и маршалу Жукову садистские наклонности, используя гиперболу («очень любили из солдатского мяса строить горы...»). Усиливает воздействующий психологический эффект этого контекста градация («горы, пригорки, мостики» (из трупов. – К.В.).

Объектом дискредитации для либерального публициста Невзорова выступает также и обобщённый образ русского православного воина. Следует отметить, что большая часть русских солдат и офицеров являлись носителями традиционных духовных ценностей. Православие всегда играло важную роль в укреплении армии; духовному окормлению военнослужащих отводилось большое внимание в царской армии. В военном уставе 1647 г. «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей» уже встречается упоминание о полковых священниках, а в «Воинском уставе Петра I» 1716 г. официально закрепляется правовое положение и обязанности священнослужителей в армии. Институт военного духовенства играл важную

роль в формировании духовных ценностей и закреплении нравственных норм у военнослужащих, значительная часть которых являлась православными. Если дискредитируется русская армия, то одновременно говорится о несостоятельности духовных основ воинов. Коммуникативная цель А. Невзорова – зародить у читателя сомнение в созидающем влиянии Русской православной церкви. В отношении «русского солдата» он применяет тактику приписывания несуществующих пороков. Он пишет: *«Специфическая русская воинская традиция – при отступлении бросать на поле боя своих тяжелораненых – связана не с какой-то испорченностью или особой бесчеловечностью русских, а лишь с тем, что и солдат всегда был лишь говорящим скотом, рабом, потеря которого легко восполняется через рекрутчину»* [Невзоров, 2015: 82]. В качестве примера А. Невзоров упоминает Бородинскую битву, которую, используя перифраз, называет «Бородинским позором». Публицистом искажается моральный облик героев Отечественной войны 1812 года, в которой РПЦ сыграла значительную роль в обеспечении боеспособности [Ершов, Дробышев, 2015: 74–75]. Журналист намекает на количество потерь в рядах российской армии. При этом не находится места подвигу русского солдата и офицера. Отсутствует упоминание источника информации, событие представляется общеизвестным фактом и обозначается как «традиция». Также можно выделить такой приём как подмена понятий. Автор использует определение «воинская традиция» в неуместном контексте. А. Невзоров очерняет русского солдата, приписывая ему несвойственную черту – бросать своих на поле боя.

Воины русской армии периода Отечественной войны 1812 года, от солдата до главнокомандующего, как известно, выступали носителями православных духовных ценностей. Помимо воинских ритуалов они поддерживали и церковные традиции. Так, перед Бородинским сражением М.И. Кутузов приказал пронести икону Смоленской Божьей Матери перед армией в сопровождении крестного хода [Ершов, Дробышев, 2015: 74]. Л.Н. Толстой описывает это событие в романе-эпопее «Война и мир».

Последовательно придерживаясь тактики «чёрной мифологизации» Отечественной войны 1812 года, Невзоров рисует уничижительный образ М.И. Кутузова. В отношении этого русского полководца, который являлся учеником и соратником А.В. Суворова, применяется тактика диффамации. При этом А. Невзоров несколько раз пишет об «архивных документах», не предъявляя каких-либо данных об источнике: *«... свидетельства о специфике этого персонажа, который прославился лишь тем, что, будучи фронтовым главнокомандующим, ухитрялся спать по 18 часов в сутки, а оставшееся время тратил на тех девочек-малолеток, переодетых в казачью униформу, которых он повсюду возил с собой. Кутузов, подло напоминая документы, имея колоссальное численное, фуражное, снабженческое преимущество, сумел проиграть все главные сражения «отечественной войны»* [Невзоров, 2015: 109].

А. Невзоров не изменяет свою интенцию и при оценке вклада советской армии, победившей фашизм: *«Вот сталинская армия, которая строго по факту и беспристрастно сохранила и защитила самый людоедский режим на земле из всех существовавших, стала для миллионов людей символом добра и света. И теперь миллионами людей, внушенные пропагандой чувства, они воспринимаются как их собственные»* [Невзоровские среды. 09.05.2018. URL: <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2198752-echo>]. В этом случае применяется тактика смещения акцентов: согласно Невзорову, армия в годы Великой Отечественной войны защищала не свободу своей страны, а лишь спасала сталинский режим. При этом высказывается субъективная позиция автора в отношении истории советского периода, для чего используется гипербола. Далее А. Невзоров использует тактику приравнивания военнослужащих советской армии к последователям идеологии, основанной на насилии. Он пишет, что *«Они воевали за свое бесправие, за жизнь под вечным страхом доносов, посадки, расстрела. Иначе бы они тогда вооруженные, сформированные в полки, уничтожив одну гниду в Берлине,*

развернулись бы и уничтожили другую в Москве. Но они не могли этого сделать, потому что они были частью этого людоедского режима» [Невзоров, 2016. URL: <https://snob.ru/selected/entry/115090>]. Не удивительно, что и победа в Великой отечественной войне Невзоровым обесценивается, даже празднование Дня Победы ставится под сомнение. Он согласен с той *«малой интеллектуальной (по его мнению! – К.В.) частью общества»*, которая *«считает все девятомайское неким «запшваром, позором и таким крещендо идеологии режима»* [Невзоров, 2016. URL: <https://snob.ru/selected/entry/115090>].

В публицистических текстах Невзорова народ-победитель выступает не освободителем, а стороной, поддержавшей идеологию, которая, по его мнению, ещё более опасна, чем фашизм.

Все, что касается славы русского оружия, значимых побед отечественной армии, её ярчайших имен подвергается А. Невзоровым дискредитации, как и в целом, вся российская история, которая сравнивается публицистом с «компостной кучей»: *«При любой попытке вскапывания наша внешне вполне благополучная куча, респектализованная и богато украшенная сверху флагами, шарами и портретами президентов, демонстрирует традиционные для всякой истории червиво-зловонные недра* [А. Невзоров. 2010: 54]. А. Невзоров при описании российской истории применяет тактику создания отрицательного перцептивного образа.

Анализ публицистики А. Невзорова в лингвопрагматическом аспекте позволил выявить, что автором фальсифицируется военная история России; с помощью разнообразных коммуникативных тактик стратегии дискредитации создаются крайне отрицательные образы полководцев и русского православного воинства. Невзоров использует стратегию дискредитации когнитивного типа, подталкивая своих читателей и радиослушателей к созданию определенных выводов. Автор распространяет чёрные мифы, не оперируя реальными фактами и документами, тем самым выполняет задачи

информационно-психологической войны против России, её воинской славы и духовных ценностей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беспалов А.В. Суворов Александр Васильевич [Электронный ресурс]. 2013. URL: <http://100.histrf.ru/commanders/suvorov-aleksandr-vasilevich/> (дата обращения: 9.05.2018).
2. Ершов Б.А., Дробышев А.В. Вклад Русской православной церкви в победу над Наполеоном в Отечественной войне 1812 года // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2015. № 2 (52). Ч. II. С. 73–75.
3. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи: монография. Изд. 5-е. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
4. Лингвистика информационно-психологической войны: монография. Кн. I / А.А. Бернацкая, И.В. Евсеева, А.В. Колмогорова [и др.] / под ред. проф. А.П. Сковородникова. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2017. 340 с.
5. Невзоров А. Краткая история цинизма [Электронный ресурс]. 2010. URL: <http://iknigi.net/avtor-aleksandr-nevzorov/73956-kratkaya-istoriya-cinizma-sbornik-aleksandr-nevzorov/read/page-1.html> (дата обращения: 10.05.2018).
6. Невзоров А. Отставка господ бога. Зачем России православие? М.: Эксмо, 2015. 224 с.
7. Невзоров А. Особое мнение [электронный ресурс]. 2015а. URL: <https://echo.msk.ru/programs/personalno/1558532-echo/> (дата обращения 23.05.2018).
8. Невзоров А. Ноев «титаник» // Сноб [электронный ресурс]. 2016. URL: <https://snob.ru/selected/entry/115090> (дата обращения 23.05.2018)

9. Невзоров А. Невзоровские среды [электронный ресурс]. 2018. URL: <https://echo.msk.ru/programs/nevsredy/2198752-echo/> (дата обращения: 23.05.2018).

10. Сковородников А.П. Экология русского языка. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2016. 388 с.

ДИСКУРСИВНЫЕ ПРАКТИКИ КООПЕРАТИВНОСТИ В КОММУНИКАТИВНОМ ЖАНРЕ УСТНОГО ЭКЗАМЕНА

Аннотация: В статье рассматриваются кооперативные дискурсивные практики, которыми маркирован коммуникативный жанр устного экзамена. В ходе исследования был проведён анализ экзаменационных бесед в британской и российской лингвокультурах и выделены коммуникативные действия участников интеракции, которые ориентированы на поддержание бесконфликтного диалога в условиях статусно-ролевого неравенства коммуникантов.

Ключевые слова: бесконфликтный диалог, дискурсивные практики, кооперативное общение, маркеры кооперативности, устный экзамен.

Abstract: The article deals with discourse practices of cooperativeness inherent in the genre of oral exam. In this research the author analyzes oral exam conversations recorded in the English and Russian languages and identifies the participants' communicative actions aimed at maintenance of conflict-free dialogue when the status of people who are involved in this communication is not equal.

Keywords: conflict-free dialogue, discourse practices, cooperative communication, markers of cooperativeness, oral exam.

Специфика коммуникативного жанра устного экзамена в высшем учебном заведении подразумевает диалог, обе стороны которого обладают собственной идентичностью и преследуют свои коммуникативные цели. Кооперативное диалогическое общение реализуется посредством воспроизведения коммуникантами дискурсивных практик. Характеристики, которыми обладают дискурсивные практики, рассматривает Л.В. Куликова. К ним относятся: 1) традиционность и целесообразность: дискурсивную практику можно квалифицировать как стереотипно воспроизводимую речевую деятельность в рамках определённого типа дискурса; 2) нормированность: дискурсивные практики реализуются на основе более или менее жёстко закреплённых норм вербального и невербального характера; 3) интерактивность: дискурсивные практики порождаются в процессах диалогично развивающейся коммуникации, участники которой осведомлены о моделях эффективного дискурсивного взаимодействия в определённых ситуациях общения; 4) функционально-когнитивная направленность: дискурсивные практики артикулируются на основе идентификации

интерактивных фреймов как структурированных в сознании коммуникантов последовательностей процедур достижения заданных целей [Куликова, 2015: 10].

Кооперативные дискурсивные практики реализуются в ходе кооперативного общения, которое А.С. Букин определяет как общение, в становлении и продолжении которого коммуниканты, образующие две стороны общения, заинтересованы [Букин, 2014: 226].

Поддержанию кооперативного общения способствует бесконфликтный или гармоничный диалог, признаками которого, по мнению Т.Н. Колокольцевой, являются согласованность стратегий и тактик собеседников; взаимоприемлемая для коммуникантов тональность общения; искренняя заинтересованность в предмете обсуждения, а также в содержании сказанного собеседником; адекватное вербальное и невербальное воплощение коммуникативных установок участников диалога; достижение в процессе речевого акта хотя бы частичного взаимопонимания и согласия сторон [Колокольцева, 2009: 34].

Ситуация бесконфликтного диалога возможна, в случае если, обе стороны коммуникации будут придерживаться принципа толерантности речевого поведения, «реализация которого предполагает уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций в результате критического диалога» [Соловьёва, 2011: 181].

Н.Г. Бурмакина выделяет следующие характеристики коммуникативного жанра устного экзамена: ролевая асимметрия коммуникантов; сфера официального институционального общения; жесткие ограничения коммуникативного поведения обоих интерактантов; предварительная подготовленность речи, непрямой характер экзаменационных вопросов; ориентация на коммуникативную точность; распространенность патерналистских дискурсивных практик; нацеленность экзаменуемых на кооперативность и демонстрацию компетентности. Для экзаменуемого коммуникативной целью является демонстрация

информированности о существующих (не принадлежащих ему) мнениях по определенному научному либо научно-практическому вопросу и выражение своего отношения к данным позициям. Экзаменатор, являющийся экспертом в обсуждаемой области, принимая участие в экзаменационной беседе, выполняет роль агента социального института высшего образования. Его коммуникативная цель в данной ситуации заключается в ратификации компетентности собеседника либо в констатации дефицита знаний в обсуждаемой сфере [Бурмакина, 2014: 100–101].

Кроме того, гармоничный диалог реализуется в рамках осуществления стратегий вежливости, которые Т.В. Ларина определяет как «универсальные коммуникативные категории, представляющие собой систему национально-специфических стратегий поведения, направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соответствующих ожиданиям партнёра» [Ларина, 2009: 19]. Принимая во внимание особенности жанра устного экзамена, можно утверждать, что коммуниканты в нём более склонны к демонстрации негативной вежливости, которая подразумевает наличие дистанции между участниками коммуникации и отсутствии заботы говорящего о ненарушении свободы действия.

Таким образом под дискурсивными практиками кооперативности в академическом жанре устного экзамена мы понимаем кооперативное общение, которое сочетает в себе признаки бесконфликтного диалога, принцип толерантного речевого поведения и реализации стратегий негативной вежливости с учётом специфики коммуникативного жанра.

Эмпирическим материалом, на основе которого были выявлены дискурсивные практики кооперативности, являются затранскрибированные аудиозаписи экзаменационных бесед на русском и английском языках. На русском языке экзаменационные беседы проходили в академической дисциплине «Экономика отрасли нефтяной и газовой промышленности» в Институте управления бизнес процессами и экономики и представляли собой общение экзаменуемого с экзаменатором в форме «вопрос-ответ».

Затранскрибированные записи экзаменационных бесед на английском языке были взяты из корпуса академической коммуникации «GeWiss» в Астонском Университете в дисциплине, экзамен проходил в дисциплине «Языкознание» [GeWiss. URL: https://gewiss.uni-leipzig.de/index.php?id=full_texts&L=1]. Организационная форма такого экзамена подразумевает выступление экзаменуемого с презентацией перед аудиторией с последующим ответом на вопросы преподавателя и других студентов.

Реализуя стратегическую установку на кооперативное общение коммуниканты применяют дискурсивные практики, которые выделила Н.Г. Бурмакина, а именно практики гибкого реагирования и практики демонстрации вежливости [Н.Г. Бурмакина, 2014: 104].

Далее мы рассмотрим дискурсивные практики кооперативности на примерах фрагментов экзаменационных бесед на английском и русском языках.

Пример 1. Передача коммуникативной инициативы участнику с более высоким статусом в коммуникации; согласие с уточнением.

<i>Экзаменатор</i>		<i>Экзаменуемый</i>
01	<i>примеры вертикально</i>	
02	<i>интегрированных <u>компаний</u></i>	<i><u>так (0) э (0)</u></i>
03		<i>Роснефть Газпромнефть (1) Татнефть</i>
04		<i>Славнефть (3)</i>
05	<i>Лукойл</i>	
06		<i>так Лукойл тоже входит</i>
07	<i>куда входит</i>	
08		<i>в вертикально (0) интегрированные</i>
09		<i>нефтяные компании</i>

В репликовом шаге 02 присутствует наложение одновременно произносимых фрагментов речи: экзаменуемый продуцирует реактивную реплику, пытаясь взять коммуникативную инициативу, после чего сразу же делает небольшую паузу (*так (0) э (0)*), поскольку экзаменатор ещё не закончил озвучивать вопрос. Это вынуждает студента передать коммуникативную инициативу участнику с более высокой статусной ролью, то есть преподавателю. Репликовый ход экзаменуемого (02-04) маркирован

паузой, которая длится 3 секунды, что вынуждает экзаменатора продюцировать реплику, в которой он уточняет информацию, озвученную студентом. В свою очередь экзаменуемый соглашается с данным уточнением (*так Лукойл тоже входит*).

Пример 2. Уклонение от темы

	Экзаменатор	Экзаменуемый
01	я спрашиваю про США какая нефть	
02	вывела США на пер/передовые позиции	
03	в мире (...)	
04		(40) я знаю что у них низкокачественную
05		нефть э все разработки закрывались из-
06		за что на низкокачественную нефть то
07		есть цена цена в минус уходила они её
08		добывали только чтобы
09		транспортировать низкокачественную
10		они избавлялись от производства
11		низкокачественной нефти
12	не было такого вопроса	
13		Аа

В репликовом ходе 04-10 студент пытается уклониться от темы экзаменационной беседы, однако терпит неудачу, что подтверждается реактивной репликой преподавателя (*не было такого вопроса*).

Пример 3. Передача коммуникативной инициативы; уклонение от темы; отказ от отстаивания заявленной ранее позиции.

	Экзаменатор	Экзаменуемый
01	тогда какая там нефть в США	
02	почему она выше на мировом рынке	
03	(1) какие нефти они начали	
04	добывать какие у них самые	
05	большие запасы	
06		ну вообще нефть марки Brent она самая
07	<u>её не в США добывают</u>	<u>самая так сказать (1)</u> ну её добывают не
08		в США
09	я спрашиваю про США какая	
10	нефть	

В данном примере присутствует ситуация совместного говорения в реплике 07 (самая так сказать (1)), из которой коммуникант-студент, имеющий более низкий статус в экзаменационной беседе, выходит,

выдерживая паузу и передавая коммуникативную инициативу участнику с более высоким статусом – экзаменатору. В репликовом ходе 07-08 (*ну вообще нефть марки брент она самая*) студент пытается уклониться от темы и терпит коммуникативную неудачу, поскольку преподаватель замечает данную попытку и прерывает его репликой (*её не в США добывают*). В репликовом шаге 07-08 (*ну её добывают не в США*) экзаменуемый соглашается с критическим замечанием экзаменатора (*её не в США добывают*) и отказывается отстаивать свою позицию. Причиной этого, предположительно, может являться дефицит знаний.

Пример 4. Положительная оценка реплики экзаменуемого.

	Экзаменатор	Экзаменуемый
01	<i>транзакционные издержки</i>	
02		<i>это издержки связанные со сделками</i>
03		<i>пообмену и передаче собственности</i>
04	<i>замечательно (0) так (1)</i>	

В данной ситуации экзаменуемый реализует дискурсивную практику демонстрации знаний в репликовом шаге 02-03 (*это издержки связанные со сделками по обмену и передаче собственности*). Это подтверждается реактивной репликой экзаменатора 04 (*замечательно*), в которой он даёт положительную оценку сказанному экзаменуемым.

Пример 5. Положительная оценка реплики студента; вспомогательный вопрос.

	Экзаменатор	Экзаменуемый
01	<i>в течение скольких производственных</i>	
02	<i>циклов?</i>	<i>ну двенадцати</i>
03		<i>аа одного производственного цикла</i>
04	<i>одного производственного цикла</i>	
05	<i>правильно и (0) как они</i>	
06	<i>потребляются (0) частями или</i>	
07	<i>полностью в одном производственном</i>	
08	<i>цикле</i>	
09		<i>Полностью</i>

В репликовом шаге 04-05 коммуникант-экзаменатор повторяет сказанное экзаменуемым (*одного производственного цикла*) и даёт

положительную оценку данной реплике (*правильно*), подтверждая релевантность репрезентируемой студентом информации. Кроме того, в реплике 05-08 преподаватель, продолжая экзаменационный диалог, задаёт вопрос и при этом предлагает варианты ответа на него (*частями или полностью в одном производственном цикле*), что может облегчить процесс ответа для студента.

Пример 6. Вспомогательные вопросы; разъяснения.

	Экзаменатор	Экзаменуемый
01	у нас есть средства труда предметы	
02	труда и сам труд это э основные	
03	составляющие производственного	
04	<u>процесса</u> вспоминаешь из экономики	<u>производственного процесса</u>
05	предприятия?	
06		да
07	вспоминаешь (0) средства труда это	
08	что это?	
09		(5) сырьё необходимое оборудование
10		для создания товаров и услуг
11	вот у нас на предприятии есть средства	
12	труда предметы труда и сам труд	
13	средства труда это что?	
14		ну используемые в производственном
15		процессе не менее ... (1) используемые
16		многократно

В данной интеракции студент участвует в экзаменационной беседе с преподавателем, который продуцирует реактивную реплику (*у нас есть средства труда предметы труда и сам труд, ..., вспоминаешь из экономики предприятия*). Неравенство статусных ролей, характерное для жанра устного экзамена подразумевает то, что экзаменатор может оставлять реактивные реплики экзаменуемого без внимания, однако в этом диалоге он развёрнуто комментирует ответ студента и задаёт наводящий вопрос (*средства труда что это?*), что способствует дальнейшему развитию беседы.

Пример 7. Демонстрация осведомлённости; демонстрация заинтересованности.

	Экзаменатор	Экзаменуемый
01	um (0) will you be using a	
02	special framework for this?	

03	<i>yeah I'm going to be using um (0) I've been looking at</i>
04	<i>Stubbs and Cunningham (0) and Cunningham has been</i>
05	<i>er has (3) got a framework of what he's found um um</i>
06	<i>that (0) er students like to er um like to see in course</i>
07	<i>books in different things that students like to um learn</i>
08	<i>about and also what there is (0) in course books as</i>
09	<i>well like the he says there's not much um focus on and</i>
10	<i>also what there isn't (0) in course books as well like the</i>
11	<i>he says there's not much um focus on disability there's</i>
12	<i>not much focus on um (3) like activities like for example</i>
13	<i>hot air ballooning and um a troop sports and stuff like</i>
14	<i>that so I'm (0) probably gonna focus on (0) Cunning-</i>
15	<i>ham (1) but of course I'll do some more reading and I'll</i>
16	<i>find out</i>

В данном примере студент демонстрирует осведомлённость в обсуждаемом вопросе. В реплике 3-14 (*I've been looking at Stubbs and Cunningham (0) and Cunningham has been er has (3) got a framework of what he's found*) он, отвечая на заданный вопрос, пытается убедить экзаменатора в своей компетентности, ссылаясь на результаты, полученные ранее, акцентируя внимание на том, что поиск информации был начат и продолжается до сих пор. Для этого он использует глагол в перфектно-длительном аспекте (*I've been looking*). Кроме того, в реплике 14-15 (*I'm (0) probably gonna focus on (0) Cunningham (1) but of course I'll do some more reading and I'll find out*) экзаменуемый информирует экзаменатора о наличии интенции к более тщательному изучению темы, тем самым демонстрируя преподавателю заинтересованность в обсуждаемом вопросе. Это выражено посредством использования глаголов в будущем времени (*I'll do*) и (*I'll find out*).

Пример 8. Демонстрация осведомлённости, мониторинг внимания собеседника

<i>Экзаменатор</i>	<i>Экзаменуемый</i>
01 <i>I think maybe working with other</i>	
02 <i>Swahili first language speakers (0)</i>	
03 <i>or are they mainly working with (0)</i>	
04 <i><u>are the people</u> using English as a</i>	<i>yeah (3) <u>yeah I did</u></i>
05 <i>second language or are other people</i>	
06 <i>using it as a first language?</i>	
07	

08		well what I've done is er (0) most of them (0) are
09		in that position (0) most of them (1) I (1) are (0)
10		you know like (0) work (0) they're working in er
11		warehouses and all that (0) even if they're shop-
12		ping and everything that they do they tend (0) to
13	<u>hm hm</u>	sort of like (0) keep (0) to <u>themselves</u> (1) er (1)
14		there is one or two instances of a woman (0) one
15		of the women who have got married to a second
16		generation (0) er British of Pakistani origin and
17		she is a muslim (0) that er (0) that sort of envi-
18		ronment (0) and er (1) her language would be (1)
19		a bit different but there's a lot of erm (1) you
20		know (2) er (2) transfer (0) across language study
21		classes (2) from (1) that (0) er (1) one or two (2)
22		have (2) better access to the (0) local population
23		of er (0) you know (0) typical British er

В реплике 04, 08 (*yeah I did*) и (*what I've done is*) экзаменуемый сообщает о проделанной ранее работе, демонстрируя осведомлённость в обсуждаемом вопросе. Это делается посредством использования глаголов в прошедшем времени (*I did*) и глаголов в совершенном аспекте настоящего времени (*I've done*). В репликовых ходах 10, 19, 20, 23 реализуется дискурсивная практика кооперативности, которую можно классифицировать как мониторинг внимания собеседника. На семантическом уровне конструкция (*you know*) подразумевает намерение осведомиться о наличии определённой информации у субъекта. Однако, учитывая контекст коммуникативной ситуации, в котором коммуниканту-экзаменуемому предписано отвечать на вопросы экзаменатора, а не задавать их или же делать суждения о наличии у экзаменатора знаний в обсуждаемом вопросе, фраза (*you know*) может быть использована для того, чтобы акцентировать внимание преподавателя на определённом тематическом аспекте сказанного экзаменуемым.

Пример 9. Предварительное согласие.

	<i>Экзаменатор</i>	<i>Экзаменуемый</i>
01	and it will work with different lan-	
02	guages?	yes er (0) no it's just at the moment it's just on er
03	<u>Yeah</u>	done on English (0) <u>but</u> they're looking to improve it
04		and also they're saying that they might be able to er
05		(.) put er like (.) be able to print out the paper online

06

07 yeah*so you don't have to buy it every time (0) so (0) but
they're looking into that at the moment*

В этом примере студент, отвечая на вопрос экзаменатора, сначала использует релятив согласия (yes), после чего манифестирует противоположную позицию (*no it's just at the moment it's just on er done on English*) и объясняет её подробнее. Данную дискурсивную практику можно классифицировать как предварительное согласие, когда коммуникант-студент, имея интенцию поддерживать диалог, прибегает к максимально неконфликтным коммуникативным действиям и во всём соглашается с экзаменатором, после чего, осознавая невозможность продолжения беседы в этом направлении, отказывается от первоначально выбранной тактики ответа.

Таким образом, общение участников экзаменационной беседы маркировано большим количеством кооперативных дискурсивных практик. Рассмотренный эмпирический материал позволил выявить следующие группы: практики гибкого реагирования, например, согласие с уточнением, уклонение от темы, отказ от отстаивания заявленной ранее позиции, согласие с критикой, мониторинг внимания собеседника; практики демонстрации вежливости, например, передача коммуникативной инициативы участнику с более высоким статусом в коммуникации, демонстрация заинтересованности, демонстрация осведомлённости, предварительное согласие, а также вспомогательные вопросы, разъяснения, положительная оценка реплики экзаменуемого. Наиболее частотными дискурсивными практиками кооперативности, к которым прибегают студенты являются: уклонение от темы, передача коммуникативной инициативы участнику с более высоким статусом, демонстрация осведомлённости. Экзаменаторы наиболее часто прибегают к такой дискурсивной практике как положительная оценка реплики экзаменуемого.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Букин А.С. Когнитивные аспекты языковой категоризации: проблема некооперативного диалога // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2014. С. 226–232.
2. Бурмакина Н.Г. Дискурсивно-интегративные и культурно-конвенциональные характеристики академической коммуникации: дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19. Красноярск, 2014. 217 с.
3. Колокольцева Т.Н. Культура диалогического общения (реплики-реакции в диалоге) // [Электронный ресурс] Электронный научно-образовательный журнал ВГПУ «Грани познания». 2009. №1 (2). С. 33–36.
4. Куликова Л.В. Дискурсивные практики современной институциональной коммуникации. Красноярск: Сиб. федер. ун-т, 2015. 183 с.
5. Ларина Т.В. Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 516 с.
6. Соловьёва Н.В. Типы речевого поведения в научном дискуссионном тексте // Вестник КемГУ. 2011. № 1. С. 180–184.
7. Gewiss // Корпус академической коммуникации [Электронный ресурс]. URL: https://gewiss.uni-leipzig.de/index.php?id=full_texts&L=1 (дата обращения 29.10.2017).

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ,

ИСПОЛЬЗОВАННЫЕ ПРИ ТРАНСКРИБИРОВАНИИ

<i>Процессы</i>	Наложениевысказываний обозначается подчеркиванием одновременно произносимых фрагментов.
(1)	Цифры в скобках обозначают продолжительность паузы в секундах, паузы продолжительностью менее одной секунды обозначаются цифрой «0».
<i>Мгм, er, э</i>	Знаки хезитации, вокализованные паузы, знаки приема.
(...)	Данное обозначение используется в случае невозможности расшифровать фрагмент звучащей речи.
/	Косая черта маркирует обрыв слова.
<i>Аа</i>	Просодическое выделение обозначается путем написания прописными буквами выделяемого слога.

ЗНАКИ-ИКОНЫ В СОВРЕМЕННОМ КИТАЙСКОМ ЖЕСТОВОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация: статья посвящена изучению графической структуры знаков-икон в современном китайском жестовом языке. Китайский жестовый язык, наравне со словесным, признан самостоятельным и естественным явлением в научном лингвистическом сообществе, тем не менее, значительная часть его знаков калькирует иероглифы изобразительного типа. Использование таких знаков в китайском жестовом языке на данный момент не исследовано в китайском и европейском академическом пространстве, и потому требует дополнительного изучения.

Ключевые слова: семиотика, жестовые языки, иероглифика, знаки-иконы, изобразительные иероглифы.

Abstract: The article is devoted to the problem of iconic signs in the modern Chinese sign language. The Chinese sign language along with the verbal one is recognized as an independent and natural phenomenon in the scientific linguistic community, however, a significant part of its signs is traced by hieroglyphs of the pictorial type. The usage of such signs in the Chinese sign language is not currently investigated in the Chinese and European academic community, and therefore requires further study.

Keywords: semiotics, sign languages, hieroglyphics, iconic signs, pictorial characters.

Жестовый язык – это самостоятельный язык, состоящий из множества жестов, каждый из которых производится руками, формой или движением рта и губ, в сочетании с положением корпуса тела. Такие языки в основном используются в культуре людей с ограничением слуха и речи с целью коммуникации.

Универсальная научно-популярная энциклопедия «Кругосвет» предлагает следующее определение данного термина: «Жестовые языки – языки, план выражения которых строится исключительно на жестикуляторно-мимической основе» [Жестовые языки URL: http://www.xn--90aiamszeam5j.www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZHESTOVIE_YAZIKI.html], при этом по функциям и коммуникативным возможностям они не уступают звучащим языкам [там же].

Китайский лингвист Ян Цзюньхуэй жестовым языком называет «инструмент общения, используемый глухими и немymi людьми для замены

разговорного языка: использование положения руки, движение, положение, ориентация ладони в совокупности с выражением лица и положением тела (иногда с положением рта), в соответствии с определенными правилами грамматики» [Цзюньхуэй, 2002: 24].

Существует гипотеза, что словесный язык возник около тридцати-пятидесяти тысяч лет назад и с тех пор вербальная система коммуникации – основное средство общения в человеческом обществе. Таким же древним является и общение людей с помощью невербальных средств – жестов. «Некоторые ученые считают, что жестовый язык предшествовал звуковому, т.е. люди общались жестами раньше, чем научились разговаривать» [Зайцева, 2000: 10].

Жестовые языки обладают всеми компонентами, которыми обладают устные языки и таким образом их можно характеризовать как полноценные. Сам жест не обязательно имеет визуальную связь с обозначаемым предметом или явлением. Также жесты не являются калькой для словесных языков и имеют свою собственную грамматическую структуру, они достаточно полны для осуществления коммуникации на абсолютно различные темы: от быденных до профессиональных. В большинстве жестовых языков также используются классификаторы, встречается высокая степень словоизменения, а также собственный синтаксис. Уникальность жестовых языков состоит в возможности жестов обретать разные смыслы в зависимости от многих параметров, передаваемых одновременно, в отличие от обычных языков, где всё это происходит почти всегда последовательно.

На данный момент существует большое количество жестовых языков, и самыми распространенными из них можно назвать американский жестовый язык «амслен» (от англ. American Sign Language, англ. ASL), появившийся в восемнадцатом веке, и давший начало французскому и русскому жестовому языку. Амслен является основным жестовым языком в сообществах глухих США и англоговорящих частей Канады. Кроме того, на диалектах амслена

или его креолах говорят во многих странах мира, в частности, большинстве стран Западной Африки и части стран Юго-Восточной Азии.

Жестовые языки делятся на семьи: в семью американского жестового языка входит греческий жестовый язык, индонезийский жестовый язык, квебекский жестовый язык марокканский жестовый язык. В семью британского жестового языка – австралийский жестовый язык, британский жестовый язык, новозеландский жестовый язык, приморский жестовый язык. Самым большим семейством является семейство французского жестового языка, в него входят следующие жестовые языки: австрийский жестовый язык, алжирский жестовый язык, жестовый язык амслен, венгерский жестовый язык, греческий жестовый язык, малайский жестовый язык, русский жестовый язык, фламандский жестовый язык, и сам французский жестовый язык.

Китайский жестовый язык развивался в длительном историческом процессе. Он основан на письменном китайском языке, имеет свою собственную слоговую дактильную азбуку – вспомогательную систему жестового языка, в которой каждому жесту одной руки соответствует определённый слог. Знаки дактилологии отличаются от обычных жестов, означающих понятие или комплекс понятий.

Например, русская, испанская и другие дактильные азбуки являются одноручными, копирующими (т.е. стремящимися к сходству дактилемы с буквой) и буквенными, английская – двуручной (кроме буквы С), копирующей и буквенной. Китайский дактильный алфавит в этой классификации определяется как комбинированный, вариантный и совмещенный. Дело в том, что современный китайский дактильный алфавит представляет собой два набора дактилем: первый набор для согласных начального слога второй набор – пальцевые обозначения конечных слогов [Зайцева, 2000: 23].

Китайский жестовый язык использовался для общения людей еще до появления вербального языка. Исходя из исторических материалов, ранние

письменные записи о китайском языке жестов можно найти еще в «Исторических хрониках» Хуайинь Хоу, датированных около 100 г. до нашей эры. В книге «Знак двуязычия» писатель Джун Хуэйян, ссылаясь на исторические записи, отмечает, что язык жестов использовался еще в династии Тан (618–959 н.э). Существуют исторические примеры жестового языка, используемого глухими людьми в Китае на протяжении времени правления династии Мин (1368–1644) и династии Цин (1644–1911) [Цзюньхуэй, 2002: 11].

В Китае существует собственный язык жестов, известный как «中国手语» / «китайский язык рук». Он состоит из ряда сигналов рук, пальцев и мимики, передающих значение отдельных слов и общего смысла высказываний.

На данный момент в китайском жестовом языке, как и в словесном, существует несколько диалектов: южный – используется в Шанхае, и северный, использующийся в Пекине. Северный диалект является более распространённым в Китае. Также существует Гонконгский жестовый язык, произошедший от южного диалекта Китайского жестового языка.

Особенностью китайского жестового языка, которая выделяет его среди ряда различных европейских жестовых языков, является его тесная связь с письменностью. Письменность китайского языка, в свою очередь, тоже является особенной: типология китайских иероглифов разнообразна, но наиболее тесную связь с жестовым языком представляет собой изобразительный тип иероглифов.

Изобразительные иероглифы – это иероглифы, которые изначально представляли собой примитивный рисунок и претерпели изобразительные иероглифы с течением времени. Часть знаков китайского жестового языка иконична. Знак-икона – это знак, чья форма и содержание сходны качественно и структурно. Такие знаки-иконы (жесты) в китайском жестовом языке зачастую передают изображение не только означаемого

предмета/явления, но и самого иероглифа, который с течением времени стал напоминать означаемое отдалённо.

Рассмотрим эту особенность на нескольких примерах из учебно-методического пособия «中国手语日常会话» (Повседневный разговорник китайского жестового языка), содержащего в себе наиболее часто используемые знаки китайского жестового языка.

Знак «王» (король, император) передаётся в китайском жестовом языке (далее КЖЯ) через постановку трех пальцев левой руки перпендикулярно указательному пальцу правой, тем самым в точности копируя соответствующий иероглиф.

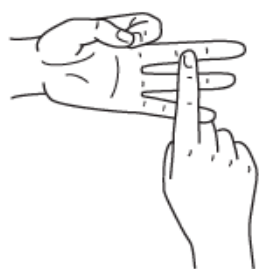


Рисунок 1. Знак «王»

Сопоставим знак «毛» (шерсть, оперение) с его выражением в КЖЯ.

Так же, как и в знаке «王», используются три пальца левой руки, а свободная – правая рука, рисует черту, которая среди графических элементов китайской иероглифики называется «плывущий лебедь».

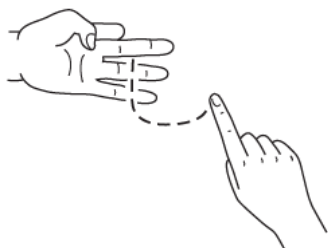


Рисунок 2. Знак «毛»

« 人 » (человек) – это один из наиболее часто используемых иероглифов в китайском языке – человек в точности копируется в КЖЯ при помощи сложения указательных пальцев двух рук.



Рисунок 3. Знак «人»

Знак «士» из «女士» (госпожа, сударыня) в отличие от первого знака «女», который не калькирует иероглиф, знак «士» в точности, вплоть до порядка написания черт, повторяет изображение знака «士» на письме.

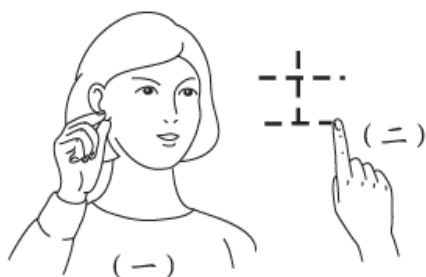


Рисунок 4. Знак «士»

« 于 » (предлог «для, в целях»), в китайском жестовом языке также сходен с письменным эквивалентом. Примечательно, что графической кальке в КЖЯ поддаются не только самостоятельные части речи, но и служебные.



Рисунок 5. Знак «于»

Довольно интересным является знак « $\overline{\text{示}}$ » (выражать, изъяслять). Два пальца левой руки предстают в виде двух горизонтальных черт иероглифа, а правая рука рисует иероглиф «小» (маленький). На данном примере мы видим частичную кальку иероглифа с использованием в ней других графем.



Рисунок 6. Знак « $\overline{\text{示}}$ »

Подобным образом репрезентируется в КЖЯ знак «件» (классификатор для предметов). Левая рука при помощи большого и указательного пальца изображает графему «человек», правая – графему «корова».



Рисунок 7. Знак «件»

Изображение знака «太» (весьма, слишком) в КЖЯ графически полностью совпадает с соответствующим иероглифом.



Рисунок 8. Знак «太»

Вербальный китайский язык отличается от европейских языков не только своей структурой, но и письменностью, в которой, в отличие от алфавитной системы записи, каждому знаку присвоено своё собственное значение (не только фонетическое), а также большим количеством знаков. В свою очередь, китайский жестовый язык равным образом существенно отличается от жестовых языков других семей, и этот факт отчетливо проявляется в графической репрезентации иероглифического знака в единице китайского жестового языка – жесте. Приведенные примеры знаков-икон, которые графически калькируют изобразительные иероглифы, демонстрируют уникальную связь между знаками КЖЯ и китайским иероглифическим письмом. Данная особенность позволяет рассуждать о многообразии и вариативности такой знаковой системы как китайский жестовый язык.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2000. 192 с.
2. Жестов(ые) языки [Электронный ресурс] // Кругосвет: Универсальная научно-популярная энциклопедия. URL: http://www.xn--90aiamszeam5j.www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/ZHESTOVIE_YAZIKI.html (дата обращения: 06.03.2018).

3. Прозорова Е.В. Российский жестовый язык как предмет лингвистического исследования // Вопросы языкознания. 2007. Вып. 1. С. 44-61.

4. 中国聋人协会. 中国手语日常会话, 2005. [Китайская ассоциация глухих и слабослышащих. Повседневный разговорник китайского жестового языка].

5. 杨军辉. 中国手语和汉语双语教育初探, 2002. [Ян Цзюньхуэй. Китайский жестовый язык и двуязычное образование на китайском языке].

ОСОБЕННОСТИ ОРГАНИЗАЦИИ ПРАГМАТИЧЕСКОГО ВОЗДЕЙСТВИЯ В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕКЛАМЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье выявляются основные тенденции формирования общего пространства англоязычной социальной рекламы в аспекте ее воздействующего потенциала. В качестве материала для анализа выступает созданная в разных лингвокультурах англоязычная социальная реклама, распространяемая в сети Интернет.

Ключевые слова: социальная реклама, антропоцентричность, гиперэкспрессивные техники, лаконичность, императивность.

Abstract: This article focuses on the problem of formation of English-language social advertising in the modern world community, the materials for the analysis being the English-language social advertising created in different cultures but widely spread on the Internet.

Keywords: social advertising, anthropocentricity, hyper expressional influence techniques, laconism, imperativeness.

В последнее время к изучению дискурса социальной рекламы проявляется большой интерес. Это обусловлено тем, что социальная реклама используется в качестве наиболее активного способа воздействия на аудиторию в решении сложных социальных проблем. Значительный рост социальной рекламы можно заметить на телевидении, информационных щитах и плакатах, в сети Интернет, что, с одной стороны, способствует ее быстрому распространению в глобальном мировом пространстве, а с другой стороны, приводит к изменению формата и, как следствие, усилению воздействующего потенциала.

Изучением дискурса социальной рекламы как вида некоммерческой рекламы, направленной на изменение моделей общественного поведения и привлечения внимания к проблемам социума [Пядышева, 2013; 56], занимаются специалисты из области социологии, экономики, политологии, юриспруденции, а также лингвистики, что обеспечивает междисциплинарность исследования. В рамках данной статьи лингвистический ракурс исследования позволил рассмотреть данный тип дискурса в аспекте его функционирования в различных лингвокультурах. Это

позволило выявить ряд общих тенденций, характерных для англоязычного пространства социальной рекламы.

На общие тенденции развития социальной рекламы заметно влияет процесс глобализации. Это способствует расширению ее потенциальной аудитории и выходу за рамки одной культуры. В связи с этим социальная реклама увеличивает спектр своего воздействия и становится глобальным феноменом мировой культуры.

В качестве материала для исследования была взята социальная реклама, размещенная в сети Интернет. Английский язык, использованный для написания текстов социальной рекламы, являлся общим критерием подбора материала для исследования. Результаты анализа показали тенденцию функционирования социальной рекламы на английском языке за пределами англоговорящих стран, таких как Россия, Польша, Индия, Япония и др.

Сложившаяся ситуация дает возможность говорить о формировании общего англоязычного пространства социальной рекламы, где английский язык служит универсальным способом передачи информации, расширяет пространственные границы и помогает глобально подойти к решению социальных проблем общества.

В рамках анализа общего англоязычного пространства социальной рекламы были выявлены основные тенденции ее развития. Это прежде всего

- активное использование визуального компонента;
- использование гиперэкспрессивных техник воздействия;
- опора на визуальные образы человека;
- максимальная лаконичность;
- минимальная императивность.

На современном этапе развития рекламы в большинстве проанализированных примеров (84 из 100) визуальный компонент выступает основным вектором воздействия на адресата. Данная тенденция плотно закрепилась в рекламном пространстве и рассматривается как ведущая. В

свою очередь, собственно текст рекламы выступает вторичным компонентом, позволяющим влиять на адресата сообщения. Предполагается, что воздействие на основе доминирующего визуального образа позволяет удвоить воздействующий потенциал социальной рекламы, тем самым сделав ее более эффективной и активной. Более того, современная дискурсивная культура активно использует визуальный компонент, т. к. он стал неотъемлемым и самым удобным, быстрым форматом хранения, передачи и усвоения информации в силу наглядности, образности информации [Левицкая, 2016; 53].

Один из теоретиков визуальных исследований В. Дж. Т. Митчелл подтверждает выявленную тенденцию, говоря о том, что за последние десятилетия отмечается переворот в гуманитарных науках, вызванный интересом к изучению визуальной культуры в широком контексте [Mitchell, 1995; 541]. Этот переворот главным образом затронул сферу кино, телевидения, рекламы с позиции современных философских и социальных теорий, объясняющих специфику «общества спектакля», феномена массовых коммуникаций. В контексте данного подхода современная философия и наука все в большей мере ориентируются на новую модель мира, которая представлена не только текстом, но и образом. Новая медиареальность востребовала иной язык общения. Этим языком стал визуальный образ [Дроздова, 2014: 5].



Рис.1. Пристегнись. Останься в живых

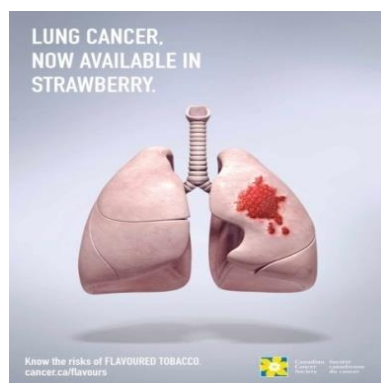


Рис.2. Рак легких. Теперь с клубникой



Рис.3. Что мы видим, когда ты куришь

На рисунке 1 представлена канадская социальная реклама, призывающая пристегивать ремни безопасности, находясь в автомобиле. Визуальный компонент в представленном примере выступает основным средством привлечения внимания и оказания влияния на аудиторию. На рекламном плакате на черном фоне белыми цифрами написан год рождения пассажира (1988 г.), что позволяет адресату отнести его к группе молодых людей. На плакате также (подобно тому, как отмечаются годы жизни человека, которого уже нет в живых) написана еще одна дата (дата смерти), которая скрыта от получателя рекламного сообщения пристегнутым ремнем безопасности. Основной концептуальный смысл рекламного сообщения заключается в идее о том, что соблюдение правил безопасности всегда значительно продляет жизнь. Четкий и знакомый визуальный компонент, таким образом, позволяет наглядно воспринимать важную проблему. Именно он хорошо запоминается и запечатлевается в сознании адресата.

Не менее запоминающимся выступает образ рекламы против курения, визуальный компонент которой – поврежденные места в легких человека,

имеющие вид клубничной кляксы (рис. 2 (Канада)). Данная социальная реклама фокусирует идею опасности курения для здоровья независимо от того, с какими добавками производятся сигареты.

Более того, визуальный компонент может быть подвержен анимации или сопровождаться реальными визуально-воспринимаемыми эффектами. Примером подобного приема служит социальная реклама против курения, распространенная в США (рис. 3). Производители рекламы наглядно показывают, как выглядит курящий человек в глазах общества. Данная социальная реклама прикрепляется к выхлопной трубе, и когда автомобиль находится в движении, изо рта курильщика выходит едкий дым. Гиперэкспрессивные техники воздействия представляют собой широко распространенный прием усиления эффективности дискурса социальной рекламы. Такие техники могут быть названы оригинальными способами рекламного воздействия, поскольку позволяют произвести на адресата самое яркое впечатление от воспринимаемого концептуального смысла. Их использование обусловлено спецификой дискурса социальной рекламы, которая заключается в отсутствии предварительной заинтересованности целевой аудитории, и, как следствие, необходимостью создания сильнейшего эмоционального эффекта от восприятия рекламы.

Не менее значим фактором, способствующим использованию гиперэкспрессивных техник воздействия, является то, что реклама как феномен массовой культуры создает изобилие образов. Это, в свою очередь, приводит к перенасыщению сообщений в повседневной жизни. Визуальный и текстовый шум мешают запоминанию и восприятию рекламы, что значительно затрудняет привлечение внимания аудитории. Избыточность визуальных образов (как по разнообразию, так и по частоте экспликации) приводит к десенсибилизации, что в итоге требует самых сильных техник воздействия. Таким образом, современная социальная реклама борется за привлечение рефлексивного внимания и удержание селективного внимания.

Примером гиперэкспрессивных техник воздействия является использование агрессивных визуальных компонентов, нередко предлагающих шокирующие сцены, что порождает новый вид социальной рекламы – шоковую рекламу [Солодовникова, 2011: 34]. Не менее распространенной гиперэкспрессивной техникой воздействия выступает использование контрастных раздражителей (например, использование образа ребенка с оружием в руках (рис. 5)).



Рис. 4. Ты можешь потерять гораздо больше, чем просто терпение.



Рис.5. Угадай, что.



Рис. 6. Не разговаривай с ней по телефону, пока она за рулем.

Так, польский социальный проект против жесткого обращения с детьми «Good parents» представлен серией рекламных постеров, в основе

которых используются фотографии реальных детей. Техническая обработка таких фотографий позволяет представить детей в виде сломанных фарфоровых кукол. Подобная социальная реклама носит характер шоковой рекламы в Польше, поскольку вызывает сильные негативные эмоции и, как следствие, высокую отрицательную оценку аудитории. В свою очередь, негативные эмоции вызывают состояния стресса. В данном случае они провоцируют чувство вины и страха потери. Это включает бессознательные механизмы защиты психики. Запускаются процессы вытеснения, подавления, искажения или изоляции, так как эта информация грозит нарушить сложившееся равновесие, внутреннюю согласованность психической жизни.

Не менее распространенной тенденцией в дискурсе социальной рекламы в англоязычном пространстве выступает *использование визуальных образов человека*. Данная тенденция является очень эффективной, т.к. именно образы людей в силу их наивысшей антропоцентричности имеют высокую способность к эмоциональному воздействию. Использование «человеческих» визуальных образов позволяет установить доверительный контакт между аудиторией и создателями социальной рекламы, положительно влияя на эффективность социальной рекламы. Более того, использование визуальных образов человека делает аудиторию причастной к всеобщей проблеме, тем самым побуждая ее к действию.

Дизайнер, эксперт по оптимизации пользовательского опыта Аарон Уолтер дает объяснение эффективности использования визуального образа человека. В качестве основных причин он указывает на следующие.

Во-первых, человеческий визуальный образ вызывает чувство эмпатии. Таким образом, адресат начинает ощущать те чувства и эмоции, которые изображены на лице визуального образа.

Во-вторых, использование человеческого визуального изображения устанавливает контекстуальную связь между отправителем и получателем сообщения.

В-третьих, изображения лиц добавляют «фактор человечности» рекламному сообщению, что усиливает эмоционально-психологический аспект воздействия на адресата [Уолтер, 2012: 115].

Особую значимость имеет взгляд людей, изображения которых используются в дискурсе социальной рекламы. В большинстве случаев этот взгляд прямой. Он служит мощным способом воздействия на адресата, так как затрагивает суггестивный уровень психологического воздействия. Прямой взгляд также позволяет установить персональную связь с получателем рекламного сообщения.

Более того, в рамках исследования активного включения визуального образа человека была выявлена тенденция использования в качестве визуальных человеческих образов представителей той культуры, в рамках которой функционирует данная социальная реклама. Это, с одной стороны, обуславливает сохранение национальной специфичности воспринимаемой рекламы и, как следствие, ее большей эмоциональной близости к адресату. С другой стороны, описанная тенденция обеспечивает социальной рекламе глобальность, т.к. включает в общий англоязычный контекст национально специфичные образы, указывая на наличие социальных проблем в обществе в целом.

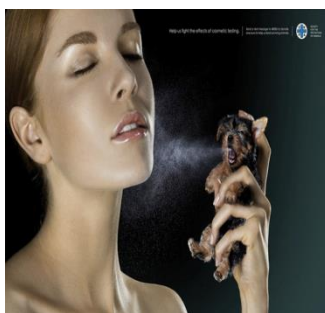


Рис.7. Помоги нам в борьбе против теста косметики на животных.



Рис. 8. Курение вызывает преждевременное старение.

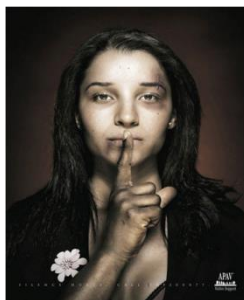


Рис.9. Молчание причиняет боль.

Примером рекламы, использующей визуальный образ человека, выступает португальская рекламная компания (Рис. 9) *APAV (Portuguese Association for Victim Support)*. Создавая серию социальных реклам, данная рекламная компания борется за права женщин, столкнувшихся с физическим насилием в семье. В анализируемом примере большую часть информационной нагрузки (и, соответственно, воздействующего потенциала всего рекламного плаката) несет в себе визуальный образ несчастной молодой женщины со следами насилия на лице. Сильным эмоциональным компонентом данного визуального образа служит также палец мужской руки у губ женщины, заставляющий ее молчать. Вид молодой женщины выступает убедительным доказательством существующей социальной проблемы. В свою очередь, текстовая часть рекламы – фраза «*Silence hurts*» – объясняет причину распространения данной проблемы (страх и молчание жертв и всеобщее молчание общества) и, как следствие, подготавливает адресата к предлагаемому решению (побуждение позвонить по определенному номеру – «*call 7072000777*»).

Таким образом, использование «человеческих» визуальных образов позволяет ускорить достижение одной из основных целей социальной рекламы, которая заключается в том, чтобы изменить поведение целевой аудитории относительно той или иной социальной проблемы.

Для дискурса англоязычного пространства социальной рекламы также характерна *максимальная лаконичность текстового сообщения*. Современная социальная реклама не перегружена текстом, и в качестве

синтаксической основы ее вербального компонента выступают простые предложения.

Данная тенденция обусловлена тем, что информационная перегруженность разного рода рекламы делает социальную рекламу менее эффективной с точки зрения воздействия на адресата. Текстовая информация способствует удержанию селективного внимания аудитории, помогает закрепить идею визуального образа и пропустить информацию в высшие отделы мозга для дальнейшей оценки. В свою очередь, краткость текстового сообщения не перегружает рекламное сообщение и делает его легким для восприятия, выполняя одну из задач социальной рекламы: в краткой и лаконичной форме повлиять на то, чтобы целевая аудитория задумалась о проблеме общества и изменила свою модель поведения.

Примером лаконичности и краткости текста современной социальной рекламы может выступать, например, социальная реклама против жестокого обращения с детьми (рис. 4). Ее слоган «*You can lose more than your patience*» несет в себе значимый компонент воздействия на адресата, поскольку в нем передается идея вероятной потери (*can lose*). Указание на личностную ориентированность потери (подлежащее выражено местоимением второго лица, единственного числа *you*) повышает психологическое воздействие на адресата. Предметом потери выступает жизнь ребенка. Имплиcitная языковая репрезентация данного компонента концептуального смысла (жизнь ребенка = *more than your patience*) возможна и оправдана благодаря яркому визуальному образу. На постере рекламы плачущий ребенок изображен в виде сломанной фарфоровой куклы с разбитыми ногами и руками. В результате подобной социальной рекламы с минимальным использованием текста, который дополняет концептуальный смысл, получаемый в результате восприятия визуального образа, подводя определенный итог о вытекающих последствиях, вызывает шоковую реакцию аудитории, воздействуя на её систему ценностей и приоритетов [Левицкая, 2016: 53].

Изучение современной социальной рекламы показывает тенденцию к *снижению императивности*. Она состоит в частом отказе от использования повелительного наклонения. Модальные оттенки этого наклонения, такие как требование, запрет и просьба все реже используются в слоганах и заголовках рекламы и чаще представлены в эхо-фразе [Всероссийский..., 2018: URL: <http://www.press-service.ru/terms/128/>], функцией которой является повторение основной мысли рекламы и передача завершенности рекламы. В заголовках современной социальной рекламы преобладающим видом наклонения выступает изъявительное наклонение. Как следствие, глаголы настоящего времени в изъявительном наклонении не «угрожают» потенциальной аудитории, а непосредственно помещают ее в коммуникативную ситуацию, делая проблему актуальной. Констатация факта, которая возможна при использовании изъявительного наклонения, фиксирует проблему и, следовательно, заставляет человека рефлексировать и задуматься о возможном вреде или угрозе. Соответственно, адресату предлагается делать самостоятельные выводы и совершать самостоятельные действия. В свою очередь, использование глаголов в будущем времени изъявительного наклонения подчеркивают неизбежность исхода события, представляя адресату сценарий его развития.

Воздействующая сила подобного хода социальной рекламы способствует мыслительному процессу, вызывает у адресата желание изменить ситуацию и направить её на положительный исход (см. рис. 4, 5).



Рис.10. Это происходит не здесь, но это происходит сейчас.

Так, социальная реклама швейцарского интернационального посольства (рис. 10.), использующая в своей рекламе против оружия образ

ребенка другой национальности и его непривычный образ (военная форма, оружие в руках) в привычной повседневной реальности, для удержания селективного внимания использует форму изъявительного наклонения: *It's not happening here but it's happening now*. Воздействие на адресата также происходит за счет использования формы Present Continuous (*it's happening*) и противопоставления наречий места и времени (*not here... but now*), профилирующих компонент актуальности происходящего (милитаризация общества) сейчас. В силу создания негативного отношения к этому усиливается интенция создателей рекламы побудить в обществе желание и решимость исправить происходящее [Пирогова, 2001: 544].

Выявленные тенденции формирования общего англоязычного пространства социальной рекламы указывают на специфику социальной рекламы как дискурса определенной прагматической направленности. Они также подтверждают факт формирования общего англоязычного пространства социальной рекламы, вызванный процессами глобализации и вследствие этого общими социальными проблемами человечества. Предполагаемой перспективой развития социальной рекламы выступает тенденция к более активному использованию визуального компонента и антропоцентрического образа.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Всероссийский специализированный журнал Пресс-служба [Электронный ресурс]. 2005–2018. URL: <http://www.press-service.ru/terms/128/> (дата обращения: 22.01.2018).
2. Дроздова А.В. Визуальные практики рекламы // Живая психология. 2014. Т. 1. № 1. С. 5–9.
3. Левицкая А.А. Визуальные компоненты в рекламе как предмет семиотического анализа // Визуальная коммуникация в социокультурной динамике: сб. статей II Международной научной конференции / ред. Н.Ф. Федотова. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2016. С. 51–55.

4. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура: сб. докл. междунар. науч. конф. М.: Азбуковник, 2001. С. 543–553.

5. Пядышева Т.Г. Ценности общества через призму социальной рекламы // Альманах теоретических и прикладных исследований рекламы. 2013. № 1(5). С. 56–61.

6. Солодовникова А.Н. Жанр социальной рекламы как способ воздействия на адресата // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2011. Т. 11. № 4. С. 34-38.

7. Уолтер А. Эмоциональный веб-дизайн. М.: Манн, Иванов и Фербер, 2012. 144 с.

8. Mitchell W.J.T. Interdisciplinarity and Visual Culture // Art Bulletin. 1995. Vol. 76. № 4. P. 540–544.

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИЙ В ТЕКСТАХ ПЕСЕННОГО ФОЛЬКЛОРА СЕВЕРНОГО ПРИАНГАРЬЯ

Аннотация: В статье рассматриваются языковые средства выражения эмоций в сибирском фольклорном тексте. Установлено, что в текстах необрядовых лирических песен Северного Приангарья выражены эмоции горя, печали, страха, радости и любви. Выявлено, что эти эмоции эксплицируются эмотивами, экспрессивами, коннотативами.

Ключевые слова: эмоция, языковые средства выражения эмоций, народные лирические песни, Северное Приангарье.

Abstract: The article is devoted to language means of expression of emotions in the Siberian folklore text. It is established that emotions of grief, fear, joy and love are expressed in texts of not ceremonial lyrical songs of the Northern Angara region. It is revealed that these emotions are expressed by emotives, expressives, konnotatives.

Keywords: emotion, language means of expression of emotions, national lyrical song, the Northern Angara region.

В задачи настоящего исследования входит выявление и характеристика языковых средств выражения эмоций в текстах песенного фольклора Северного Приангарья. Объектом исследования являются прежде всего лексические средства выражения эмоций. Актуальность работы заключается, во-первых, в возможности на репрезентативном материале рассмотреть фундаментальную проблему взаимосвязи языка и эмоций, исследуемую в рамках антропоцентрической парадигмы современного языкознания; во-вторых, в необходимости расширения эмпирической базы лингвистики эмоций.

Материалом исследования послужили народные необрядовые лирические песни Северного Приангарья (Кежемский, Богучанский, Мотыгинский районы Красноярского края), которые опубликованы в сборнике «Не кукушечка кукует» [1989], составителем которого является известный красноярский фольклорист Н.А.Новоселова. В лингвистическом аспекте фольклорные тексты Северного Приангарья рассматриваются

впервые. В фокусе внимания оказались исторические, солдатские, тюремные («удалые»), семейные и лирические песни о любви, поскольку именно они отличаются наиболее высокой лингвоэмотиологической содержательностью. В целом проанализировано 34 фольклорных текста.

Языковые средства экспликации эмоций не раз становились объектом лингвистического исследования с позиций современной антропоцентрической парадигмы. Их изучали с лексико-семантической, стилистической, когнитивной, коммуникативной точек зрения. При этом источниками служили, как правило, художественные, публицистические тексты [Баженова, 2004; Каракчиева, 2000; Фефилова, 2005 и др.]. В последние десятилетия сложилась отдельная отрасль лингвистики – лингвистическая эмотиология [Шаховский, 1987, 2008; Бабенко, 1989 и др.].

Существует множество классификаций эмоций. Не вдаваясь в историю этой проблемы, отметим, что за основу в данном исследовании взята точка зрения Кэролла Изарда, который выделяет 11 базовых эмоций: интерес, радость, удивление, печаль, гнев (отвращение, презрение), смущение, страх, стыд-застенчивость, горе, вина, любовь. Остальные эмоции являются либо сочетанием названных, либо ими же, но проявленными в меньшей степени [Изард, 2000]. В исследуемых текстах ангарских народных песен выражаются не все базовые эмоции. В результате проведенного нами сопоставительного анализа удалось выявить средства экспликации таких эмоций, как радость, любовь, интерес, печаль, гнев, горе, страх.

Базовые эмоции, их представленность в текстах

	Исторические	Солдатские	Тюремные / Удалые	Семейные	Лирические о любви
Радость	+	+			+
Любовь	+				+
Интерес					+

Смущение					
Стыд					
Печаль	+	+	+	+	+
Гнев		+		+	
Горе	+	+	+	+	+
Вина					
Страх	+	+			+
Удивление					

В настоящем исследовании разграничиваются понятия эмоциональность и эмотивность. Вслед за В.И. Шаховским мы полагаем, что «Эмоциональность – категория психологическая, это чувствительность человека к эмоциональным ситуациям и его реакция на них. Эмотивность – категория языковая, присущее языку свойства выражать системой своих средств эмоциональность» [Шаховский, 1987: 24]. Известно множество классификаций языковых средств выражения эмотивности. Так, Ю.Д. Апресян группирует их, основываясь на фазах развития эмоций [Апресян, 1995]; Д.Н. Шмелев – на способе выражения эмотивности в лексическом значении слова [Шмелев, 1973]; Л.Г. Бабенко рассматривает эмотивность различных частей речи (глаголы, имена существительные и прилагательные, наречия, междометия) [Бабенко, 1989].

В лингвистической эмотиологии получила распространение точка зрения В.И. Шаховского, который в составе эмотивов выделил разные типы аффективы, коннотативы, эмоциональные стилемы, грамматические и синтаксические эмотивные конструкции [Шаховский, 1987, 2008].

В текстах песенного фольклора Северного Приангарья используется множество эмотивов, т.е. «языковых единиц, в семантической структуре которых имеется эмоциональная доля в виде семантического значения, благодаря чему эта единица адекватно употребляется всеми носителями

языка для выражения эмоционального отношения / состояния говорящего. Эмотив имеет две разновидности: аффектив и коннотатив» [Шаховский, 2008: 69].

Коннотатив – «вид эмотива; слово, в семантической структуре которого имеется либо эмотивно окрашенная сема, либо семема эмотивно-субъективной окраски» [Шаховский, 2008: 76]. Приведём несколько контекстов со словами, лексическое значение которых включает семы эмотивно-субъективной окраски: *Поезжай-ка ты, братец мой, до дому да до дому, скажи-ка ты **тятенке** с мамой по поклону, да по поклону* («Вы скажите-ка, добрые люди»); ***Раз девчоночке** бедно стало, ой, стала плакать да горевать* («Что за садик, что за бравый»).

В текстах песенного фольклора Северного Приангарья часто используются слова и формы слов, называющие эмоции и эмоциональные состояния. Это имена существительные горе, печаль / печаль-горе / печаль-горюшко, кручинушка, тоска:

Не тоска она печаль да все кручинушка, да я с того только горя, да я пойду в поле («Не тоска она печаль да все кручинушка»).

Эмоциональные состояния передают такие лексемы, как нерадосный, невесёлый:

Вот один-от Добрыня невесел сидит. Невеселой-от Добрынюшка, не радосен («Эй, у нашего у князя у боярина»);

Ты тюрьма ли да тюрьма, да ли б... не... ой, не... ой, невеселая («Зоренька-зоря, да зорька ясная»).

К коннотативам относятся также глаголы, выражающие эмоциональное состояние: *рыдать, бояться, плакать, повысушить* (от *сохнуть* – «страдать от любви к кому-либо»), страдать, горевать, тосковать.

Среди эмотивов встречаются такие наречия, как *слезно, жалобно* и др.:

*Ой, да девонюшка она **слезно** плачет Да во, ой, во зеле... Ой, ведь во зеленом она во саду* («Не кукушечка кукует во сыром бору»);

*Голубь **жалобно** голубь воркует, голубушку будит: – Встань, голубушка, у меня, проснися, я поеду в поле («Комарочки были во лесочке»).*

Особую группу языковых средств, эксплицирующих эмоции, составляют фразеологические единицы со значением эмоционального состояния: *голову повесил, добрые люди, не мил мне белый свет* и др.:

Что ты, Ванюшка, да невесел. Ой, да буйну голову, Ваня, повесил? («Что ты, Ванюшка, невесел?»).

Рассмотренные тексты лирических необрядовых песен Северного Приангарья включают большое число аффективов, под которыми мы, вслед за В.И. Шаховским, понимаем разновидность эмотивов, значение которых для данного слова является единственным способом означивания отраженной эмоции, без ее называния» [Шаховский, 1987: 25]. Сюда относятся междометия, адресативы (батюшка, матушка и пр.), эмоционально-оценочные наречия и прилагательные. В ходе анализа выявлено, что междометия встречаются в двадцати двух песнях. Значения междометий, по справедливому мнению И.А. Шаронова, зависит не только от типа события, на которое реагирует человек, но и от степени вовлеченности в событие: наблюдатель или участник [Шаронов, 2006: 563]. Частотны междометия *эй, эх, ой, ох, ай, ой да*, которые могут выражать самые разные эмоции, однако чаще всего междометия выражают печаль и горе:

***Ох**, я-то плакать ведь, ведь я не смею, **ой**, да мне, **ох**, мне же, мол, не, **ой**, не велят («Ой ты, сосенка, тонка»);*

*Да на его то ли кудрях пташки гнезда вьют. Да оне вьют-то ли де пташки, **ох**, вьют-то оне по гнездышку. Я с того горя пойду я в поле, я в поле чистое. Пойду в полечко, я в поле чистое, **ох** во чистом-то поле там растет в поле трава («Не тоска-печаль да всё кручинушка»);*

*Уж ты, мамушка родима, **ой**, зачем на горе меня родила? («Что ты, Ванюшка, невесел?»).*

Степень проявления эмоций в текстах различна. Для передачи высокого накала эмоций в текстах песен используются не только

междометия, но и особые языковые средства – экспрессивы, т. е. слова, в семантической структуре которых отражена степень проявленности эмоции (См. об этом подробнее: [Шаховский, 1987: 25]):

***Распрокляты** вы таежны комары, да не давали **раскрасотке** до ночи спать* («Распрокляты вы таежны комары»);

*На горе то было **развысокой**, да бы два креста же на ней стоят* («На горе высокой два креста стоят»).

Отличительной чертой ангарских необрядовых песен является использование значительного числа эмоциональных адресативов. К этой разновидности эмотивной лексики относятся эмоциональные обращения. Это могут быть имена собственные (*Ванюшка, Машенька, Настасьюшка, Алешенька*); наименования по степени родства (*мамушка/мамонька/матушка, папочка/тятенька, сыночек, дитяtko*), по степени привязанности (*дружок, восударушка/сударушка, любушка, душечка, голубушка*):

*Встань, **голубушка**, у меня, проснися, я поеду в поле* («Комарочки были во лесочке»);

*Не плачь, **душечка**, ой да ли моя!* («Что за садик, что за бравый»);

*Ой, да старину, старину я вам скажу, Старину скажу. Уж я старую ее старинку ста... ой, старопре... ой, старопрежнюю, стару-прежнюю. Ой, про **батюшка** да про **матушку**, ой, про Грозного царя* («Взятие Казани Иваном Грозным»);

***Восударушка**, жисть, радость будто моя, э-ох, в отдаленнушке ты живешь от меня* («Соловеюшка, птичка маленька»).

К стилистическим средствам экспликации эмоций относятся фразеологические единицы типа *слезки лить, умываться слезами горючими* и т. п.:

*По милом же... день-то я горюю, ноченьку да тоскую, ох, да все-то напрасно я еле... ох, **слезы-то лью*** («Снежки белы, пушисты»);

Э-ох, у окна, у окна-то бы все сидит, Сидит красная де... э-ох, да кра...; красная де... ох, девица. Сидит она да слезами умы... э-ой, умыва-а-ается («В чистом поле во раздольице»).

Таким образом, для народных необрядовых лирических песен Северного Приангарья характерны эмоциональность и эмотивность. При этом наблюдается синкретизм языковых средств выражения эмоций. Лексические, морфологические и словообразовательные ресурсы языка выражают эмоции совместно, что приводит к эффекту высокой степени эмоциональности народной песни.

Безусловно, включение в лингвистический оборот данного эмпирического материала имеет очень важное значение, в первую очередь, для лингвистики, а также для других отраслей науки, которые изучают картину мира, народное, этническое самосознание. В дальнейшем мы предполагаем рассмотреть стилемы, а также более подробно – морфологические и словообразовательные средства экспликации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–65.
2. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
3. Баженова И.С. Обозначения эмоций в художественном тексте: прагматический аспект: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.19. М, 2004. 418 с.
4. Изард К. Психология эмоций. СПб.: Питер, 2000. 464 с.
5. Каракчиева В.Л. Лексические средства обозначения эмоций в художественном тексте: на материале рассказов В. М. Шукшина: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. Новосибирск, 2000. 172 с.
6. Не кукушечка кукует: русские народные песни Приангарья / сост. Н.А. Новоселова. Красноярск: Красноярское книжное изд-во, 1989. 120 с.

-
7. Фефилова А.К. Репрезентация категории эмотивности в публицистических текстах: на материале шведских газет «Дагенс Нюхетер» и «Свенска Дагбладет»: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. СПб, 2005. 144 с.
 8. Шаронов И.А. О новом подходе к классификации эмоциональных междометий // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Труды международной конференции «Диалог 2006». М., 2006. С. 561–566.
 9. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та, 1987. 190 с.
 10. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. М.: Гнозис, 2008. 416 с.
 11. Шмелев Д.Н. Проблемы семантического анализа лексики. М.: УРСС, 1973. 278 с.

СТЕРЕОТИПНЫЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ О РУССКОЙ ЗИМЕ В СОЧИНЕНИЯХ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

Аннотация: В статье описываются характерные особенности стереотипных представлений китайских студентов о русской зиме. Эти представления выявляются в текстах сочинений китайских студентов по фотографии зимнего Красноярска. Проводится анализ различий русских и китайских стереотипов о русской зиме.

Ключевые слова: стереотип, стереотипные представления, китайские студенты, русская зима.

Abstract: This article analyses characteristics and properties of the linguistic phenomenon of name-dropping on the material of the Chinese author's prose. The author exemplifies the realization of the communicative functions of name-dropping in the Chinese language literary discourse. As a result, enlightening, motivating, manipulative the article shows that by performing the status-forming, adaptive, cultural-, argumentative and representative functions, the phenomenon of name-dropping is a tool for raising the status, as well as means of influencing the addressee.

Keywords: pragmalinguistics, intertext, communication theory, status, authority, Chinese language

Цель данной статьи – рассмотреть стереотипные представления о русской зиме, которыми обладают китайские студенты, изучающие русский язык.

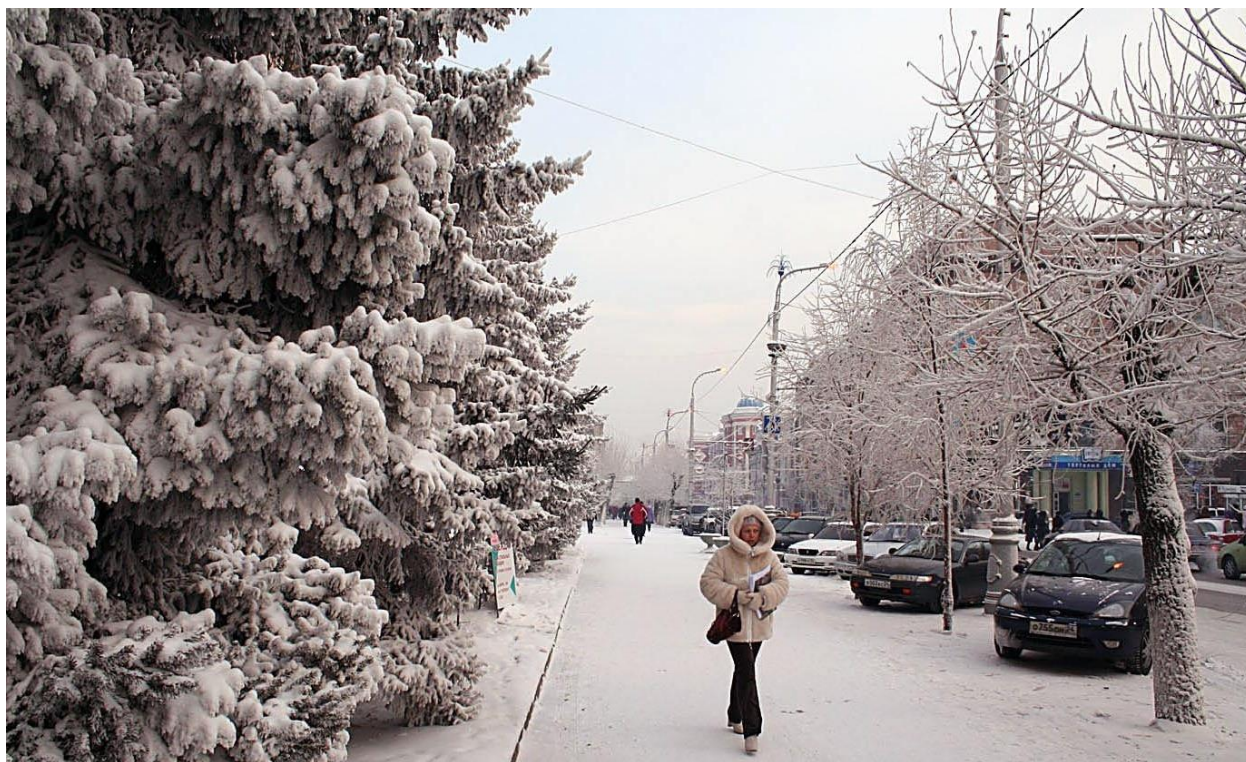
Стереотип – это относительно устойчивый, обобщающий образ или ряд характеристик (нередко ложных), которые, по мнению большинства людей, свойственны представителям своего собственного культурного и языкового пространства или представителям других наций [Панягин, 2008: 70].

Стереотип является ключом к фиксации национального менталитета, системы ценностей народа и взгляда на мир [Трынков, 2010: 90]. В когнитивной лингвистике и этнолингвистике термин стереотип относится к содержательной стороне языка и культуры и соотносится с понятием «наивная картина мира» [Маслова, 2001:109].

В картине мира любого народа важное место занимают времена года. Исследователи отмечают, что концепт «Зима» является одним из ключевых для русской культуры.

Нам было интересно узнать, какие представления о русской зиме есть у китайских студентов, изучающих русский язык, а также узнать, отличаются ли эти представления от представлений русского человека.

С этой целью был проведен эксперимент. Китайским студентам было предложено написать в свободной форме сочинение по фотографии зимнего Красноярска. Студентам не давалось никаких указаний о том, что должно быть написано в сочинении. Фотография никак не была названа, можно было писать о чём угодно.



В эксперименте приняли участие 72 китайских студента из разных университетов, в возрасте от 18 до 25 лет. Из них девушки составляли 82 %, юноши – 18 %.

Главной темой большинства сочинений стала русская зима. Прошедшая зима в Красноярске была очень холодной, многим китайским студентам, проживающим и обучающимся в Красноярске, особенно тем, кто приехал с юга Китая, было трудно пережить такую зиму. И мы предполагали,

что оценки зимы в сочинениях будут отрицательными, однако наши предположения не подтвердились. Большинство авторов выразили свое положительное отношение к русской зиме.

В сочинениях многие китайские студенты написали, что им очень нравится зима, однако в ходе дальнейшего опроса больше половины из них ответили, что не любят зиму. В этом проявилась особенность китайского менталитета: студенты не хотели в сочинении демонстративно и открыто выражать свое неприятие и негативную оценку другой страны, поэтому они посчитали правильным описать не свои истинные чувства, а то, что они считают приемлемым в данной ситуации.

Приведем несколько примеров с сохранением авторского написания, без исправления грамматических ошибок:

«Я люблю зиму, что она так же, как весна, наполняет грудь волнующим чувством».

«Я шел слегка в снегу, слушая "скрип" звука, мое сердце, почти в состоянии опьянения!»

«Хорошо зимой! Красивая зима!»

Только три человека написали, что не любят зиму:

«Зимой красиво – это тоже неприятности. Русские очень любят зиму. Ненавижу зимой».

«Это так красиво, но и так холодно. Я не люблю зиму».

«Я не люблю зиму России, потому что зимой идет снег».

Полученные в ходе эксперимента стереотипные представления о русской зиме были разделены на смысловые группы. Они представлены в следующей таблице:

Признаки природы	
Климат	Суровый
Общая характеристика времени года	Холодное, лучшее, удивительное, чудесное
Зима	Суровая, красивая, длинная, снежная, долгожданная, чистая; символ счастья, символ России; с ноября по апрель, с ноября по май

Температура	Холод, мороз, крепкий мороз, низкая температура, минус 38 градусов, минус 22 градусов, минус 20 градусов, холодная погода, холодно и сухо, минус 30–35 градусов, от 20 до 30 градусов ниже нуля
Снег	Чистый и белый, большой, тяжелый, мягкий, спокойный и приглушенный, сильный, колючий, мелкий, глубокий, нежный, пушистый. Снег – единственный живописный вид, символ чистоты, энергии.
Ветер	Холодный, сильный, кусающий
Характеристика светового дня	Темнеет рано, солнце встает поздно. Дни короче, а ночи длиннее.
День	Тихий, морозный, солнечный, хмурый, туманный
Воздух	Чистый, свежий
Цвет	Белый
Деревья	Березки, ёлки, сосны, рябины, жимолость. Лес. Голые ветви.
Признаки человека	
Одежда, обувь	Плотная, теплая, толстая одежда; шляпа, шапка; шарф, перчатки, рукавицы; пальто, шуба, куртка, пуховик, толстой пуховик; верхнее платье, блузка, свитер, брюки; ботинки, ватные туфли.
Развлечения	Играть в зимние игры, играть в снежки, бросать снежки, лепить снежную бабу, делать/строить снеговика, играть в снежный бой, кататься на коньках, на санках, на лыжах. Зимние виды спорта, катание.
Эмоции	Все рады, дети рады, радость, одиночество, счастливый, изумительно, грустно
Отношение к зиме	Любить. Не любить, ненавидеть
Признаки, связанные с культурными традициями	
Ассоциации	Дед мороз, Снегурочка, Рождество, новогодний праздник, новый год. Кутузовское войско.
Цитаты	Стихи Пушкина, Ломоносова
Выразительные языковые средства	
Сравнения	Зимний ветер как нож. Листия на деревьях как бритвенные ножи. На землю как толстое белое одеяло поставит. Дерево как носит серебряную одежду. Снег как молоко из крынок.
Метафора	Снег летает в воздухе весело...

Из этой таблицы видно, что представления китайцев во многом совпадают с представлениями русских о зиме. Однако есть и отличия.

Прежде всего, это символические значения: для китайцев снег – это символ чистоты, счастья и энергии.

Примеры из сочинений:

«Белый снег символизирует счастье, чисто».

«Снег – символ на чисто и энергия».

Ассоциации снега с чистотой связаны с тем, что в Китае многие известные поэты писали о чистоте снега.

Так, китайская поэтесса Ли Бай времён династии Тан писала: *«На земле полно снега, и от этого чисто, и ветер холодный, а снежинки похожи на большие руки. Di bai feng se han, xue hua da ru shou».*

Поэт Лу Мэйпо в своем стихотворении «Снег и цветущая слива (Хуе ме́й)» писал: *«Цветки сливы не такие белые и чистые, как снег. (Mei xi xue xun san fen bai)».*

У русских снег тоже может быть символом чистоты, но то, что снег – символ счастья, необычно для русских. Китайцы думают, что снег – это символ счастья, потому что в Китае есть убеждение: много снега – это урожай. И хотя данное представление соотносится с русской пословицей: много снега – много хлеба, – русские не связывают снег со счастьем.

Необычно для русских и то, что снег – это символ энергии.

Из сочинений нами также было выявлено, что китайцы думают, что из-за холодной и долгой зимы, все русские люди мужественные.

Примеры из сочинений:

«Чтобы адаптироваться к такой погоде, нужно много мужества».

«Именно долгая зима и суровый климат сформировали русский народ, имеющий такое богатое сердце и чувство».

Особенно сильно такое мнение проявлено в следующем примере: *«Они никогда не откажутся от своих желаний из-за погоды, поэтому Россия так называется «Боевой Нацией».*

«Боевая Нация» – это устоявшийся китайский стереотип о России. Это преисполненная восхищения положительная оценка. С точки зрения

конфуцианских добродетелей, действия русских людей свидетельствуют об их решительности и способности брать на себя ответственность. В России мужчины и женщины разных возрастов иногда проявляют себя очень мужественно, а иногда по-детски, это свойство их уникального национального характера.

Китайские студенты также пишут о себе, что им нужны мужество и смелость, чтобы жить зимой в России.

Таким образом, представления об особенностях русской зимы у китайцев во многом совпадают с русскими представлениями. Различия же связаны с символическими значениями снега и оценкой характера русского человека.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маслова В.А. Лингвокультурология: учеб. пособие. М.: Издательский центр «Академия», 2001. 208 с.
2. Панягин А.А. Стереотипы национальной культуры в межкультурном общении // Вестник Мордовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. № 3. С. 67–73.
3. Трынков Д.С. Стереотипные представления о луне в языке немецкой поэзии // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. 2010. № 4. С. 90–97.

**ВНЕЛИТЕРАТУРНАЯ ЛЕКСИКА
В РУССКОМ ОРИГИНАЛЕ И ПЕРЕВОДЕ
(НА МАТЕРИАЛЕ РОМАНА В. РАСПУТИНА «ЖИВИ И ПОМНИ»)**

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования внелитературной лексики в тексте. Выделены основные функции разговорной, диалектной и просторечной лексики; рассмотрен вопрос о передаче диалектных и просторечных явлений в языке романа на английский язык, их эффективность в создании художественного образа.

Ключевые слова: внелитературная лексика, диалектизмы, просторечная лексика, разговорная лексика, архаизмы

Abstract: The article deals with the features of extra-literary vocabulary in the text. The author presents the main functions of conversation vocabulary, dialectisms, colloquial vocabulary; the issue of the transfer of extra-literary vocabulary in English, its effectiveness in creating an artistic image.

Keywords: extra-literary vocabulary, dialectism, colloquial vocabulary, conversation vocabulary, archaism.

Язык художественной литературы, как сложное комплексное явление, в отличие от нехудожественного языка, формируется из «большого количества источников» и представляет собой «творческий синтез всех генетически неоднородных элементов» [Оссовецкий, 1971: 302]. Л.Г. Самотик продолжает эту мысль, утверждая, что внелитературная лексика появляется в литературных текстах в результате заимствования из других страт национального языка (народных говоров, просторечия, жаргонов), языка предыдущих эпох или какого-либо чужого языка [Самотик, 2011: 202]. В произведениях художественной литературы внелитературная лексика играет особую стилистическую роль. Диалектизмы, просторечия, разговорная лексика — это всё то, что делает и авторскую речь, и речь персонажей самобытной. Внелитературная лексика помогает читателю определить не просто характер героя, но и его социальный статус, возраст и даже место его проживания.

Писатели, которых в литературе принято называть деревенщиками, являются мастерами создания «живого» языка. Внелитературная лексика в

авторской речи, представляющей окружающий мир, и в речи персонажей создаёт образ русского человека деревни.

В. Распутин – яркий представитель деревенского направления в литературе. В его произведениях можно найти бесценный источник уникальной лексики. Среди лексических средств, которые использует автор, встречаются просторечия, разговорная лексика, диалектизмы, архаизмы и жаргонизмы. Все они выполняют определенные художественные задания:

1. Социальная характеристика персонажа:

При описании состояния персонажа автор использует слово *подранок* (зверь или птица, раненные охотником, МАС, *охот.*): «...больше всего он сейчас походил на **подранка**, который, не выдерживая погони, двигается лишь по инерции». Это является охотничьим жаргонизмом и свидетельствует о связи персонажа и данной сферы деятельности.

В речи самого персонажа можно встретить слова *тулка* (название охотничьего ружья Тульского оружейного завода среди охотников, не зафиксировано в словарях): «Завтра отдохни, выступи, а послезавтра переправь-ка сюда мою “**тулку**”, пока меня зверь не загрыз».

2. Характеристика деревенского быта:

В повести используется большое количество специфичных слов, которые указывают на реалии, относящиеся к деревенскому быту:

поскотина (пастбище, выгон, прилегающие к деревне и со всех сторон огороженные изгородью, МАС: обл.): «...только за **поскотиной**, когда Атамановка скрылась из виду, он натянул возжи и дождался остальных, чтобы ехать одним обозом»;

литовка (коса с длинной прямой рукоятью, МАС: обл.): «Жарко, пауты донимают, размахнуться **литовкой** нельзя, ровного места нету»;

каменка (печь, сложенная из камня в деревенской бане или в овине, МАС: обл.): «В **каменке**, в холодной золе, Настёна разворошила окурки» и др.

3. Создание колорита эпохи:

Помимо просторечий, разговорной лексики и диалектизмов автор использует устаревшую лексику, что как раз может свидетельствовать о времени событий повести:

занемочь (почувствовать недомогание, заболеть, МАС: устар.): «...получилось, как у той причитающей бабы: ах, если бы у меня был ребенок, да если бы он **занемог**...»;

одр (постель, ложе, МАС: устар.): «Вдоль левой изгороди выстроились в ряд с поднятыми и подвязанными оглоблями летние **одры** и ходки, ...»;

оклад (очертание, контур, МАС: устар.): «...собрать мужиков на “помочь”, чтобы одним махом, не копаясь, подвести **оклад** и выправить угол»;

порода (принадлежность по рождению к какому-либо роду, сословию, определенной социальной группе, МАС: устар.): «На Ангаре всего несколько деревень с таким выговором и с красивым, как на подбор, рослым и работающим народом, особенно женщинами – откуда тут взялась эта **порода**, никто не знает»,

чаяние (надежда, ожидание, МАС, устар.): «То была другая Настена, но эта еще нетерпеливей той, с непонятным порывистым **чаянием** и слепой верой ждала сенокоса...».

4. Указание на местность:

Использование большого числа областной лексики, диалектизмов, которые употребляются в определённой местности, даёт читателю возможность идентифицировать героев как носителя определённого диалекта:

Вывертыш (прыжок, резкое вычурное движение ногами, Юж. Сиб.): «Судьба, сделав отчаянный **вывертыш**, воротила чего на старое место...»;

Голубиться (ласкать(ся), миловать(ся), Вост. Сиб.): «...хоть обнять на первый раз и приветить мужа, встречу с которым **голубила** чуть не каждую ночь»;

Елань (лощина, Забайк.; Луг, луговая равнина, Ряз., Тамб., Моск., Твер., Сиб., Юж. Сиб., Tobол., Краснояр.): «И правда, *потащил* меня в гору, на **елань**, показал поля, пустоши – все кругом показал, рассказал, до самого вечера ходили»;

При переводе русской внелитературной лексики на иностранный язык возникают определённые проблемы с передачей всех названных функций. Прежде всего, трудности заключаются в реалиях, которые не имеют эквивалента в иноязычной среде.

Большая часть некодифицированной лексики при переводе передаются средствами литературной речи. Это приводит к потере стилистической окраски, особенности речи персонажей:

«А **чѐ** (прост.: что) *такое с им* (диалект.: с ним)?» – «*What's the matter with him?*»;

«На две **тыщи** (диалектн.: тысячи)» – «*Two thousand*»;

«... на **мово** (разг.-сниж.: иоего) *жеребца*» – «... on **my** stallion».

В некоторых случаях подобная лексика исключается из повествования в переводе:

«...второе *повыше*, на **взлюбке** (диалектн.: возвышенное место, крутой пригорок), километрах двух от первого...» – «*Another higher-up, a mile from the first*».

Таким образом, текст-перевод утрачивает социокультурную специфику речи деревенских жителей.

Часть внелитературной лексики, которая находит отражение в тексте-перевод, передаётся посредством относительных эквивалентов, табуированной или разговорной лексикой английского языка:

«Как-нибудь **вывернешься** (разг., МАС)» – «*You'll wriggle out of (informal, Cambridge dictionary) it somehow*»;

«...даже подфартило с родной бабой **поластиться** (прост., МАС)» – «...and even had the luck **to make it with** (old-fashioned informal, Cambridge dictionary) *my own woman*»;

«**Шкура!** (груб. прост., МАС)» – «**Bastard!** (Unpleasant, Cambridge dictionary)».

Некоторые некодифицированные явления, называющие несуществующие в английском языке реалии, передаются путём замены частного понятия общим:

«...с вечера он запалил **сушины** (диалект. засохшее дерево)» – «*in the evening he had stocked up on **dry wood*** (сухие дрова, Multitran)»;

«...повела по наледи в... **распадок** (диалект. узкая долина)» – «...*led him along the ice to **the hollow*** (полость, щель, Multitran)».

Помимо этого, при описательном переводе единицы текста-оригинала представляются целыми сочетаниями:

«...неслышно и ровно тянул **хиус** (сильный ветер со снегом)– **the Siberian north wind** *was blowing steadily and silently*».

Таким образом, при переводе ненормативные явления на английский язык в большинстве случаев никак не передаются. Именно поэтому и речь персонажей, и речь автора теряют свои стилистические особенности. Выясняется, что абсолютно идентичное воспроизведение народной речи одного языка средствами другого языка невозможно. Таким образом, перевод, выполненный Антониной Буис, можно считать адекватным, но не эквивалентным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малый академический словарь [Электронный ресурс]. 2017. URL: http://www.classes.ru/all_russian/dictionary_russian_academ.htm (дата обращения: 03.08.2018).

2. Оссовецкий И. А. Диалектная лексика в произведениях советской художественной литературы 50–60-х гг. // Вопросы языка советской художественной литературы. М., 1971. С. 301–385.

3. Самотик Л.Г. Внелитературная лексика русского языка: к терминологизации понятия // Вестник КГПУ им. В.П. Астафьева. Красноярск, 2011. С. 202–208.

КОРПУСНЫЙ МЕНЕДЖЕР SKETCH ENGINE КАК ИНСТРУМЕНТ АНАЛИЗА ОСОБЕННОСТЕЙ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ ГРУСТИ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДЛЯ ВЗРОСЛЫХ И ДЕТЕЙ НА ИСПАНСКОМ И ФРАНЦУЗСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация: Работа посвящена выявлению особенностей использования вербальных маркеров эмоции грусти с помощью корпусного менеджера Sketch Engine. Материалом исследования послужили художественные произведения для взрослых читателей и детей на испанском и французском языках. Посредством использования корпусного менеджера Sketch Engine были сформированы корпуса текстов, вербализирующих эмоцию грусти, которые были проанализированы в ходе исследования.

Ключевые слова: вербальный маркер, эмоция, грусть, корпусный менеджер, художественная литература, Sketch Engine.

Abstract: This article deals with the identification of the features of the use of verbal markers of the sadness emotion using corpus manager Sketch Engine. The verbal markers were taken from imaginative literature for adult readers and children in Spanish and French. Using corpus manager Sketch Engine, corpuses of texts verbalizing the emotion of sadness were formed and analyzed.

Keywords: verbal marker, emotion, sadness, corpus manager, fiction, Sketch Engine.

Для анализа текстовых данных в лингвистических исследованиях все чаще используются различные компьютерные программы. Одной из таких программ является поисковая система «корпусный менеджер». Под корпусным менеджером вслед за В.П. Захаровым мы понимаем «специализированную поисковую систему, включающую программные средства для поиска данных в корпусе, получения статистической информации и предоставления результатов пользователю в удобной форме» [Захаров, Богданова, 2011: 8]. Одной из таких разработок является корпусный менеджер Sketch Engine. Sketch Engine – это программное обеспечение для управления корпусами и анализа текста, разработанное Lexical Computing Limited в 2003 году. Назначением данной платформы является предоставление возможности составления больших текстовых коллекций и осуществления поиска в них по сложным и лингвистически мотивированным

запросам. Данный ресурс адресован исследователям и профессионалам, так или иначе решающим лингвистические задачи: лексикографам, специалистам по корпусной и компьютерной лингвистике, переводчикам и тем, кто изучает язык или обучает ему.

Материалом исследования являются фрагменты из художественной литературы на испанском и французском языках, которые содержат вербальные маркеры грусти. Было проанализировано 6 произведений на французском языке: 3 произведения для взрослого читателя (Frédéric Beigbeder «Vacances dans le coma», Françoise Sagan «Bonjour tristesse», Catherine Lovey «Cinq vivants pour un seul mort») и 3 художественных произведения для детей (René Goscinny, Jean-Jacques Sempé «Le petit Nicolas a des ennuis», Anna Gavalda «35 kilos d'espoir», Daniel Pennac «L'Oeil du loup»). Помимо этого, было отобрано и проанализировано 6 художественных произведений на испанском языке: 3 произведения для взрослого читателя (Miguel Delibes «Cinco horas con Mario», Camilo José Cela «La colmena», Sandra Pérez Castañeda «La ciudad que rompe sueños») и 3 произведения для детей (Juan Ramón Jiménez «Platero y yo», José María Sánchez Silva «Marcelino, pan y vino», Antonio Santa Ana «Los ojos del perro siberiano»). Полученные вербальные маркеры были разделены на 4 группы по языковому и возрастному признакам и загружены в корпусный менеджер для последующего создания корпусов.

Исходная гипотеза работы состоит в том, что, несмотря на то, что собранные коллекции текстовых данных содержат вербализации одной и той же эмоции – грусти, в функционировании лексем-маркеров данной эмоции в тексте в испанском и французском подкорпусах будут иметься свои особенности, обусловленные как различиями в лингвокультурах стран франкофонии, с одной стороны, и испаноязычных стран, с другой, так и традициями создания литературных текстов для взрослых и детей во Франции и в Испании.

Целью данного исследования является выявление лексических и грамматических характеристик, а также особенностей сочетаемости вербальных маркеров эмоции грусти – лексем *triste* ('грустный') (фр.), *tristesse* ('грусть') (фр.), *triste* ('грустный') (исп.) и *tristeza* ('грусть') (исп.).

Для достижения поставленной цели были сформулированы задачи:

- 1) создать корпуса фрагментов художественной литературы, вербализующих эмоцию грусти на французском и испанском языках в программе Sketch Engine;
- 2) проанализировать сочетаемость и функционирование лексем, номинирующих эмоцию грусти в корпусах;
- 3) выявить различия между корпусами фрагментов художественной литературы для взрослых и детей, вербализующих эмоцию грусти на французском и испанском языках.

В работе были использованы общенаучные методы анализа и классификации, качественно-количественный анализ данных, сравнительно-сопоставительный анализ.

Предмет исследования – различия между корпусами маркеров из взрослой и детской литературы на французском и испанском языках. Объект исследования – маркеры вербализующие эмоцию грусти в литературе для взрослых и детей на французском и испанском языках.

Рассмотрим ряд ключевых для данной работы понятий. Первое из них – вербальный маркер. Вербальный маркер – «языковая единица, с регулярностью коррелирующая с ментальными процессами, регулирующими продуцирование и интерпретацию текста» [Колмогорова и др., 2016: 195]. Также важным является понятие эмоции. По определению К. Изарда, эмоция – это нечто, что переживается как чувство, которое мотивирует, организует и направляет восприятие, мышление и деятельность [Изард, 1999: 33]. В свою очередь, М.И. Еникеев определяет эмоцию как психический процесс импульсивной регуляции поведения, основанный на чувственном отражении

потребностной значимости внешних воздействий, их благоприятности или вредности для жизнедеятельности индивида [Еникеев, 1999: 126].

Исследование эмоций – важная и актуальная задача, так как эмоции играют значительную роль в концептуальной и языковой картине мира человека. Изучение репрезентации эмоций в тексте посредством компьютерных технологий представляется более точным и результативным, так как мы работаем с конкретными данными, полученными в ходе исследования. Также валидным представляется использование компьютерных технологий в ходе сентимент-анализа текста. Сентимент-анализ или анализ тональности текста предназначен для автоматизированного выявления в текстах эмоционально окрашенной лексики и эмоциональной оценки авторов (мнений) по отношению к объектам, речь о которых идёт в тексте [Liu, 2010: 628].

Из художественных произведений для взрослых и детей на французском и испанском языках были отобраны фрагменты, содержащие вербальные маркеры эмоции грусти, которые определялись посредством контекстного и семантического анализа текстов с использованием лексикографических источников. Данные фрагменты составили основу для создания корпусов вербальных маркеров грусти: корпус вербальных маркеров грусти из произведений для взрослого читателя на французском языке, корпус вербальных маркеров грусти из произведений для детей на французском языке, корпус вербальных маркеров грусти из произведений для взрослого читателя на испанском языке, корпус вербальных маркеров грусти из произведений для детей на испанском языке.

Созданные в программе корпуса были проанализированы с помощью ряда параметров, доступных в рамках работы с корпусным менеджером:

- 1) сравнение корпусов с последующим выводением показателя статистического отличия корпусов друг от друга;

- 2) word sketch (взаимодействия слова с его лексическим окружением в тексте, его коллокации);

3) частотность лемм в корпусе.

Посредством данного корпусного менеджера был проведён анализ лексем *triste*, *tristeza*, *triste* и *tristesse* как основных маркеров, вербализующих эмоцию грусти на французском и испанском языках.

Проведенный анализ позволил получить следующие результаты:

- корпус фрагментов из художественных произведений для взрослых на французском языке оказался самым обширным из всех четырёх (10242 токена);

- при сравнении корпусов на французском языке показатель статистической значимости отличий между произведениями для детей и для взрослых – 5.75, что является довольно значительным коэффициентом, так как значение коэффициента напрямую зависит от разницы между корпусами;

- в детской литературе прилагательное *triste* ('грустный') использовано 18 раз, сочетается с наречиями *trop* ('слишком'), *tout* ('совсем'), которые усиливают прилагательное *triste*. Например, *ce serait trop triste...* ('это было очень грустно...'), *ça fait tout triste* ('становится очень грустно'). Можно предположить, что *triste* не является прилагательным, выражающим эмоцию грусти с самой сильной эмоциональной окраской, и, поэтому требует дополнительного усиления.

Также *triste* коррелирует только с номинациями неодушевленных существительных (*voyage* – 'путешествие', *oeil* – 'глаз', *jour* – 'день').

Употреблений лексемы *tristesse* ('грусть') в корпусе фрагментов из детской литературы найдено не было.

Triste ('грустный') в произведениях для взрослого читателя использовано 11 раз. Коррелирует с наречием *trop* ('слишком'), которое так же усиливает эмоциональную окраску высказывания, например, *histoire un peu trop triste* ('история немного чересчур грустная'), а сочетается с номинациями неодушевленных существительных (*reflet* – 'отражение', *chose* – 'вещь', *confidence* – 'уверенность'). Слово-синоним: *poétique* – ('поэтический'). Также корпусный менеджер выделил конструкцию *triste de*

(‘грустный от’), например, *triste de voir* (‘грустно видеть’) как значимую для всего корпуса, что указывает на наличие причинно-следственных связей в контексте эмоции грусти. В литературе для детей подобной конструкции обнаружено не было.

Tristesse в произведениях на французском языке для взрослого читателя использовано 5 раз.

Говоря о результатах анализа корпусов на испанском языке, можно заметить, что при сравнении корпусов на испанском языке показатель разницы между произведениями для детей и для взрослых – 7,17, что является высоким коэффициентом, если сравнивать с разницей между корпусами на французском языке.

Прилагательное *triste* (‘грустный’) в подкорпусе детской литературы на испанском языке было использовано 29 раз. Оно, также как аналогичное прилагательное во французском подкорпусе, употребляется только с номинациями неодушевленных и абстрактных существительных (*aire* – ‘вид’, *recuerdo* – ‘воспоминание’, *ojo* – ‘глаз’). Доминируют формы единственного числа (23 раза; множественное число – 6 раз). В качестве контекстных синонимов для *triste* используются такие прилагательные, как: *largo* (‘длинный’), *melancólico* (‘меланхолический’), *quieto* (‘тихий’), *azul* (‘голубой’), *frío* (‘холодный’), *lento* (‘медленный’). Также была отмечена конструкция, указывающая на причинно-следственные связи в контексте эмоции грусти *triste por* (‘грустный от’).

Tristeza (‘грусть’) в произведениях для детей на испанском языке используется 6 раз и сочетается с прилагательным *polvoriento* (‘пыльный’).

Triste (‘грустный’) в произведениях для взрослых на испанском языке используется 23 раза, часто используется в паре с номинациями неодушевленных существительных, но был выявлен один случай использования в паре с номинацией одушевлённого существительного *chico* (‘мальчик’), часто используется в единственном числе (18 раз), чем во

множественном числе (5 раз). Данное прилагательное сочетается с такими словами, как *mugriento* ('грязный'), *capcioso* ('хитрый'), *amargo* ('горький').

Tristeza ('грусть') в произведениях для взрослого читателя на испанском языке используется 5 раз, сочетается с глаголом *tener* ('иметь') и существительным *mar* ('море грусти').

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что корпуса, составленные на основе фрагментов из литературных произведений для взрослой и детской читательской аудитории на французском языке, обладают большим сходством между собой, нежели аналогичные корпуса на испанском языке. Вербальные маркеры грусти на французском языке нуждаются в усилении экспрессивности за счет корреляции с наречиями-интенсификаторами. Во всех корпусах кроме корпуса фрагментов из художественных произведений на испанском для взрослого читателя наблюдается сочетаемость прилагательного-маркера грусти только с номинациями неодушевлённых существительных, что говорит о доминировании метафорических употреблений. *Triste* ('грустный') в произведениях для взрослого читателя на испанском языке входит в обширное лексическое поле (10 лексем, с которыми данное прилагательное образует устойчивые коллокации). *Triste* ('грустный') в произведениях для взрослого читателя на французском языке, в свою очередь, сочетается с 4 лексемами. Сочетаемость данного прилагательного шире, следовательно, есть смысл, создавая ПО для сентимент-анализа, учитывать возрастную специфику.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Еникеев М.И. Общая и социальная психология. М.: Норма, Инфра-М, 1999. 624 с.
2. Захаров В.П., Богданова С.Ю. Корпусная лингвистика: Учебник для студентов гуманитарных вузов. Иркутск: ИГЛУ, 2011. 161 с.

3. Изард К.Э. Психология эмоций / Пер. с англ. СПб.: Издательство «Питер», 1999. 464 с.
4. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Талдыкина Ю.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика 4(58). 2016. С. 194–199.
5. Liu B. Sentiment Analysis and Subjectivity // Handbook of Natural Language Processing. 2010. С. 627 – 667.

ЭКСПЛИКАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДУША» В АНТИПОСЛОВИЦАХ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация: Статья посвящена рассмотрению антипословиц как особых лексических средств отображения языковой картины мира, содержанию концепта «душа» в русской лингвокультуре и особенностям экспликации концепта «душа» в антипословицах русского языка.

Ключевые слова: антипословица, душа, концепт, лингвокультура, языковая картина мира.

Abstract: The article is devoted to consideration of anti-proverbs as special lexical means of display of a language picture of the world, to maintenance of the concept «soul» in the Russian linguoculture and to features of explication of the concept «soul» in Russian anti-proverbs.

Keywords: anti-proverb, soul, concept, linguoculture, language picture of the world.

Одной из самых ярких характеристик современной речевой и литературной языковой практики является интенсивное развитие экспрессивных форм лексики, в частности, широкое распространение так называемых трансформированных паремий – видоизменённых пословиц, получивших название антипословиц или квазипословиц.

Особый интерес антипословицы представляют в качестве лингвокультурологического объекта, в силу того, что их появление и закрепление в современном русском языке видоизменяет языковую картину мира, в том числе расширяя лексико-семантическое и образное пространство слов-концептов, представляющих собой основополагающие структурные элементы национальных моделей мира и средства их языковой репрезентации.

Одним из основных мировоззренческих концептов в языковой картине мира русского народа является концепт «душа», анализу которого посвящены работы [Пономарева, 2013; Урысон, 2003 и др.]. В формировании этого концепта активно участвуют национальные пословицы. В этой связи, в контексте содержательных трансформаций современной паремиологии,

экспликация концепта «душа» в русских антипословицах представляет значительный научно-исследовательский интерес.

Методология анализа антипословиц как языкового материала, эксплицирующего мировоззренческий концепт, включает методы компонентного анализа (анализ семантических компонентов прямых и переносных значений лексем), идеографического (тематического) описания лексики, методы лингвокогнитивного подхода к изучению материала, а также общетеоретические методы анализа и синтеза, сравнения, дедуктивный метод (переход от общих представлений о концепте «душа» к частным выводам).

Рассмотрение вопроса о том, что представляет собой антипословица и какую роль она играет в современной языковой картине мира, следует начать с обращения к противопоставляемому ему понятию «пословица».

Лингвистический энциклопедический словарь определяет пословицу как «краткое, устойчивое в речевом обиходе, как правило, ритмически организованное изречение назидательного характера, в котором зафиксирован многовековой опыт народа, имеющее форму законченного предложения, обладающее буквальным и переносным значением, или только переносным» [Лингвистический энциклопедический словарь, 2008: 308].

Основополагающее значение в данном определении имеет указание на народный характер пословиц. В этой связи уместно привести высказывание В.И. Даля: «Что за пословицами и поговорками надо идти в народ, в этом никто спорить не станет, в образованном и просвещенном обществе пословиц нет... Готовых пословиц высшее общество не принимает, потому что это картины чуждого ему быта, да и не его язык; а своих не слагает, может быть из вежливости и светского приличия: пословица колет не в бровь, а прямо в глаз» [Даль, 1978: 6].

Итак, пословица – языковая единица народной культуры, основное функциональное предназначение которой состоит в чётком и метком

выражении народной мудрости относительно различных сторон бытия человека.

Являясь неотъемлемой частью культурного наследия и средством отображения специфики мировоззрения народа, пословицы претерпевают изменения, обусловленные социально-экономическими и политическими изменениями той исторической эпохи, в которую они появляются и закрепляются в языковой картине мира.

Постиндустриализм, а затем и пришедшая ему на смену эпоха информационного общества, безусловно, наложили свой отпечаток и на ценностно-смысловой компонент национального сознания, и на лингвистический компонент национальной русской культуры. В частности, появились новые значения национальных концептов и формы их репрезентации. Одной из таких форм стали антипословицы.

Антипословицы рассматриваются исследователями, в основном, в качестве специфической формы выражения иронического отношения к закреплённой в пословицах вековой народной мудрости. О.Н. Антонова определяет антипословицу как: «речевое образование весьма широкого круга – устойчивую фразеологическую единицу, являющуюся смысловым антиподом традиционной поговорки» [Антонова, 2011: 96].

По мнению ведущих исследователей лингвокультурологического феномена антипословиц, В.М. Мокиенко и Х. Вальтера, антипословицы следует рассматривать как «языковые единицы широкого круга пословицы, являющиеся смысловыми антиподами традиционных поговорок» [Вальтер, Мокиенко, 2005: 17]. Сходного мнения придерживается А.А. Константинова, определяя антипословицы как «новые поговорочные единицы, созданные на основе традиционных пословиц и поговорок» [Константинова, 2012: 98].

Учитывая тот факт, что антипословицы являются трансформированными вариантами традиционных пословиц, имеющими противопоставительную традиционным пословицам смысловую нагрузку и иронический подтекст, их можно рассматривать в качестве неотъемлемого

элемента современной народной смеховой культуры, которая, в свою очередь, по утверждению основателя учения о смеховой культуре М.М. Бахтина, выступает в качестве средства репрезентации национального мировоззрения, а, значит, и языковой картины мира [Бахтин, 1990: 64].

Следует отметить, что антипословицы, в отличие от пословиц, которые практически всегда увязываются с контекстом, могут функционировать в качестве самостоятельных афоризмов, иронически характеризующих определённые ситуации в форме языковой игры [Абзулдинова, 2011: 6].

Выступая в таком качестве, антипословицы способны разрушать те традиционные представления о нормах и ценностях социальной и духовной жизни человечества в целом, общества, социальной группы и отдельного индивида, которые закладываются в сознании людей с самого детства.

При этом важно понимать, что разрушение традиции не является целью и функциональным предназначением антипословиц. Разрушительный характер антипословиц проявляется тогда, когда речь идёт об архаичных явлениях социальной жизни, объективно утративших свою значимость.

Более того, через экспрессию иронии и сарказма антипословицы в некоторых случаях способны усилить традиционные представления об определённых нормах и ценностях, наглядно демонстрируя те искажения, которым они подвергаются в современном социуме с его особым типом духовности и образа жизни, окрашенными ярко выраженным гедонизмом.

К слову, именно эта способность антипословиц отображать изменения в национальной картине мира обуславливает их ценность в качестве исходного языкового материала для социологических, психологических и культурологических исследований, посвящённых изучению структурных и содержательных трансформаций мировоззрения современного человека как «обитателя» определённого социокультурного пространства, поиску ответов на вопросы о том, что происходит с духовным миром человека и его ценностными ориентациями.

Вступая в конфронтацию с пословичной системой ценностей, в системе антипословиц появляются паремиологические неологизмы, отображающие современные представления о семиотическом пространстве важнейших концептов, к числу которых относится концепт «душа».

В истории развития науки проблема души всегда занимала и продолжает занимать место одного из ключевых объектов изысканий и непрекращающихся дискуссий.

В словаре русского языка душа трактуется как «внутренний психический мир человека, особое нематериальное начало, способное существовать независимо от тела» [Словарь русского языка, 1935: 219].

В религиозном контексте душа есть особое бессмертное нематериальное начало в человеке, связывающее его с Богом. Оба этих представления имеют в своей основе древнее, языческое понимание души как бесплотного средоточия человеческой сущности, жизненного начала.

В русской культуре понимание души теснейшим образом связано с христианским представлением о душе, как о морально-этической сущности, связывающей человека с Богом. Естественно, всё это обусловило специфику формирования и экспликации в языковой картине мира народа, отдельной личности, социума основных конструктивных языковых единиц, обладающих семой «душа». В русском языке можно выделить несколько основных образных воплощений концепта «душа».

В первую очередь душа рассматривается в качестве некоего сосуда, вместилища, которые могут быть заполненными или опустошёнными, принимать определённые размеры (душа может быть широкой, великой, мелкой). Сюда же относится представление о невозможности увидеть душу и её содержимое, о непроницаемости её для чужого взгляда. В таком представлении душа выступает в качестве синонима индивидуальности. Ярким примером здесь могут служить паремии *Чужая душа – потёмки*, *Чужая душа – тёмный лес*.

Ещё одним образным воплощением концепта «душа» является представление о ней как о ценности, которой можно завладеть, в том числе купить её и продать: *Деньгами души не выкупишь, Продал душу дьяволу*.

Часто душа представляется в образе некоего органа, обладающего свойствами органа человеческого тела. В данном случае понятие «душа», как правило, синонимично понятию «сердца», что, вероятнее всего, связано с существовавшими во времена античной науки представлениями о том, что человеческая душа локализуется в сердце. Так, например, согласно воззрениям Гераклита, оказывавшим существенное влияние на развитие естественнонаучных представлений вплоть до эпохи Средневековья, душа – это внутренний огонь в человеке, зажжённый от «космического мирового огня» и хранящийся в сердце [Бердий, 1998: 12]. Концепт «душа» также эксплицируется через ассоциативные связи с такими лексическими единицами, как «воздух», «нити», «струны» и др. [Сташкова, 2015: 28–30]. Ассоциативную связь концепта «душа» с лексемой «воздух» мы находим у Анаксагора [Бердий, 1998: 12]; с лексемами «нити» и «струны» – у Е. П. Блаватской, в философско-теософских работах которой широко употребляются понятия «Нить духа», «Нить-душа», «Струны души», «Души струна» [Блаватская, 2004: 5–6].

В русской языковой картине мира душа выступает как символ внутреннего психического мира человека, место средоточия эмоций, желаний, связанных с удовлетворением духовных запросов и потребностей, которые, в силу влияния религиозного христианского значения, противопоставляются материальным, телесным запросам и потребностям с акцентом на том, что именно духовное начало – ядро личности (*Тебе, телу, во земле лежать, а мне, душе, на ответ идти*).

При этом противопоставление духовного и телесного часто осуществляется через указание на тленность и греховность земных благ, в противовес вечным и безгрешным духовным благам (*Что телу любо, то*

душе грубо, У кого деньги вижу – души не слышу, Пусти душу в ад – будешь богат).

Интересно, что антитеза «душа – тело» выражает не только противопоставление духовного и телесного, но и их теснейшую двустороннюю связь. Земная жизнь в христианской культуре рассматривается как особенный путь души, от степени греховности которого зависит дальнейшая судьба души (*Грешное тело и душу съело*), и в то же время душа – средоточие человеческой сущности, не зависящее или мало зависящее от внешних жизненных обстоятельств (*Хоть шуба овечья, да та же душа человечесья*) [Савина, 2001: 55-68].

При этом существует немало пословиц предостерегающего характера, которые указывают на зависимость души от того, как человек поступает с другими людьми, каковы его помыслы и дела, на то, что благополучие души зависит только от самого человека (*Не криви душой: кривобок на тот свет уйдешь, Обидеть (сгубить) легко, да душе каково?, Тело доведу, а за душу не ручаюсь, Не ела душа чесноку, не будет вонять*).

Ещё одной особенностью экспликации концепта «душа» является рассмотрение её в паре «душа – плоть» через указание на дефекты физического тела, противопоставляемые красоте души (*Рожжа крива, да душа пряма, Плоха рожжа, да душа пригожа, Плоть грешна, да душа хороша*). Существуют и обратные варианты: представление дефекта души в красивом теле (*Личиком белёный, душой чернёный*).

Весьма широк пласт пословиц, говорящих о том, что неблагоприятное поведение души способно сгубить и тело, что ещё раз подчёркивает приоритет духовного начала в человеке над телесным (*Душа согрешила, а спина виновата, Руку, ногу переломил – сживётся, а душу переломил – не сживётся*).

С концептом «душа» в русской культуре тесно связаны концепты «сердце» и «совесть».

Сердце, как отмечалось выше, выступает в качестве плотского эквивалента души, её метафизического вместилища, между которыми существует взаимосвязь, обуславливающая возможность взаимного управления (*Сердце – вещун, а душа – мера, Сердце – пестун, а душа – дядька, Сердце душу бережёт, и душу мутит*).

Взаимоотношения концептов «душа» и «совесть» выстраиваются по двум направлениям: они выступают в качестве явлений одного порядка (*С совестью не разминуться: душа не сосед, не обойдешь*) или же в качестве явлений, настроенных по отношению друг к другу оппозиционно (*Душа христианская, да вот совесть цыганская*).

Итак, концепт «душа» в русской лингвокультуре формирует смыслы, связывающие душу с неким внутренним храмом, личным достоянием каждого человека, недоступным для проникновения чужих. Красота и чистота души не зависят от внешних обстоятельств и нередко противопоставляются внешней красоте. Вместилищем души является сердце, они управляют друг другом. Экспликация концепта «душа» нередко осуществляется в паре с концептом «совесть», которые либо гармонично связаны друг с другом, либо противоборствуют.

С учётом того, что было сказано выше о сущности и функциональном предназначении антипословиц, значительный интерес представляют особенности экспликации концепта «душа» в антипословицах.

Среди всех научных исследований, посвящённых выявлению природы и механизмов функционирования видоизменённых паремий, определению их роли в современном социуме и лингвокультурологической науки, описанию и систематизации, ведущее место, безусловно, занимают работы Х. Вальтера и В.М. Мокиенко, под авторством которых вышел словарь «Антипословицы русского народа» [Вальтер, Мокиенко, 2005]. Материалы этого издания были использованы нами для анализа. Всего было выделено 23 антипословицы русского языка.

Первое, что следует из языкового материала, – это наличие вариантов образного представления о душе, как о тайной, недоступной чужому взгляду и пониманию внутренней сущности.

В антипословице *Родная душа – потёмки* мы обнаруживаем усиление традиционного образа через замену слова *чужая* словом *родная*, что можно рассматривать в качестве указания на то, что душа – тайная сущность, недоступная не только чужим людям, но даже родным. Можно предполагать, что в данной антипословице нашли отражение характерные черты современных человеческих взаимоотношений – оторванность людей друг от друга, утрата душевной близости, поверхностность, – которые, в свою очередь, обусловлены ориентацией на материальные блага и вторжением в мир людского общения современных средств коммуникации, ограничивающих глубину общения.

Закрытость душевного мира от других с указанием на существующую в современном мире отстранённость людей друг от друга находит своё отображение и в таких антипословицах, как *Своя душа ближе к телу, На крик души эхо не откликнется*. В сравнении с традиционным пониманием охраны души от чужих взглядов, здесь мы не обнаруживаем взаимосвязи с христианским представлением об открытости человеческой души Богу. Напротив, во втором примере мы видим, что крик души современного человека, оторванного от религии, не находит отклика не только во внешнем мире, но и во внутреннем.

Другими словами, мы имеем дело с трансформацией образа индивидуального, глубоко личного внутреннего мира, доступного Богу и охраняемого от чужих, в образ, который можно обозначить лексемой *одиночество*.

Противопоставление традиционному представлению о невозможности проникнуть в душу другого с оттенком саркастически-пренебрежительного отношения к душевному миру другого человека в современном мире

выражается в антипословице *Чтобы лучше понять душу человека, надо её вынуть.*

Среди антипословиц о душе есть и такие, которые соответствуют традиционным образным представлениям о некоемместилище, обладающем определённой величиной. Так, в антипословицах *Камень за пазухой чаще держит тот, у кого нет ничего за душой, Сделал гадость – в душе – радость* отображается посыл о пустоте и ограниченности душ злых, подлых, агрессивных людей.

В антипословицах в качестве органа, в котором располагается душа, выступает отнюдь не сердце, а предмет материального мира – кошелёк: *Главный орган человеческого тела, незыблемая основа, на которой держится душа, – это кошелёк.*

Экспликация концепта «душа» в антипословицах выстраивается на иронически-саркастической интерпретации традиционного представления о взаимосвязи материальных благ с духовностью: *Ничто так не согревает душу, как холодное пиво, Человеческая душа тянется к добру. Особенно – к чужому.* Телесное и материальное ставится выше духовного, отображая потребительски-гедонистическую направленность современного человека.

Ещё одной особенностью экспликации концепта «душа» в антипословицах следует считать его рассмотрение в паре с концептом «женщина»: *Красивая женщина для глаз – рай, для души – ад, для кармана – чистилище, То, что женщине по душе, мужчине [часто] не по карману.* Интересно, что в русских пословицах образное выражение концепта «женщина» часто ассоциируется с «коротким» умом, алчностью, греховностью, отсутствием совести, лживостью, упрямством (*Бабий ум, что бабье коромысло: и косо, и криво, и на два конца; Бабьи умы разоряют дома; Девичий стыд до порога, а переступила, так и забыла; И муж не знает, где жена гуляет; Баба, что глиняный горшок: вынь из печи, он пуще шипит; Бабе хоть кол на голове теши; Бабьи слезы – божья роса; Где чёрт не сладит – туда бабу пошлёт*), и в этом смысле антипословицы

продолжают традицию, но, в то же время, разрушают её, заменяя в традиционной паре концепт «совесть» концептом «женщина».

Подводя итог вышесказанному, мы можем утверждать, что традиционное понимание души, отображающееся в русских поговорках, заключается в представлении о ней, как о средоточии психической и эмоциональной жизни человека, как бесплотной и бессмертной сущности, связанной с Богом, как тайной, скрытой от постороннего взгляда ценности, которую следует тщательно оберегать, как о мере человеческих поступков и его красоты, как антипододе материальных богатств. В антипословицах представление о душе по-прежнему базируется на образе закрытого внутреннего мира, но не связанного с Богом, а связанного с одиночеством. Душа выступает в качестве меры человеческой души с акцентом на её ограниченность, а телесное и материальное ставится выше духовного, отображая потребительски-гедонистическую направленность современного человека. Душа в антипословицах не ассоциируется с совестью, концепт «душа» выступает в паре с концептом «женщина».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абзудинова Г.К. Трансформации пословиц, репрезентирующих концепт «учёба» // Вестник ЧелГУ. 2011. № 28 (243). С. 5–7.
2. Антонова О.Н. Антипословицы как средство функциональной модификации медиадискурса (на материале прессы Великобритании и США) // Вестник СамГУ. 2010. № 3 (77). С. 96 – 97.
3. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. 2-е изд. М.: Художественная литература, 1990. 543 с.
4. Бердий Т.С. Понятие души в античной философии // Вестник Приазовского гос. техн. ун-та. Серия: Технические науки. 1998. № 5. С. 11-14.

-
5. Вальтер Х., Мокиенко В.М. Антипословицы русского народа. 2-е. изд. СПб.: Нева, 2005. 574 с.
 6. Блаватская Е.П. Ключ к теософии. М.: АСТ, 2004. 638 с.
 7. Даль В.И. Пословицы русского народа: сб. М.: Худ. лит., 1978. 688 с.
 8. Константинова А.А. Когнитивно-дискурсивные функции пословиц и поговорок в разных типах дискурса на английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2012. 435 с.
 9. Лингвистический энциклопедический словарь /под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Директмедиа Паблишинг, 2008. 5987 с.
 10. Пономарева Е.А. Дух и душа – слова одного гнезда однокоренных слов? // Человек и язык в коммуникативном пространстве. 2013. Т. 4. № 4. С. 62–68.
 11. Савина Е.А., Дегтярева Л.Ю. Житейская психология в русских пословицах и поговорках // Человек. 2001. №5. С. 53–78.
 12. Словарь русского языка в 4-х томах / под ред. Д.Н. Ушакова. М.: Русский язык, 1935. Т. I. 665 с.
 13. Сташкова М.А. Функционирование пословиц и антипословиц с гендерным компонентом в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. М., 2015. 231 с.
 14. Урысон Е.В. Проблемы исследования языковой картины мира. Аналогия в семантике. М.: Языки славянской культуры, 2013. 224 с.

ЖЕСТОВЫЙ ЯЗЫК КАК ОСОБАЯ СИСТЕМА КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИИ

Аннотация: В статье рассматривается жестовый язык как особая семиотическая система кодирования и, как следствие, особая система концептуализации. На основе анализа типологий жестового языка, существующих в различных областях научного знания, выявляется перечень его определённых характеристик, которые представляют собой интерес для системных лингвистических исследований. Приводятся примеры концептуального анализа лексических единиц русского и американского жестовых языков, даётся обзор перспектив изучения жестового языка.

Ключевые слова: жест, жестовый язык, знак, концептуализация, невербальное общение

Abstract: The article views sign language as a specific semiotic coding system and, therefore, a non-verbal system of conceptualization. On the basis of analysis of the sign language classifications developed in different fields of scientific knowledge it is characterized by a list of certain features, which are of interest for systemic linguistic research. The author gives the examples of conceptual analysis of the lexical units in the Russian and American sign languages, states the perspectives of the sign language linguistic research.

Keywords: gesture, sign language, sign, conceptualization, non-verbal communication

Жестовый язык долгое время находился на периферии лингвистического интереса, изучался и описывался, в основном, специалистами дефектологами, работающими в сфере преподавания языка для людей с недостатками слуха, нередко приравнивался к языку животных [Воскресенский, 2004: 2]. Свой официальный статус в Российской Федерации жестовый язык получил лишь в 2012 году [ФЗ, 2013: URL: <https://rg.ru/2013/01/11/invalidi-dok.html>]. В настоящее время данный язык и его носители стали всё чаще рассматриваться в языковедческих работах как зарубежных, так и отечественных исследователей.

Жестовый язык – устоявшийся термин для данной знаковой системы. Он определённым образом противопоставлен языку жестов, который присущ каждому человеку в виде естественного сопровождения речи, является компонентом вербальной коммуникации и обеспечивает её мультимодальность.

Ключевая роль в популяризации исследований по жестовому языку принадлежит американскому учёному У. Стоуки, который ещё в 60-х гг. XX века самостоятельно добился признания американского жестового языка (American Sign Language) полноценным человеческим языком [Stokoe, 1960]. В результате, уже в 70-х гг. американский жестовый язык стал активно выступать в качестве объекта лингвистических исследований.

В отечественной лингвистике 80–90-х гг. публикации по жестовому языку всё ещё казались удивительными и непривычными, и, как вспоминает А.А. Кибрик: «<...> на вопрос: а кто занимается жестовыми языками в России? Ответить мне было нечего <...>» [Кибрик, 2008: 123].

Тем не менее, стоит отметить, что российскими учёными также предпринимались вполне успешные попытки описания жестового языка. Наиболее активно велись исследования в области сурдопедагогики и дефектологии (А.Г. Басова (1984), Р.М. Боскис (1961), И.Ф. Гейльман (1981), А.Г. Геранкина (1972), Л.С. Димскис (1996), Г.Л. Зайцева (2000), С.А. Зыков (1977), И.В. Цукерман (1968) и др.). Однако, собственно лингвистические работы по жестовому языку стали появляться в отечественной науке только в XXI веке.

В настоящее время, жестовый язык вызывает всё больший интерес, в том числе, со стороны лингвистов, ввиду его осмысления не только как особой семиотической системы, но и особой системы концептуализации. Жестовый язык – богатая знаковая система, обладающая широким набором средств для выражения *смыслов и отношений между словами* и, по мнению Г.Л. Зайцевой, служащая базой и средством обучения глухих, в том числе и словесному языку [Зайцева, 2000: 114].

Особенность жестового языка состоит в том, что он включает в себя разные системы кодирования, как минимум две: знаки дактильной азбуки и собственно жесты. У И.Ф. Гейльмана находим метод очередности освоения дактилем русской дактильной азбуки, состоящего из 7 групп, следующих

друг за другом, где дактилемы объединяются с учетом особенностей их образования, конфигурации [Гейльман, 1981: 76]:

- I группа состоит из пяти дактилем, при исполнении которых пальцы руки постепенно все более раскрываются: А Е Ё С В;
- II группа (пальцы поочередно соединяются): О Р Н Ш Щ;
- III группа (К И Й Н У) – кисть руки поднята, прямые пальцы раскрыты;
- IV группа (З Д Ц Я Б) – кисть руки поднята, прямые пальцы соприкасаются;
- V группа (Г П Л М Л Т) – кисть руки опущена, пальцы прямые;
- VI группа (Ч Ж Ф Ю) – кисть руки поднята, пальцы выпрямляются кончиками от себя;
- VII группа (Х Э Ъ Ь) – кисть руки поднята, большой и указательный пальцы поочередно выпрямляются.

Данную классификацию можно охарактеризовать как своеобразное переосмысление всем знакомой азбуки вербальных знаков с точки зрения эффективности усвоения, своего рода азбучная концептуализация.

Если дактиль используется для передачи имён собственных или новых ещё не устоявшихся реалий, то жест служит для визуализации как сложных и абстрактных понятий, так и для простых объектов материального мира. Так, например, У. Стоуки выделяет три главных компонента, из которых состоит каждый жест: 1) конфигурацию, 2) пространственное положение и 3) движение [Stokoe, 1960: 41]. Например, *мать* – В-конфигурация (жест выполняется около лица; справа налево; движение плавное, непрерывное). Данный жест, предположительно, фиксирует концептуализацию данного объекта как хорошо знакомого (находящегося постоянно рядом, лицом к лицу), что фиксируется благодаря пространственному положению, и нежного, о чем свидетельствует характер исполнения жеста (нежный, плавный).

Жестовый язык очень сложен, неоднороден и имеет несколько уровней своей организации. В нем, как в естественном языке, выделяются лексический и грамматический уровни. В свою очередь, каждый из уровней представлен несколькими классами жестов. Например, в русской жестовой речи выделяют 2 основных класса жестов для выражения лексики [Зайцева, 2000: 32]:

- 1) жесты, заимствованные из русского жестового языка (ШКОЛА, КНИГА);
- 2) жесты, принадлежащие только калькирующей жестовой речи
 - собственно жесты: ДИСКРИМИНАЦИЯ, ИНТЕГРАЛ;
 - слова русского языка, воспроизводимые при помощи дактильной азбуки (дактильные слова): к-о-н-с-е-р-в-а-т-о-р, к-и-б-е-р-н-е-т-и-к-а;
 - лексемы, содержащие жест и несколько дактилем: к-а-б + КОМНАТА ('кабинет'); з + СУХО ('засуха'); ЧТО + б-ы ('чтобы') и т. д.

Каждый из типов жестов выступает особой системой концептуализации. В рамках данной статьи и на примере абстрактных имен существительных и оценочных имен прилагательных будут рассмотрены особенности лексической концептуализации, которая выступает базовым и самым необходимым уровнем концептуализации. Соответственно, лексика отражает все объекты реального мира и специфику их восприятия и осмысления представителями различных лингвокультурных общностей.

Анализ жестов, видео-примеры которых были взяты из электронного словаря *Spread the Sign* [Spread the Sign: эл. ресурс] показал, что жесты (и, следовательно, жестовый язык) по-разному фиксируют концепты, которые входят в систему знаний представителей американской и русской лингвокультур.

Например, в основе жестовой концептуализации грусти у американцев лежит характеристика проявления эмоции (В-конфигурация,

жест выполняется у лица двумя руками сверху вниз, и при исполнении меняется выражение лица на соответствующее грусти). В русском жестовом языке грусть – это, прежде всего, более глубокое, душевное восприятие мира (двуручный жест, обозначающий данный концепт, выполняется у груди, рядом с сердцем, полусогнутые ладони соединяются тыльными сторонами).

Жестовая концептуализация злости у американцев основана на образе чёрта/дьявола (V-конфигурация, двумя руками одновременно показываются рога на голове, при исполнении указательный и средний пальцы сгибаются 2 раза). Злость в русском жестовом языке репрезентирована на более глубоком уровне чувственного восприятия мира, как и в случае с грустью (А-конфигурация, жест выполняется по центру груди, у сердца, рукой производятся круговые движения).

Концептуализация такого чувства, как любовь отличается в двух рассматриваемых лингвокультурах по степени своего проявления. Любовь для американцев – это сильное чувство, о чём свидетельствует характер исполнения жеста (А-конфигурация, руки скрещиваются на груди). Для русского человека, любовь – это более мягкое и нежное чувство (жест выполняется одной рукой, сначала рука касается губ, затем раскрытая ладонь кладётся на сердце).

Жест *hate* ('ненависть') репрезентирует данное чувство как очень сильное. Он основан на внешней эмоциональной составляющей проявления ненависти (двуручный жест, А-конфигурация, руки находятся перед грудью и резко отодвигаются дальше от исполняющего, а конфигурация меняется на В; более того, мимика исполняющего выражает явную, открытую неприязнь). Концептуальный анализ жеста *ненависть* в русском жестовом языке концептуально фиксирует более сдержанное чувство (одноручный жест, конфигурация V, согнутые указательный и средний пальцы указывают на глаза и проделывают короткое повторяющееся движение справа налево).

Мотивированность жеста *death* ('смерть') определяется сложно. Однако, предположительно, данный жест фиксирует изменение состояния

(двуручный жест, В-конфигурация, руки расположены параллельно полу, перед грудью; одна ладонь смотрит вверх, другая вниз; жест заключается в смене положения рук: та ладонь, которая смотрела вверх, теперь смотрит вниз, а та, которая вниз – вверх, затем ладони возвращаются в исходную позицию). Жест *смерть* в русском жестовом языке отображает данный этап окончания жизни человека через указание на физическое положение тела, которое придают умершему человеку перед захоронением (В-конфигурация, руки скрещиваются на груди).

Лингвокультурная обусловленность жестового языка, как видно из анализа вышеприведенных концептов, которые он фиксирует, подтверждается не только различием в смыслах, которые репрезентированы различными жестами, но и фактами частого совпадения исполнения жестов для различных концептов (ср., например, жесты *love* и *смерть*).

Проведённый анализ, таким образом, позволяет приблизиться к осознанию того, что жестовые языки являются сложными, полноценными, самостоятельными знаковыми системами, способными репрезентировать как простые, так и абстрактные концепты и передавать особенности ментальности той или иной культуры. Они выступают особыми, многоуровневыми системами концептуализации мира. Их анализ позволит значительно дополнить имеющиеся исследования по вербальной концептуализации, указать на возможные новые концептуальные смыслы, которые включены в данный концепт представителями определенных культур, и, возможно, поставить ряд вопросов перед лингвистами, исследующими вербальную репрезентацию концептов. Это, в свою очередь, может вывести концептуальные исследования на новый уровень развития. Более того, внутренняя организация жестового языка до сих пор остаётся открытым вопросом ввиду недостаточной изученности данной семиотической системы как особой системы кодирования знаний.

1. Басова А.Г., Егоров С.Ф. История сурдопедагогики: Учеб. пособие для студентов дефектол. фак. пед. ин-тов. М.: Просвещение, 1984. 295 с.
2. Боскис Р.М. Некоторые принципы диагностики аномального развития ребенка с частичным поражением анализатора (к теории вопроса) // Изучение и обучение детей с недостатками слуха: труды института дефектологии / под ред. Р.М. Боскис. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1961. С. 3–16.
3. Воскресенский А.Л. Жестовая речь – язык или знаковая система? [Электронный ресурс] // Доклады международной конференции «Диалог», 2004. URL: <http://www.dialog-21.ru/media/2587/voskresenskij.pdf> (дата обращения 17.12.2017).
4. Гейльман И.Ф. Дактилология. Ленинград: Ленинградский восстановительный центр ВОГ, 1981. 87 с.
5. Геранкина А.Г. Практикум по дактильной речи. Пособие для преподавателей дефектолог. фак-тов пед. ин-тов. М.: «Просвещение», 1972. 64 с.
6. Димскис Л. С. Билингвистический подход: необходимость и реальность // Дефектология. 1996. Вып. 5. С. 32–38.
7. Зайцева Г.Л. Жестовая речь. Дактилология: учебник для студентов высших учебных заведений. Москва: ВЛАДОС, 2000. 192 с.
8. Зыков С.А. Методика обучения глухих детей языку. М.: Просвещение, 1977. 200 с.
9. Кибрик А.А. О важности лингвистического изучения русского жестового языка // Лингвистические права глухих / под ред. А.А. Комарова, Н.А. Чаушьян. М.: ООИ ВОГ, 2008. С. 122–129.
10. ФЗ – Федеральный закон № 296-ФЗ от 30 декабря 2012 г. «О внесении изменений в статьи 14 и 19 Федерального закона «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Российская газета, 2013. № 3. URL: <https://rg.ru/2013/01/11/invalidi-dok.html> (дата обращения: 15.12.2017).

11. Цукерман И.В. Прием и передача вибрационных сигналов азбуки Морзе как способ связи глухих и слепоглухих по телефону: автореф. дис. ... канд. пед. наук: 733. М., 1968. 13 с.
12. Spread the Sign [Электронный ресурс] // URL: <https://www.spreadthesign.com/ru/> (дата обращения: 10.04.2018).
13. Stokoe W.C. Sign Language Structure: An Outline of the Visual Communication Systems of the American Deaf // Studies in Linguistics. Occasional Papers. 1960. № 8. P. 1–78.

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МАРКЕРОВ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ ДИСКУРСЕ МЕДИАЦИИ

Аннотация: В статье рассматриваются особенности использования дискурсивных маркеров в англоязычном дискурсе медиации. Автор проводит анализ фактического материала и выявляет типичные средства маркирования речевых действий медиатора и конфликтующих субъектов.

Ключевые слова: дискурс, дискурс медиации, аргументация, дискурсивные маркеры, тактики дискурса медиации, медиатор, стороны конфликта.

Abstract: The article examines the particularities of functioning of discourse markers in the English discourse of mediation. The author gives analyses of the factual material and shows typical discourse markers, which are used both by a mediator and conflicting parties.

Keywords: discourse, discourse of mediation, argumentation, discourse markers, tactics of discourse of mediation, mediator, conflicting parties.

Медиация, или процедура посредничества в разрешении споров, получила широкое распространение во всем мире, доказав свою целесообразность и эффективность. Медиация носит междисциплинарный характер, рассматривается по-разному в каждой дисциплине. При этом дискурс медиации сравнительно недавно стал предметом изучения в лингвистике и на данный момент является малоизученным.

Основная цель дискурса медиации – управление процессом развития кооперации, направленной на разрешение конфликта. Иными словами, конфликтующие участники должны из конфликтного дискурсивного пространства (зоны несогласия) перейти в кооперативное (зону согласия)». [Куликова, Прохорова, 2016: 102].

В процессе реализации дискурса медиации используются разнообразные лексические единицы с семантикой причинности, синтаксические конструкции (придаточные причины, условия, следствия, цели и т. д.), а также все единицы, значение которых в конкретном контексте, в конкретной речевой и экстралингвистической ситуации способно повлиять на принятие человеком того или иного решения, убедить в чем-либо, доказать

[Бороденков, 2009: 243], изменить «мысленное поле» адресата или оказать воздействие. Примером таких языковых единиц являются дискурсивные маркеры.

Материалом исследования послужили англоязычные медиативные сессии в количестве 15 штук.

В результате проведенного исследования были выявлены группы дискурсивных маркеров, характерных для медиативного дискурсивного пространства:

- Маркеры оценки ситуации, такие как *briefly, sadly, fortunately, exactly, extremely, actually, normally, simply, basically, wonderfully, terribly, incredibly*.

Mediator (Me): So, this is really upsetting to you.

*J: It is **terribly** upsetting.*

Me: And all these people being in your life for so long and now go on.

J: It is not easy to keep this up and grace needs cutting. And a rose bush.

Маркер *terribly* подчеркивает серьезность ситуации для одного из участников общения.

- Маркеры эмпазы, такие как *just, do, just by, indeed, really, pretty, right now, I insist that*. Данные маркеры часто применяются для фокусирования внимания конфликтующих субъектов на жизни и проблемах их оппонентов, тем самым «смягчая» дискурс медиации. Таким образом, медиатор стремится помочь конфликтующим субъектам достичь взаимовыгодного решения спора.

B: I mean, I tried to work with him. I mean I was concerned we are actually friends, at some point.

*Me: Okey, is there any other agreement you can make with him? Because if he doesn't have a job or doesn't have money. This is nothing **really** do about that.*

- Маркеры смягчения напряженной обстановки: *I heard but, if I am not mistaken, well, but..., I understand, but*.

D: This this already the end of January...

Me: Could you do it a bit sooner?

*D: I might be able to, **but**...I don't want to say she is the first guy to make me an offer.*

Me: Well, but she said she wanted you pay January rent.

Дискурсивные слова *well, but* помогают смягчить высказанное, усиливая при этом намерение соглашения и поддержки субъектов конфликтного общения. Но тем не менее, используя отрицание *but* медиатор предлагает подумать о других возможных вариантах решения проблемы.

- Маркеры манеры речи: *so, well, briefly, frankly.*

C: Right, it is being problematic for us because we have an image of premium vodka produced in Russia and it is cheap one.

Me: So.

*C: **Frankly**, we would be happy if somebody buys it for us. It's not our strategic interest to keep it in Russia. This is confidential.*

В данной ситуации маркер *frankly* указывает на искренность намерений одного из участников дискурса медиации.

- Маркеры уверенности в правильности своих действий: *definitely, assuredly, actually, I know, obviously.* В процессе медиации участники дискурсивного сообщества начинают воспринимать проблему как общую, а своего оппонента как союзника и стремятся в какой-то степени объединиться, чтобы совместными усилиями разрешить спор. Участники дискурса на этом этапе начинают выражать готовность к сотрудничеству и согласие с мнением и требованием оппонента. В этом случае часто используются маркеры уверенности.

Me: What do you think about this?

C: We would like to see the license come back to us to be and your active brand, trade mark registration, be a sign to us. In exchange, I think, we can think about perceiving distribution.

A: I think, it's OK, I think, we are business persons, we need to think further, in the future.

*C: We will be able to discuss that, because, **obviously**, you have knowledge of the Russian market.*

Маркер *obviously* указывает на согласие одного из участников конфликта с принятым другим конфликтантом решением.

- Маркеры солидаризации (объединения) участников дискурса медиации: *my friend, two of you, both of you, all together, both, all look, see*. Данный тип маркеров употребляется медиатором, когда необходимо дать понять конфликтантам, что проблема может быть решена только при их совместном участии.

*Me: You can't warm her heart, then you don't want to divorce, then...then what can you do? Uh? So, since you don't want to divorce you have to do something. **See**, there are a lot of ways that can help you, right?*

M: A lot of...but what I have told you are the facts.

Маркер солидаризации *see* является индикатором доверительных отношений между медиатором и одним из участниками дискурсивного сообщества.

В следующем примере маркеры объединения *both* и *both of you* помогают посреднику сделать акцент на общности интересов конфликтующих субъектов, он обращается к ним как к участникам единого дискурсивного сообщества.

Me: See, we are only talking about these few matters, and there are so many problems. You have defects, he has defects.

W: Yeah.

*Me: **You both** should.....*

W: Understand.....

Me: No. Nobody is perfect.

W: It's true.

Me: So, on the occasion that both of you have defects, you can try to...tolerate his defects. Let's talk about this first. For this is more helpful.

W: I tolerate, tolerate his what?

Me: We are now talking about this, you both have defects. Can you or can you not tolerate his defects?

W: I can't.

- Маркеры детализации и уточнения: a little bit, in addition, also, moreover, mostly, only, you know, another time, just at that time, all our (family), so, together, all together, both, in any way, as possible, in fact, at some point, as well, so many, most of the time, called и then, mainly, for a moment.

*Man: When the car stopped, **just at that time**, I came downstairs, to the corridor. The man was walking in the front, she was following behind. I went up to the man. And right at the gate of the corridor, I ran into her. Later, I called the man stop. But the man, in a hurry, got in the car and drove away.*

Один из участников дискурсивного сообщества использует маркер *just at that time*, акцентируя внимание на определенном моменте в конфликтной ситуации, наиболее существенном при описании поступков другого участника дискурсивного сообщества.

- Маркеры разъяснения последующих действий: then, after all, from there.

*Me: One parent has Monday and Tuesday's night consistently and other parent has Thursday and Wednesday's night consistently **and then** includes Friday, when you go to the town. So, you are asking.*

Маркер *and then* помогает медиатору структурировать свою речь таким образом, чтобы каждый из конфликтующих субъектов осознал правильность предложенного решения.

- Уточняющие маркеры-вопросы right? aren't they?

Me: Zheng Sheng, what I am saying is you don't want to divorce. So, since you don't want to divorce you should have reasons in your mind, right? The only way to solve this problem is that you, deep from your heart, you take the initiative to warm...to warm her heart.

M: Warm? Warm her heart?

Me: Yeah?

M: *****

*Me: You can't warm her heart, then you don't want to divorce, then...then what can you do? Uh? So, since you don't want to divorce you have to do something. See, there are a lot of ways that can help you, **right?***

*M: A lot of...but what I have told you are the facts, **aren't they?***

Me: More communication.

M: More communication.

Используя маркеры *right?*, *aren't they?* медиатор выясняет необходимую информацию у одного из участников дискурса, во избежании дальнейшего непонимания в ходе процесса общения.

- Маркеры приведения примеров: I mean, such as, like.

S: I want him to pay the rents, the fees ...If he misses a payment I want higher amount and add double damages...

*M: Denis...She **meant** that she wants you to pay 2575 dollars at a court fees. She is willing to wave the double damages.*

S: Unless you miss your payment.

Медиатор перефразирует высказывание, вводя дискурсивный маркер *meant*. Во многих случаях участники процесса медиации в силу эмоционального напряжения и нестабильности не способны «обработать» ту информацию, которую предоставляет их оппонент. Соответственно, медиатору необходимо изменить структуру этой информации для лучшего ее восприятия участниками. Таким образом, медиатор дает возможность конфликтующим участникам медиативного дискурса услышать свой собственный рассказ из уст нейтрального коммуниканта, который сглаживает все острые углы (некорректные слова, интонации).

- Маркеры преувеличения: so much, so, too much, too, so many.

M: You've heard my story. What do you think?

Me: I can't tell. I'm waiting for you to tell me. I want to hear your answer.

*M: She is **so** intimidating. Those matters, how could I be in control of? If I could control her, she wouldn't have done...have, have, have done **so many** evil*

things. Just like that, she fears of nothing, fooling around. Let me tell you in this way, if, in a family, if, that, the husband is very strong in power...She is like a cat, and I am like a mouse, she is cat. You can take my word for it.

Me: Aha ha, you are admitting you are the mouse, right? Aha ha?

M: I, I admit I am the mouse. When I see her, I feel scared. You know?

Один из участников дискурса использует маркеры **so** и **so many**, усиливая правдивость своих слов.

Таким образом, нормальное функционирование коммуникативного взаимодействия обеспечивается употреблением в речи разных дискурсивных маркеров, которые являются средствами обеспечения успешности реализации дискурса медиации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бороденков П.А. Маркеры аргументации в обиходном дискурсе (на материале незнаменательной лексики немецкого языка): дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. Иваново, 2009. 243 с.

2. Куликова Л.В, Прохорова О.А. Исследовательские подходы к дискурсу медиации в фокусе междисциплинарности // Филологические науки. Вопросы теории и практики: сб. науч. ст. Вып. 2 (56). Ч. 2. Тамбов: Грамота, 2016. С.100–104.

**К ВОПРОСУ О ФУНКЦИОНИРОВАНИИ МЕТАФОРЫ
КАК СРЕДСТВА МАНИПУЛИРОВАНИЯ
(НА МАТЕРИАЛЕ СПОРТИВНОГО МЕДИАДИСКУРСА)**

Аннотация: В статье анализируются возможности и особенности использования метафоры как одного из средств манипулирования в спортивном медиадискурсе. Метафора активно участвует в процессе ассоциативного сближения, связывая понятия, не всегда соприкасающиеся между собой. В спортивном медиадискурсе метафора способна образовать как положительный языковой штамп, так и отрицательный образ в целях манипулирования. В ходе анализа различных спортивных изданий было выделено несколько уровней функционирования метафоры: метафора как базис, метафора как сопутствующее средство и метафора как основное средство реализации манипулирования. Каждый из данных уровней ориентирован на достижение того или иного эффекта.

Ключевые слова: манипулирование, метафора, метафорическая модель, спортивный медиадискурс.

Abstract. The article analyzes the peculiarities of using metaphor as one of the means of manipulation in the sports media discourse. The metaphor takes an active part in the process of associative rapprochement, linking concepts that do not always seem to be in contact with each other at first glance. In the sports discourse of media the use of this language tool is especially important, since it is capable of forming both a stock phrase and a negative image for the purposes of manipulation. In this research the author analyses various sports publications, and defines several levels of manipulative use: metaphor as the basis of manipulative use, metaphor as supportive tool of manipulative use, and metaphor as the main tool of manipulative use. Each of these levels is oriented to achieve a certain effect.

Keywords: manipulation, metaphor, metaphorical model, sports discourse of media.

Метафорическое моделирование языковой реальности давно находится в центре внимания отечественных и зарубежных лингвистов. Количество исследований в данной области с каждым годом увеличивается. Учеными уже охвачены практически все виды дискурса, связанные с важнейшими сферами коммуникации: политической, экономической, религиозной, бытовой и т. д. В последнее время специалисты обращают внимание на спортивный медиадискурс за счет его сходства со многими видами дискурсов, затрагивающих коммуникацию [Малышева, 2011: 22–24].

В данной работе анализируются метафоры и метафорические модели, актуализируемые в текстах спортивного медиадискурса с точки зрения их вовлечения в процесс манипуляции.

Языковые средства воздействия, метафора в частности, являются ключевыми в коммуникации массмедиа, вследствие этого представляющими наибольший исследовательский интерес. В комплексе языковых средств воздействия одну из ключевых ролей играют тропы (обороты речи, состоящие в употреблении слова или выражения в переносном смысле), при этом различные виды тропов обладают разным манипулятивным потенциалом. Мы полагаем, что метафора является одним из наиболее сильных манипулятивных средств среди прочих ресурсов, отвечающих за выразительность [Найдина, 2011: 58]. Справедливо будет заметить, что за счет своего манипулятивного потенциала метафора быстро обрела популярность в пространстве спортивного медиадискурса, вслед за политическим, рекламным, религиозным, экономическим и другими видами дискурсов.

При анализе текстов спортивных массмедиа можно выделить функциональные уровни использования метафоры в процессах манипулирования в зависимости от степени вовлечения метафоры в данный процесс.

Во-первых, рассмотрим метафору в качестве базиса реализации манипулирования. При создании определенной метафорической картины важную роль играет концептуальная (или когнитивная) метафора, поскольку она способна наполняться новым образным содержанием в пространстве текста. В данном случае эти метафоры способны выступать фундаментом, основой или же центром, на котором строится процесс манипулирования. Кроме того, они выполняют миромоделирующую функцию [Лакофф, 2004: 128], в связи с чем возникает определенная образная система, задающая характер сложных толкований манипулирования. Метафора на уровне базиса выполняет самую важную роль в процессе манипулирования, позволяя

манипулятору упростить средства манипулирования, придавая смыслу текста особую направленность, а объекту манипулирования легко воспринять транслируемые идеи как свои собственные.

Далее мы приведем небольшой пример использования метафоры как базиса реализации манипулирования. Рассуждая о спортивном мероприятии, манипулятор, транслируя некое спортивное событие, может подать информацию таким образом, чтобы у реципиентов создалось определенное настроение, либо ожидание определенных вещей от того, что они будут наблюдать: *«Очевидно нас ждет кровавопролитное сражение на сегодняшнем матче!»*. В данном случае была использована военная метафора в пространстве спортивного медиадискурса, которая так же могла быть использована в любом другом виде дискурса, субдискурса и так далее. Использование метафоры *кровавопролитное сражение* является актуализацией данного вида метафор. При ее помощи манипулятор трактует еще не начатое спортивное событие как военное, тем самым внушая соответствующее отношение объектов манипулирования к предстоящим событиям. Далее манипулятор может использовать как военные метафоры, так и другие метафоры для демонстрации определенного настроения или отношения, которое будет воспринято реципиентом, к примеру метафоры, возникшие на основе исторических событий, укоренившихся в сознании нации:

«An jenem Sonntag Abend des 13. Spieltags erlebte der deutsche Nationalspieler mit Real Madrid sein «Waterloo» (В тот воскресный вечер во время своего 13-го матча игрок немецкой сборной испытал свой «Ватерлоо» с «Реалом») [Kicker. URL:<http://www.kicker.de/news/fussball/bundesliga>].

Таким образом, мы подчеркиваем, что в данном случае метафора в первую очередь несет миромоделирующую функцию, создавая определенную картину мира в сознании объектов манипулирования.

Во-вторых, необходимо рассмотреть метафору как сопутствующее средство реализации манипулирования. Как сопутствующее или сопровождающее средство метафоры обладают наименьшей

функциональной нагрузкой в формировании манипулирования. В этом случае мы говорим о метафоре, добавленной в текст исключительно ради дополнительной выразительности, привлечения внимания человека или группы людей красивыми необычными речевыми конструкциями к информации, которую манипулятор собирается передать. Справедливо можно отметить, что такие метафоры можно исключить из контекста, и это не приведет к исчезновению манипулятивного эффекта, ведь само употребление метафор в данном случае является простым украшением текста, в то время как манипулятор может осуществить задуманные им манипулятивные действия с помощью совершенно других ресурсов. Сопутствующими метафорами обычно являются стертые метафоры, клишированные метафоры или метафоры, относящиеся к непродуктивным метафорическим моделям.

Рассмотрим пример, в котором метафора выступает в качестве сопутствующего средства в метафорическом концепте «команда как организм», в пространстве спортивного медиадискурса. В интервью один из спортсменов высказывается о наставнике своей команды следующим образом: *«Наш тренер – душа и сердце нашей команды!»*. Так он мог бы попытаться показать свое отношение к тренеру не только зрителям, но и своим товарищам по команде, тем самым побуждая и тех и других к доверию к данной персоне.

Подобное высказывание определенно звучит красиво, и наглядно демонстрирует трепетное отношение спортсмена к тренеру. Но что было бы, если бы он выразил свое отношение к тренеру без метафоры: «Наш тренер – важнейший член нашей команды», или же спортсмен использовал бы такой метафорический концепт как «команда как механизм»: «Наш тренер – двигатель нашей команды»? Суть осталась бы прежней при использовании любого из метафорических концептов, либо же при его полном отсутствии. При этом красота высказывания не гарантирует успех манипулятивного воздействия, оставаясь лишь броским высказыванием для реципиентов,

брошенным только для красоты, или же звучащее как речевое клише. Другой пример «*Die rot-weißen Bomber sind da*» (здесь и красные и белые бомбардировщики) также является всего лишь украшением, направленным на демонстрацию своего отношения субъектом высказывания [Fangesaenge URL: <http://www.fangesaenge.de>]. При использовании названия другой военной техники во время описания спортсменов или же не военной техники, а скажем, сравнении их с героями мифов, мало что изменилось бы. Высказывание осталось бы красивым, но при этом не оказало манипулятивный эффект. Таким образом, мы подчеркиваем, что метафора как сопутствующее средство несет лишь дополнительный характер, принося образность и экспрессию в текст, при этом далеко не всегда являясь залогом успешного манипулирования.

Наконец, поговорим о метафоре как основном средстве реализации манипулирования. В этом случае метафора воплощает приемы или тактики манипулирования. Здесь функциональные обязанности меньше, чем в метафоре как в базисе манипулирования, но больше, чем в метафоре как в сопутствующем средстве. Как основное средство реализации манипулирования, метафоры используются в том случае, если использование метафор является приоритетом при реализации манипулятивного воздействия. В функциональные обязанности таких метафор входит формирование фрагмента картины мира, но при этом особенно важно наличие такой функции как создание экспрессии, образности, выразительности. В подобной роли могут использоваться метафоры, относящиеся к определенным дискурсам или субдискурсам, однако возможно употребление и метафор, образованных по менее продуктивным или не распространенным в данном типе дискурса моделям или концептам. Например, использование метафорического концепта «Спорт как строительство» в спортивном медиадискурсе, в котором демонстрируется личное отношение автора высказывания к тренеру и составу команды, а также к их спортивным достижениям. В данном случае отношение является

положительным: «Ему удалось построить команду, планирующую атаки на прочном фундаменте и способную преодолеть оборонительную стену любого соперника». В этом случае может быть использован другой метафорический концепт, способный продемонстрировать определенное отношение автора, однако важно заметить, что именно метафора используется как языковое средство, способствующее внедрению манипулирования.

Приведем другой пример, в котором используется метафорический концепт «спорт как казино». Удачно используя метафору и связывая спорт с казино, азартной игрой, манипулятор демонстрирует негативное отношение к тренеру команды, указывая на его нервозность, несостоятельность и безответственность:

Immer wieder hat er im Laufe der Saison Personal und Taktik ohne große Not, aber mit viel Verve durcheinander gewirbelt, doch in Monaco endete das Vabanquespiel mit dem Bankrott. ... Anstatt der erhofften Auswärtstore fielen zwei Kontertreffer für Monaco. «Ranieri hat im Schatten des Casinos alles auf Blau gesetzt, es kam aber Rot (Снова и снова по ходу сезона без особой нужды, но зато с большим воодушевлением он беспорядочно вертел игроками и тактикой, однако в Монако игра ва-банк закончилась банкротом. ... Вместо ожидаемых голов на чужом поле выпали два контргола в пользу Монако. «Раньери в тени казино все поставил на синее, а вышло красное») [Süddeutsche Zeitung URL: <http://www.sueddeutsche.de>].

Такие метафоры сочетают в себе миромоделирующий потенциал и выразительные способности, выполняя образную и когнитивную функции. Данные функции одинаково важны в процессе создания успешного манипулятивного эффекта. При этом миромоделирующий потенциал остается на втором плане, уступая первое место выразительности метафоры как языкового средства, способного успешно организовать манипулятивный процесс.

Таким образом, мы приходим к выводу о том, что роль метафоры может быть как основной, так и вспомогательной. При этом, занимая

позицию вспомогательной роли, метафора может выступать как средство выразительности, направленное, в первую очередь, на формирование красоты и изящности высказывания, а уже потом — на достижение манипулятивного эффекта, так и основным инструментом, направленным на достижение манипулятивного эффекта в обход прочих средств выразительности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Малышева Е.Г. Русский спортивный дискурс: лингвокогнитивное исследование. М.: Флинта, 2011. 24 с.
2. Найдина Д.С. Метафора в стратегиях манипулирования (актуализация эмоции страха) // Язык и культура. 2011. № 4 (16). С. 57-63.
3. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры которыми мы живем. М.:URSS, 2004. 256 с.
4. Kicker [Электронный ресурс] URL: <http://www.kicker.de/news/fussball/bundesliga> (дата обращения: 23.04.2018).
5. Fangesaenge [Электронный ресурс] URL: <http://www.fangesaenge.de> (дата обращения: 23.04.2018).
6. Süddeutsche Zeitung [Электронный ресурс] URL: <http://www.sueddeutsche.de> (дата обращения: 23.04.2018).

ПРЕДНАМЕРЕННОСТЬ НЕВЕРБАЛЬНЫХ МАРКЕРОВ В АКТЕ ПРЕРЫВАНИЯ КОММУНИКАЦИИ

Аннотация: В статье представлены результаты эксперимента, целью которого являлось выявление невербальных маркеров прерывания коммуникации и особенностей их использования. Полученные результаты позволяют определить специфику использования невербальных маркеров при вербальном прерывании и отдельно от вербальной составляющей, а также в ситуации предшествования прерыванию.

Ключевые слова: коммуникация, общение, прерывание коммуникации, невербальные маркеры, эксперимент.

Abstract: The article presents the results of an experiment, the purpose of which was to identify non-verbal markers of communication interruption and the features of their use. The obtained results allow to determine the specificity of the use of non-verbal markers for verbal interruption, without the use of verbal channel, and in the situation of the antecedence of interruption.

Keywords: communication, interruption of communication, non-verbal markers, experiment.

Понятие коммуникации получило широкое распространение в связи с интегративным развитием науки о языке и необходимостью осмысления результатов исследований в смежных областях знаний.

В современной отечественной лингвистике наряду с понятием коммуникации существует другое, для некоторых исследователей синонимичное, – общение. Отсюда возникает потребность разграничить эти два понятия и пояснить, почему нами был выбран именно термин «коммуникация».

Как отмечают многие исследователи, общение неотделимо от процесса деятельности [Лисина, 1986; Леонтьев, 2008; Залевская, 2013], который трактуется как динамическая система взаимодействий субъекта с миром, в процессе которых происходят возникновение и воплощение в объекте психического образа и реализация опосредованных им отношений субъекта в предметной деятельности [Шапарь, 2006: 120]. Под общением принято понимать межличностное взаимодействие индивидов, которые реализуют общественные и личностные, психологические отношения,

объединяют усилия с целью налаживания отношений и достижения общего результата и использующих специфические средства, прежде всего язык. Т.е. понятие общения связано с характеристиками межличностного взаимодействия, обменом мыслями и чувствами при помощи вербальных средств.

Под коммуникацией подразумевается процесс обмена информацией и, если в общении основным средством предстает язык, в коммуникации все чаще проступает необходимость изучения не только вербальных, но и невербальных средств.

Теперь обратимся к феномену прерывания коммуникации.

Во-первых, прерванная коммуникация может рассматриваться как одна из форм неэффективной коммуникации, в которой возникают непредвиденные или сознательно создаваемые препятствия, обусловленные несовместимостью коммуникативных интенций партнёров [Болохонцева, 2011: 3]. На наш взгляд, это определение не совсем точно, так как у партнеров могут быть одинаковые интенции в разговоре: например, в случаях, когда один собеседник хочет продолжить мысль говорящего или дополнить.

Во-вторых, прерывание коммуникации можно рассмотреть и как вид коммуникативной неудачи [Городецкий, 1985; Ермакова, Земская, 1993]. Под коммуникативной неудачей понимается сбой в коммуникации, при котором коммуникативные намерения говорящего не достигаются или достигаются не полностью. Однако коммуникативные намерения говорящего могут быть реализованы полностью в случаях, когда прерывающий своими репликами показывает свою заинтересованность в беседе. И хотя это, безусловно, прерывание коммуникации, оно направлено на продолжение диалога.

Некоторые исследования показывают, что факт, когда один человек прерывает другого в процессе общения, нередко интерпретируется как попытка взять верх над собеседником, навязать свою точку зрения, т.е. является способом проявления вербальной агрессии [Ерманова, 2013;

Воронцова 2016]. Но прерывание коммуникации далеко не всегда является вербальной агрессией, потому что это в первую очередь преднамеренная деформация коммуникативного пространства адресата [Воронцова, 2016: 8], в котором коммуниканты имеют свои социальные роли, ценностные ориентиры и представления о том или ином предмете речи, т.е. вербальная агрессия социально обусловлена.

Феноменологически, в своем внешнем выражении, прерывание коммуникации есть всякий акт, в котором процесс передачи информации от одного коммуниканта другому прерывается, и это прерывание касается не всей коммуникации вообще, а только этого однонаправленного процесса. Всякий случай резкой смены ролей в коммуникации (говорящий становится слушающим и наоборот), когда реплика или мысль одного коммуниканта не закончена, можно считать актом прерывания коммуникации. Сама коммуникация предстает не континуумом, а неоднородным и прерывистым комплексом разных по протяженности процессов.

Теперь обратимся непосредственно к методологии эксперимента. Целью проведения эксперимента являлось выявление невербальных маркеров прерывания коммуникации и особенностей их использования. Предполагалось, что при прерывании коммуникации невербальные маркеры используются чаще вербальных. Более того, невербальные маркеры могут использоваться отдельно от вербальных.

В эксперименте участвовало 22 студента института филологии и языковой коммуникации Сибирского федерального университета. В качестве стимульного материала была использована сокращенная версия статьи Д. Черкудиновой «Дисквалифицирована по гендерному признаку: история индийской бегуны Дьюти Чанд», опубликованная в журнале Esquire (<https://esquire.ru/>) 27 сентября 2016 года. В каждой записи принимали участие 2 человека с заранее распределенными ролями – Рассказчик (далее – Р.) и Комментатор (далее – К.). На первом этапе проведения эксперимента Р. и К. давалось 3 минуты на чтение текста. Р. получал следующее задание:

«Вам необходимо пересказать текст, который будет проверяться ведущей. Она будет фиксировать полноту рассказа. Участник №2 может вносить дополнения. Ваша задача: как можно подробнее пересказать текст». Задание для К. было таким: «Вам необходимо запомнить данный текст. Участнику №1 выдан текст с ошибками, у Вас верный вариант. Ваша задача: во время пересказа участника №1 исправить как можно больше ошибок, допускается перебивание». Отметим, что некоторые элементы текста отличались (например, в тексте К. спортсменка была уроженкой Индии с ростом 162 см, в тексте Р. – уроженкой Непала и ростом 192 см), но общий смысл и ключевые события были сохранены. На втором этапе Р. пересказывал содержание текста экспериментатору, К. же исправлял ошибки, допущенные Р.

Испытуемые сидели в 0,5 метра друг от друга, попадали в поле зрения друг друга. Эксперимент был записан на камеру. Материал исследования включает в себя 11 записей, общей продолжительностью 38 мин.

На основе проведенного эксперимента было выявлено 85 случаев прерывания коммуникации, из них 82 включали вербальное прерывание, сопровождающееся невербальными средствами, и 3 включали исключительно невербалику.

Среди 82 случаев вербального прерывания, сопровождающихся невербальными средствами, были выявлены такие маркеры, как взгляд, улыбка, жест рук и наклон корпуса (рис. 1).

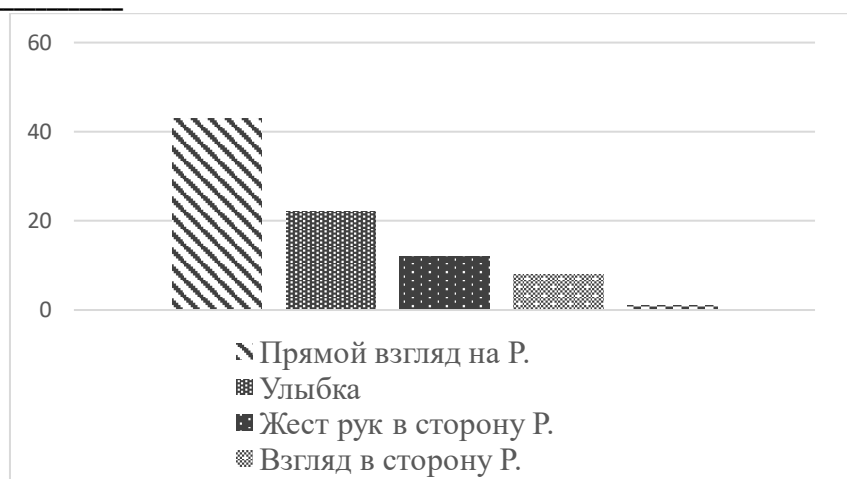


Рис. 1 Невербальные маркеры, сопровождающие вербальное прерывание коммуникации.

Большинство случаев прерывания коммуникации сопровождалось взглядом, конкретнее – прямым взглядом и взглядом в сторону перебиваемого. Прямой взгляд оказался самым часто встречающимся маркером при прерывании коммуникации (43 случая). Как отмечает Г.Е. Крейдлин, взгляд в глаза и в лицо говорит о готовности к общению и намерению быть внимательным. Адресат всегда обращает внимание на прямой взгляд в глаза, обычно трактуя его как взгляд вызова, как взгляд гипнотический или агрессивный [Крейдлин, 2004: 385]. Направление взгляда в сторону собеседника (8 случаев) может объясняться концентрацией на мыслях и их передаче (например, в ситуации, когда К. исправляет ошибку и попутно вспоминает детали).

Одним из наиболее частотных маркеров также выступала улыбка (22 случая). Интересно, что во всех 22 случаях улыбка сопровождалась прямым взглядом на Р., в то время как взгляд в сторону улыбкой сопровождался всего в одном случае. Можно предположить, что улыбкой К. выражает свое расположение к Р., несмотря на несогласие в изложении материала. С другой стороны, улыбка может свидетельствовать о том, что К. заметил ошибку, и это вызвало у него подобную реакцию.

Если обратить внимание на жесты, то К. использовал указательные жесты (12 случаев). Приведем такой пример:

К. Сразу здесь поправлю (указательный жест пальцем в сторону

Р.)...

Указательным жестом К. делает референцию к Р.: «Исправлю кого? Рассказчика». С другой стороны, данное действие может означать и привлечение внимания.

Наиболее редким маркером прерывания коммуникации является наклон корпуса в сторону Р. В данной ситуации К. говорил тоном ниже общего тона разговора, поэтому предположим, что он наклонился, чтобы Р. его слышал.

Также было выявлено 3 случая, когда прерывание коммуникации осуществлялось без использования вербальных средств. В первом случае К. открыл рот, как будто собираясь что-то сказать, и попутно сделал жест в сторону Р., но остановился и поднес руку ко рту. Р. распознал это как желание К. что-то сказать и остановился. Во втором случае Р. остановился, когда К. открыл рот и посмотрел на Р. В третьем случае прерывания коммуникации Р. увидел, как К. хмурится и качает головой. Получается, у К. не было намерения прервать собеседника, Р. сам прервал коммуникацию.

В ходе экспериментального исследования нами также было выявлено 8 маркеров, предшествующих прерыванию коммуникации. Рассмотрим один из характерных случаев:

Р. Чанд – легкоатлетка из Индии (К. приоткрыл рот, отвел взгляд и нахмурил брови, потом снова посмотрел на Р.), которая родилась в бедной семье...

К. По-моему, она из Непала.

Р. Любовь к бегу ей привила старшая сестра, с которой она бегала.

К. Услышал информацию, которая не совпадала с текстом. К. смотрит на Р., (внимательно его слушает), а после того, как услышал неверную информацию, – приоткрывает рот (хочет возразить), но потом задумывается о верности своего варианта (отводит взгляд, хмурит брови) и после решает вступить в диалог (взгляд на К.).

Отметим, что в поведении К. перед прерыванием коммуникации

встречалась комбинация невербальных средств «взгляд на лицо собеседника + нахмуренные брови + отвод взгляда» (9 случаев). Можем предположить, что К. обратил внимание на реплику Р., но поставил ее достоверность под сомнение (нахмуренные брови), отвод взгляда связан с концентрацией на собственной мыслительной деятельности: К. сравнивает информацию, полученную из своего текста, и комментарий Р. Такая последовательность действий в некоторых случаях (3) дополнялась жестами: прикосновением ко рту (либо просто К. приоткрывал рот, как бы желая что-то сказать), прикосновением ко лбу. Однако стоит отметить, что не все подобные действия завершались прерыванием коммуникации. Это может говорить о неуверенности К. в правильности своей информации, либо он недостаточно уверен в самом себе, чтобы перебить собеседника.

При анализе эмпирического материала нами были выявлены невербальные маркеры прерывания коммуникации и их комбинации.

В прерывании коммуникации вербальные и невербальные маркеры тесно сосуществуют друг с другом. Невербалика сама по себе, без каких-либо вербальных средств, бывает причиной прерываний, но крайне редко, а невербалика, сопровождающая вербальное прерывание, – наоборот. Более того, в случаях, когда использовалась только невербалика, прерывание происходило непреднамеренно.

Исходя из вышесказанного, можно определить основную тенденцию в прерванной коммуникации: в подавляющем большинстве случаев она вербальна, преднамеренна и сопровождается невербальными средствами, прежде всего взглядом, и крайне редко – жестом.

К наиболее частым невербальным средствам, сопутствующим прерыванию коммуникации, можно отнести прямой взгляд на собеседника, указательный жест и улыбку – все они направлены на собеседника. Предшествующие же невербальные средства, которые были выявлены в ходе эксперимента, но в гипотезу не входили, включают взгляд от собеседника, нахмуренные брови, прикосновение к собственному лицу – направленность

на себя и собственные мысли, т.е. человек сначала концентрируется на собственных мыслях, а потом обращает внимание на собеседника.

Эксперимент показал, что прерывание коммуникации не может рассматриваться ни как вербальная агрессия, ни как сбой в коммуникации, ни как препятствие, обусловленное несовместимостью коммуникативных интенций партнёров. Во всех рассмотренных нами случаях наблюдается иная ситуация: перед К. стоит специальная цель коррекции информации, поступающей от Р., и когда возникают условия для реализации этой цели (актуально поступающая в канал связи информация не совпадает с той, которая содержится в памяти К.), К. эту цель реализует. В целом, прерывание коммуникации – это намеренный коммуникативный акт, состоящий в коррекции или прекращении поступающей в канал связи информации вербальными и/или невербальными средствами, если отсутствуют условия, оцениваемые коммуникантом, осуществляющим прерывание, как препятствующие ему (например, социальный статус собеседника). Прерывание коммуникации может быть преднамеренным в том случае, когда интенция коррекции информации имела в сознании одного из коммуникантов ещё до начала коммуникации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болохонцева Н.М. Скрытый коммуникативный дискомфорт как явление диалога. автореф. дис ... канд.филол.наук: 10.02.01. Орел, 2011. 24 с.
2. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно-дискурсивный подход. автореф. дис ... д-ра филол. наук: 10.02.19. Челябинск, 2016. 43 с.
3. Городецкий Б.Ю. К типологии коммуникативных неудач // Диалоговое взаимодействие и представление знаний. 1985. С. 64–78.
4. Ермакова О.П., Земская Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) // Русский язык в его функционировании: коммуникативно-прагматический аспект. 1993. С. 30–64.

5. Ерманова Б.Б. Прерывание речевой коммуникации как следствие коммуникативной неудачи // Мир науки, культуры, образования. 2013. №3. С.230 – 232.
6. Залевская А.А. Введение в психолингвистику. М.: Директ-Медиа, 2013. 561 с.
7. Крейдлин Г.Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык. М.: Новое литературное обозрение, 2004. 592 с.
8. Леонтьев А.А. Психология общения. М.: Смысл, 2008. 365 с.
9. Лисина М.И. Проблемы онтогенеза общения. М.: Педагогика, 1986. 144 с.
10. Шапарь В.Б. Новейший психологический словарь. Ростов н/Д.: Феникс, 2006. 808 с.

УДК 811.581

Стряпков А.А.

МАНИПУЛЯТИВНОЕ ВОЗДЕЙСТВИЕ В ДЕМОГРАФИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ КНР ПОСЛЕ ОТМЕНЫ ПОЛИТИКИ ОДНОГО РЕБЁНКА

Аннотация: В статье анализируются стратегии и тактики речевой манипуляции, используемые правительством КНР по отношению к населению страны в репродуктивном возрасте. Данное манипулятивное воздействие рассматривается в контексте демографического дискурса, актуализирующегося в связи с отменой политики одного ребёнка, проводимой в Китае более 30 лет. Результатом исследования является описание языковых единиц и коммуникативных стратегий манипулятивного характера, способствующих мотивированности граждан КНР к повышению рождаемости.

Ключевые слова: теория дискурса, политический дискурс, политическая лингвистика, коммуникативная ситуация, китайский язык.

Abstract: The article analyzes strategies and tactics of manipulation of PRC population who achieved reproductive age. Such manipulation is studied in terms of demographical discourse which was actualized because of canceling a 30 year long policy of one child. Research results include description of language units and communicative strategies and tactics of manipulative nature which motivate PRC population to increase the birth rate.

Keywords: theory of discourse, political discourse, political linguistics, communicative situation, Chinese language.

Китайская Народная Республика за последние 20 лет стала одним из самых быстро развивающихся государств. Китай уже обошёл Японию и

сравнился с США в сфере экономики, стал крупнейшим мировым экспортёром, где производится большинство товаров мира. Только в КНР насчитывается 1,38 миллиарда жителей, не говоря о китайцах, которые живут за границей. Каждый из этих людей несёт с собой богатейшую культуру своей страны [国家统计局, 2017]. Неоспоримым фактом считается то, что Китай на данный момент является одной из наиболее влиятельных стран мира, сотрудничество с которой желают осуществлять многие государства, в том числе и Россия.

Ключевую роль в политике развития Китая всегда играла демография. С 1956 года правительство КНР начало вводить новый политический курс государства, ориентированный на снижение рождаемости: появились такие языковые выражения как: 晚稀少 – «поздно, редко, мало», 双独两孩 – разрешение на второго ребёнка, 独生子女政策 – политика одного ребёнка и 二孩政策 – политика двух детей. Каждому выражению соответствуют законы, призванные контролировать число рождаемости в КНР и предусматривающие штрафы за рождение второго ребёнка в размере 4–8 средних годовых доходов в провинции, принудительные аборт, а иногда даже стерилизацию. Как можно заметить из вышеперечисленного, вопросу демографии уделяется значительное внимание со стороны государства.

Законы, ограничивающие количество детей в семье, со временем, в силу своей продолжительности, изменили мировоззрение китайцев на институт семьи, что сказалось на среднем возрасте заключения брака, количестве разводов, среднем возрасте рождения детей и других демографических факторах. В связи с появившимися демографическими проблемами (увеличением процента урбанизации, уменьшением количества трудоспособного населения, уменьшением количества рождаемости и других), правительство Китая в 2013 году начинает разрабатывать и вводить в отдельных провинциях новый закон, позволяющий супругам иметь до двух детей, без каких-либо ограничений. В 2015 году данная политика была

распространена повсеместно, что привело к увеличению количества рождаемости, но не достаточному для правительства КНР [Куприянова, Янишевская, 2017: 53].

На примере истории Китая мы можем увидеть, что демографический вопрос тесно связан с политикой государства, как один из ключевых факторов. Именно поэтому в качестве объекта нашего исследования был выбран демографический дискурс. Нам представляется необходимым более детальное изучение особенностей китайского демографического дискурса, имеющего большое значение для понимания общей модели поведения жителей КНР.

Предметом исследования в статье являются лексические единицы и коммуникативные стратегии и тактики манипулятивного характера, присутствующие в демографическом дискурсе КНР.

Таким образом, актуальность статьи обусловлена, в первую очередь, недостаточной исследованностью такого типа дискурса, как демографический. Изучение КНР и особенностей её внутреннего манипулирования также представляет интерес для нашей страны, поскольку Китай на данный момент является одним из самых перспективных партнёров России. В связи с тем, что в КНР была отменена политика одного ребёнка, актуальным представляется изучение влияния данного события на демографический дискурс страны.

Целью настоящего исследования является изучение демографического дискурса КНР, связанного с отменой политики одного ребёнка, и выявление языковых единиц и коммуникативных стратегий манипулятивного характера, способствующих мотивированности к повышению рождаемости в КНР.

Материалом работы послужили статьи интернет-журналов и газет, транскрипты речей политиков и лозунги, которые были найдены нами в китайском интернет-пространстве.

Теоретическую базу нашего исследования составили работы о политическом дискурсе [Акопова, 2013; Будаев, Чудинов, 2006; Водак, 2011;

Детинко, Куликова, 2017; Михалёва, 2009; Шейгал, 2000], о демографическом дискурсе [Нагибина, 2016; Ян На, 2014], кроме того мы использовали труды о метафорах в речи [Lakoff, Johnson, 1980] и коммуникативных стратегиях и тактиках [Иссерс, 2008; Михалёва, 2009; Сковородников, 2004].

Исследуя коммуникативные стратегии и тактики, мы используем определения О.С. Иссерс. Под коммуникативными стратегиями мы понимаем совокупность речевых действий, которые направлены на достижение коммуникативной цели и реализуются в коммуникативных тактиках. Коммуникативные тактики в настоящем исследовании определяются как конкретные речевые действия, способствующие реализации стратегии [Иссерс, 2008: 54]. Добавим, что коммуникативные стратегии, в отличие от тактик, имеют долговременный характер применения. В коммуникативной стратегии главной задачей является речевое воздействие и изменение модели мира адресата. Речевая тактика же – это одно или несколько речевых действий, которые позволяют выполнить общую коммуникативную стратегию. Речевая тактика, как и стратегия, может изменяться во время процесса коммуникации, адаптируясь под новые коммуникативные условия, при оперативном реагировании на новую ситуацию общения [Акопова, 2013: 403; Михалёва, 2009: 45; Паршина, 2005: 19].

В настоящее время нет точного определения демографического дискурса, как и его формирующих особенностей, поэтому при изучении данного типа дискурса мы во многом опирались на характеристики политического дискурса. Политический дискурс мы интерпретируем как совокупность всех речевых актов в политических дискуссиях, правил публичной политики, освященных традицией и проверенных опытом и отражающих специфические особенности картины мира политика [Генералова, 2010: 101].

Демографический дискурс, в нашем понимании, является сложным коммуникативным событием, происходящим между органами власти и гражданами, в котором основным предметом обсуждения является демография страны (социальные ориентиры и моральные установки в отношении рождаемости), имплицитно задаваемые населению посредством манипулятивного воздействия политической сферы, финансовых рычагов и рекламы.

В нашем исследовании манипуляцию мы определяем как: «скрытое речевое воздействие, основной целью которого является изменение картины мира адресата сообщения, которое выгодно адресанту» [Колмогорова и др., 2016: 195].

При изучении демографического дискурса нами была использована классификация О.Л. Михалёвой, достаточно широко и точно описывающая характерные для политического дискурса стратегии и тактики [Михалёва, 2009: 45].

Опираясь на данную классификацию, мы выявили наиболее частое использование в политических текстах стратегии на повышение, стратегии театральности и стратегии на понижение, представленные тактиками презентации, кооперации, побуждения и анализ-«минус».

Стратегия на повышение была использована в отношении Центрального Комитета Коммунистической партии Китая и представлена тактикой презентации, которая подразумевает представление кого-либо или чего-либо в привлекательном образе. Следующие фразы были употреблены в контексте работы партии над «политикой ограничения рождаемости»:

- 促进人口均衡发展 – способствует гармоничному развитию населения;
- 完善人口发展战略 – постоянно совершенствует стратегию развития демографии;

- 历来高度重视人口问题 – издавна обращает внимание на проблемы населения;

- 广泛听取专家 – внимательно и всесторонне выслушивает специалистов;

- 广泛听取基层干部群众意见 – внимательно и всесторонне выслушивает мнение работников низшего звена.

Как можно увидеть в демографическом дискурсе КНР, правительство презентуется в выгодном свете, уделяется внимание непрерывной работе над совершенствованием и развитием существующей «политики ограничения рождаемости» и показывается всесторонняя открытость к отзывам о политике.

Стратегия театральности использует перформативные и императивные пути влияния на аудиторию. Данная стратегия представлена в нашей работе двумя основными тактиками: побуждения и кооперации. Тактика побуждения является некоторым призывом к действию, которая подталкивает адресата к принятию нужной точки зрения. Ниже приведены некоторые из примеров тактики побуждения:

- 兄妹手足情深 – любовь между детьми – сильна,

- 经济搞上去,人口跟上来 – экономика – поднимается, население – догоняет,

- 国家政策真正好一家准生两个宝 – государственная политика воистину хороша, каждой семье разрешено рожать два «сокровища»,

- 一个太少,两个正好,一个嫁人,一个养老 – один – слишком мало, два – в самый раз, один – выйдет замуж, другой – позаботится о стариках.

Можно сделать вывод, что с помощью данных лозунгов правительство Китая пытается воздействовать на адресата, чтобы тот принял выгодную правительству точку зрения, а именно – принял политику второго ребёнка. В нашем исследовании тактика побуждения в некоторых случаях имела имплицитный характер, например: «любовь между детьми – сильна»,

речь в данном выражении идёт о братьях и сестрах в одной семье, правительство КНР побуждает людей заводить не одного ребёнка, а двух и представляет семью с двумя детьми как эталон. Кроме того, в демографическом дискурсе КНР нами были найдены неоднократные примеры тактики кооперации. О.Л. Михалёва определяет тактику кооперации как «схожую с тактикой побуждения, но отличающуюся такой формой обращения к адресату, которая позволяет конструировать выгодный для аудитории образ говорящего». В нашем же исследовании, в силу культурных особенностей народа КНР, под кооперацией мы понимаем «тактику схожую с побуждением, которая вызывает к коллективному составляющему народа, объединяет в своих идеях и целях адресата и адресанта сообщения» [Михалёва, 2009: 63]. Тактика кооперации была представлена в текстах следующими языковыми единицами: 我国 – наша страна; 我们 – мы.

Можно заметить, что неоднократное использование данных языковых единиц в контексте новой «политики ограничения рождаемости» КНР подталкивает адресата сообщения воспринимать новое явление, как коллективное и общее с ним. Можно сделать вывод, что авторы статей вызывают к коллективному составляющему каждого адресата, которое должно сопереживать и заботиться о благополучии всей страны.

В ходе исследования нами также была выявлена стратегия на понижение, основной целью которой является направить внимание адресата на некий предмет речи и дискредитировать позиции данного предмета речи. Анализируя тексты, мы нашли наиболее частое использование тактики анализ-«минус», которая заключается в негативном описании предмета речи, без эксплицитного выражения отношения адресанта. Наиболее яркими являются следующие примеры:

- 生育率进入超低水平 – рождаемость достигла сверхнизкого уровня,

- 劳动年龄人口下降，老年人口不断上升 – убывание количества трудоспособного населения, непрерывное увеличение пожилого населения,
- 老龄化加速影响经济 – ускоряющееся старение населения влияет на экономику,
- 再生育意愿有所下降 – желание снова рожать отчасти снизилось.

Данная тактика стратегии на понижение является одной из наиболее распространённой в демографическом дискурсе КНР. В приведённых выше фразах, которые были найдены нами в политических текстах, адресаты сообщений информируются о факторах, которые негативно влияют на жизнь страны, без эксплицитного выражения отношения авторов текстов. Данные отрывки были употреблены в контексте новой политики второго ребёнка, из чего можно сделать вывод, что приведение данных негативных фактов жизни страны побуждает жителей страны к принятию новой политики и её реализации.

Таким образом, можно утверждать о наличии в китайском демографическом дискурсе попыток манипулирования картиной мира населения, связанного с новой политикой двух детей в семье. Анализ языкового материала показал, что в демографическом дискурсе КНР присутствуют стратегии на повышение, понижение и театральности, что говорит о разнообразии манипулятивных приёмов создателей текстов. Появление новых языковых средств в демографическом дискурсе демонстрирует важность «политики ограничения рождаемости» для жизни и развития страны. Изменение политики государства всегда влечёт за собой сложный процесс изменения картины мира его жителей, которое можно было наблюдать в КНР сразу после введения «политики двух детей» в 2015 году.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акопова Д.Р. Стратегии и тактики политического дискурса // Вестник нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Филология. 2013. Вып. 6. С. 403–409.
2. Будаев Э.В., Чудинов А.П. Зарубежная политическая лингвистика: учеб. пособие. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2006. 252 с.
3. Водак Р. Критическая лингвистика и критический анализ дискурса // Политическая лингвистика. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т., 2011. Вып. 38. С. 286–291.
4. Генералова С.Н. Понятие «Политический дискурс» в лингвокультурологической парадигме // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2010. Т.5. Вып. 1. С. 95–101.
5. Детинко Ю.И., Куликова Л.В. Политическая коммуникация: опыт мультимодального и критического дискурс-анализа. Красноярск: СФУ, 2017. 166 с.
6. Иссерс О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 288 с.
7. Колмогорова А.В., Калинин А.А., Талдыкина Ю.А. Языковые маркеры манипуляции в поляризованном политическом дискурсе: опыт параметризации // Политическая лингвистика. 2016. Вып 4. С. 194–199.
8. Куприянова Ю.А., Янишевская А.И. Новая демографическая политика в Китае: «Одна семья – два ребёнка» // Демографическое обозрение. НИУ ВШЭ, 2017. Т.4. Вып. 2. С. 53–64.
9. Михалёва О.Л. Политический дискурс. Специфика манипулятивного воздействия. М.: Либроком, 2009. 256 с.
10. Нагибина И.Г. Опыт анализа китайского исследования внешне и внутренне ориентированного дискурса о политике ограничения рождаемости в КНР // Известия Южного Федерального Университета. Серия: Филологические науки. 2016. Вып. 3. С. 52–60.

-
11. Паршина О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. Саратов, 2005. 325 с.
 12. Сковородников А.П. О необходимости разграничения понятий «риторический прием», «стилистическая фигура», «речевая тактика», «речевой жанр» в практике терминологической лексикографии // Риторика = Лингвистика: сборник статей. Вып. 5. Смоленск: СГПУ, 2004. С. 5–12.
 13. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса: дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01, 10.02.19. Волгоград, 2000. 440 с.
 14. Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago and London: The University of Chicago Press, 1980. 242 p.
 15. 国家统计局。2016 年国民经济实现“十三五”良好开局 [Электронный ресурс]. 2017. URL: <https://goo.gl/LjNzmV> (дата обращения: 12.09.2017). [Государственное статистическое управление. В 2016 году национальная экономика активно начала осуществлять тринадцатый пятилетний план].
 16. 杨娜。妇女人权的文化话语研究——剖析与评估中国政府计生话语的特质、策略和原则。杭州: 浙江大学出版社, 2014。 [Ян На. Дискурс-анализ прав женщин: анализ, стратегии и принципы].

II. ЖИВАЯ РЕЧЬ СТАРОЖИЛОВ СИБИРИ

Фельде О.В.

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЕ НАРРАТИВЫ МОТЫГИНСКОГО РАЙОНА КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

S_L продолжает публиковать тексты, которые не только отражают особенности устной речи ангарцев, но и рассказывают о повседневной жизни и духовной культуре Северного Приангарья*, транслируют культурные коды старожилов и переселенцев этого удалённого региона современной России.

В первом выпуске 2018 года читателю предлагаются автобиографические нарративы, записанные аспирантом кафедры русского языка, литературы и речевой коммуникации СФУ Евгением Сергеевичем Смирновым в Мотыгинском районе Красноярского края в августе 2017 года. В раздел включены также тексты о мировосприятии настоящего и прошлого, об оценках, которые пожилые люди дают своим молодым землякам.

Перед читателем стенограмм автобиографических нарративов разворачиваются «картинки жизни» XX века, которые «рисуются» рассказчиками без прикрас и особой драматизации: вот скот, которого крестьяне гонят в другой район «на прокормёжку», потому что засуха погубила местные пастбища; вот «обрезанные по стайку огородишки»; вот мать с дочерью-подростком раскорчёвывают лес; вот промокшая насквозь девушка в рваной «куфайчонке» и чирках, которой «пришлось бежать из колхоза».

Особое внимание в нарративах уделяется значимым событиям в жизни села и страны. Эти события рассказчик переживает «в миру», повествование о них украшает бытовыми деталями. Рассказывая о радости односельчан, переживших, «перемогших» войну, один из нарраторов вспоминает о выставленных за ворота праздничных столах с угощениями в самый первый День Победы: «Мы с флагами по всей Мотыгиной, а вы знаете, люди, все

столики, день такой был хороший 9 мая. Все столики за воротами, и все, все как-то угощались. Война кончилась. Радовались все».

Повествование о прошлом разворачиваются во времени и пространстве и отличаются удивительной топографической точностью: «Там Рыбинский колхоз был, где Денисово, дальше Сметанино было. Если вверх по Ангаре – Мотыгино, теперь, значит, Гребень, теперь Кукуй, Бык, Потоскуй – это с этой стороны, а на той стороне Пашино, Зайцево, Денисово. До Сметанино туда – это была территория Мотыгинского района. Он тогда назывался не Мотыгинский – Удерецкий район назывался, вот».

Устные рассказы «населяют» множество людей, которых нарратор встретил на своём веку. Мелькают упоминания родственников, односельчан, начальников, догадливого паспортиста, который на свой страх и риск выписывает сбежавшей из колхоза девушке паспорт. Их участие в судьбе рассказчика передается, как правило, какой-то важной деталью: «Ну, я пришла, подаю документы: свидетельство о рождении, все бумаги. Он так посмотрел на меня, говорит, а мне был 21 год: «А вы почему, по месту жительства не получали паспорт?». Я знаю, что учились девчонки, ну, в другом селе, до десяти классов. Только когда заканчивали школу, давали паспорта. Я говорю: «Я училась». Ну, он понял, что я вру. Он говорит, вот до сих пор вижу это лицо паспортиста: «А сколько Вы классов кончили?». Начала врать, ну, невпопад. Я говорю: «Семь классов кончила». Он говорит: «А вы чё так плохо? Чё вы так долго кончали семь классов?». Я говорю: «Вы, знаете, я плохо так училась. Два да три года в каждом классе сидела». А он говорит: «Ну, ладно. С обеда давай паспорта. Раз вы так упорно кончали семь классов, приходите, я вам выпишу паспорт. Вот я получила паспорт. Еду на автобусе и не верится, что у меня паспорт».

Нередко рассказчик, повествуя о своей жизни, попутно останавливается и на участии своих близких: раскулаченного и сосланного «из Сибири в Сибирь» деда-кузнеца, которого всем миром возвращают в родную деревню, потому что стало некому плуги чинить; раненого на фронте

«папкиного брата», которого местная знахарка три года лечила «маленечко» (редко в какой ангарской деревне был медицинский работник); трагически погибшего в тайге отца. Упоминание деталей помогает создать зримый образ прошлого, приближает его к нам: *«Ночью эти берёзы разопрели, и берёза как нарочно на грудь ему как упала и задавила насмерть. Пилы не было пилить. Так такая берёза большая дак не выдержала грудь».*

Для исследователей ценностной картины мира сибиряков-ангарцев и для тех, кто изучает культурную дихотомию свои-чужие, значимы контексты, в которых передаются редкие в устной речи сибиряков-ангарцев прямые оценки времени, людей, событий: «Народ был дружный. В войну, вы знаете, один одного выручал». Примечателен «рассказ в рассказе» о ссыльной польке, которая для своих голодных детей вытащила из кладовки соседа мешок с ячменем: «А пришла вот эта полячка. Ну, и она мешочек-то сбыла. Она его из кладовки как-то там вытащила. Папка говорит: «Ну, разве можно так по-хорошему». А вот эта бабушка, которая нас воспитывала, говорит: «Петя, Петя, не тронь, она же кушать хочет». «Я понимаю, – говорит. – У меня ребятишки учатся маленькие». Что, ну всё равно. Так он и не тронул, муку дал ей, и она ушла». Здесь отражена типичная поведенческая черта русских старожилов Сибири – сострадание к ссыльным.

Публикуемые нами рассказы информативны и для исследователей диалектно-просторечной лексики и синтаксиса региональной разговорной речи. Мы надеемся, что вовлечение этих текстов в широкий научный оборот обогатит эмпирическую базу русистики, расширит наши представления о взаимоотношении общего и регионального в русском языке, а также углубит знания о диалектной коммуникации.

В Мотыгино я попала, знаете, с родителями – родители у меня сюда переехали, мне было четыре годика. Там раскулачивали, там дед мой был. Он торговал. Ну вот, и приехали... военные пришли. Кто они... деникинцы, кажется... колчаковцы! Да, колчаковцы. Пришли в деревню и говорят: «Вот

сожжём село, если денег не отдашь». Ну, у него чё было, он откупил это село, отдал деньги. И сам заболел и умер. Там и похоронен. Там ему памятник сделали люди, всё. Он добрый был очень человек. Вот у него семья была, этот рыбинский купец, Башуров Дмитрий. Я внучка его. Там ещё были Сус-ловы, они тоже торговали. Они были родственницы. Жена Башурова, Мария, она была из рода Суслова. Вот они поженились. Жили они нормально там в Рыбном все. И был у меня другой дед, моёго папы. Он был кузнец рыбинский. Так вот в революцию этого раскулачили, а этого сослали за то, что кузнец. Семь человек детей. Сослали до Богучан. Пришла весна – надо хлеб сеять, пахать, а плугов-то нету. Ну, поставили собрание, что всё неправда это, не правильно сделали. Вернулись они назад, кузнец этот. И стал в Рыбной опять помогать всем крестьянам.

Там Рыбинский колхоз был, где Денисово, дальше Сметанино было. Если вверх по Ангаре – Мотыгино, теперь, значит, Гребень, теперь Кукуй, Бык, Потоскуй – это с этой стороны, а на той стороне Пашино, Зайцево, Денисово. До Сметанино туда – это была территория Мотыгинского района. Он тогда назывался не Мотыгинский – Удере́йский район назывался, вот.

У моей мамы родилось две девочки – Оля и я. Мама заболела, умерла, осталась я. Мне четыре годика, а сестрёнке два. Ну, жили. Потом отец через три года женился. Стали жить семьёй. Потом война началась. Вот отца моего забрали, в общем, пять братьев, т.е. пять моих дядей. Четверо забрали на фронт, отца моего и ещё троих, а один младший, Анатолий вот был, он помладше. Он здесь в Рыбном рыбачил и тоже на фронт.

А мы, ну, вот мне в войну уже девять лет было. Ну, вот запрягут лошадей, посадят нас вот таких. Ну, кто-то побольше, кто-то постарше. Шли в поле, там хлеб надо как раз вот... Был один набор, два набора, а потом третий самый большой. Уже с присков забрали, прииска-то там тоже были. Вот там Удере́йский район, были там прииска. Там, наверное, штук пять было присков, я так думаю. Там был Гадалов такой, купец Гадалов. Вот он

хозяйничал этим золотом. Добывал золото, ну, и сдавали государству, видимо. Это я там не знаю.

Значит, началась война. Нас посадили на эти... и в поле. Ну, там кушать-то нечего. Варили нам, ну, в колхозе известно: капуста, картошка, морковка там. Суп варили и кормили нас всех. Все работали. Вот все от мала до велика. Сказать, что кто не работал – все работали. Никто не отлынивал.

В школе учились мы, значит, надо было шесть кубов дров за каждого напилить. Вот мы там уберём урожай, потом дрова пилим, чтобы школа наша топилась. Потом парни, которые постарше мололи муку. Муку мололи – пекла пекарня, и кормили людей. По двести грамм на человека, а на рабочего пятьсот. Вот так мы и жили. Ну, свои огородишки были. Так у нас, ещё как колхоз, обрезал все эти, все огороды по стайку, как говорится. Ну, кому-то, может, оставалось, потом, где вот база Зенкевичей, где Рыбная речка в Ангару впадает. Ну, вот там, там было. На левой стороне там была база, т.е. бензин-то, там завозили бензин. Оттуда вот большой набор и забрали с приисков на войну. Всех увезли.

Вы знаете, катер был небольшой и илимка – не баржа, а илимки раньше были. На эти илимки сгрузили всех. Все женщины в воду лезут, плачут, кричат. Такой рёв стоял над Ангарой. Ну, увезли. Прошёл год, начали приходить раненые. Кто без ноги, кто без руки. Вот мой отец, например, он два года пробыл на фронте, Москву там ещё они защищали. У него была левая рука прострелена, он вот так ходил. Дядя пришёл без ноги. Ещё одного дядю убили там на фронте. Ну, многих... У меня вот ещё у этого купца сын, он в Южно-Енисейске работал бухгалтером у Гадалова. У него был сын, двадцать лет, который окончил уже 10 классов. И тоже забрали. В это же время и они вернулись. Потом вот дядя у меня один, папкин брат, тоже раненый пришёл, где-то, знаете, на островах они были на Севере. Там попался, этот самый, шпион немецкий, и он их отравил, 130 офицеров. Ну, их там немножко подлечили, а потом – кто умер, кто остался жив. Так он домой... Ну, что он пришёл тут, года три-четыре бабушка его лечила.

Лекарства-то какие были? Ну, лечили маленечко. Булатов был, этим... в больнице врачом. Он там маленечко чё-то лечил, но, а чё? Потом его в Красноярск, как раньше. Он там учился, Морское училище окончил, был офицер. И, значит, туда его в Красноярск позвали. Ну, он туда поехал, там женился. Потом женился и заболел, и всё, умер. Недолго жили. Вот дядя, который без ноги пришёл, тоже недолго жил, а папка мой до 80 лет дожил. Вот такая вот история с войной. Так что мужчин в селе, не только в нашем, не было почти, во всех колхозах работали женщины и дети, и старики, старики, которые могли шевелиться, коня запрячь, увезти в поле.

В церковь все тоже ходили. Война началась – все в церковь ходили, в старую, но, а потом уже, как вам сказать, закрыли, клуб сделали. Ну, молодёжь, клуб сделали, и всё. Она недолго существовала. Она существовала долго, но с ранних времён. А в Рыбном была церковь, там хорошая была. Там каменная была, стояла прямо на самом мысу. Потом там сделали склад, а потом всё, разобрали.

Ну, война прошла, конечно, все люди, как говорится, мы пришли в школу 9 мая. Нам Евгения Александровна Брюханова как молодой учитель, она же была в плену у немцев, и её потом... Она приехала, она как молодой учитель. Мы с флагами по всей Мотыгиной, а вы, знаете, люди, все столики, день такой был хороший, 9 мая. Все столики за воротами, и все, все как-то угощались. Война кончилась. Радовались все. У кого что было, у кого маленечко. Потом вот 46-ой год, ещё мы, как говорится, начали нам хлеба побольше давать. А в 47-м опять голодовка, потому что неурожай был в Советском Союзе. И люди опять голодали. Ну, на картошке, в основном, картошка, морковка. Ну, держали коров. Держали скота, держали, молоко всё-таки. Ну, рыбёшки рыбачили. У меня вот деда был старенький с бабушкой. Они жили тут вот, где Макаровские, там у них в ограде был домик, они там жили. Ну, рыбачили, старики рыбачили на перемёты. Где-то красная рыбка попадётся, где-то чё. За это и выжили.

Записано Смирновым Е.С. в пгт. Мотыгино

Красноярского края в 2017 г.
от Веры Петровны Андреевой, род. в 1931 г. в
с. Рыбное Удерецкого района.

* * *

Отец работал животноводом в колхозе. Был, конечно, как это сказать, коммунист и, ну, как воевали раньше, как назвать-то, партизанил. Партизаном был. Ну, вот сколько он работал в колхозе, всё время, как после этой революции. Ну, и работал животноводом, но я не помню, в каком году. Мне, наверно, лет девять было. И была такая засуха, не уродился корм. И они туда, ну, в Дзержинском же районе, но другие деревни, где-то Осанск какой-то был, Грезное там где-то. Погнали этот колхозный скот на *прокормёжку* на зиму. Вот они там жили зиму.

Ну, весна, снег уже растаял. Погнали скот домой. Их, наверно, четыре человека было с этим скотом. Ну, и до деревни три километра не догнали скот, куда там до деревни, остались на поле. Ну, и разожгли костёр. Берёзы так вот стояли, корни вместе. Они здесь разложили костёр, и ночевать остались. Ну, и он, *побыстрее* поужинали, и он говорит: «*Быстрее, быстрее!* Поближе к костру». Ну, вот к костру к этому привалился, и уснули все. Ночью эти *берёзы разопрели*, и берёза как нарочно на грудь ему как упала и задавила насмерть. Пилы не было пилить. Так такая берёза большая дак не выдержала грудь. Ну, и мама ждёт его домой, что приедет. Нас было трое, мама беременна была, осталась. Ну, видит, окошко, что чё-то возле конторы собрался народ, а ей ничего не говорят. Ну, она оделась и пошла тоже туда. Ну, когда пришла, тогда уже узнала, что везут мёртвого домой отца. И вот так мы у мамы остались трое. Через полгода родилась ещё эта сестрёнка.

Ну чё, она работала, вкалывала, как лошадь, на этом хозяйстве. За коровами ухаживала. Ну, а потом я ходила во второй класс. Ну, когда эта родилась маленькая – куда её? Она уходит рано и приходит поздно, а водиться кто будет? Ну, она меня и била, и колотила, а я сказала, что в школу не пойду. Я уроки не учу, приду – ничё не знаю. Надо мной смеются все. Ну,

как не били, я три класса кончила и больше в школу не пошла. Ну, по-домашнему с братишкой помогали. Он на год помладше меня был, дрова надо... В колхозе же коров накормить надо, дров притащить, воды надо притащить с речки. Вот так мы с ним и бились с братишкой.

Ну, и дотянулось так до четырнадцати лет, до тринадцати. Устроила она меня в сельский совет уборщицей. Вот мы с братишкой там и командовали. Помоем, уберёмся. И за три километра там мокрый ельник был, там готовили дрова для сельсовета. А в сельсовете был такой жеребёнок хороший, спокойный. Председатель был еврей, он нам запряжёт его, мы в *кошёвку* сядем, три километра, и покатили за дровам. Ну, едем так, наложим в *кошёвку*. Сколько мы в эту *кошёвку* наложим и назад. И вот я так проработала там, пока война началась.

Война началась, всё – уборщицу не надо. Пара лошадей и плуг. Нас две девчонки и два пацана с 28-го года. Весной пахали, сеяли. Осенью убирали. Ездила в город две женщины, были пожилые, уже лет по сорок, наверно, было. И меня брали с собой, что я рослая была, здоровая така. И меня брали. Пара лошадей... Ну, вот два раз съездили в город, второй раз, когда уже вернулись – на стоянке у меня пропала лошадь. Говорит: «Всё, судить будут». Ну, правда, не судили, то, что не по моей причине, не знаю там, как эти бабы-то решали. Одна была бригадирша, другая... Ну, ничё мне не было.

Ну, а потом уже дожили – братья не за что. И пришлось мне бежать, с колхоза. Пришлось бежать. До Тасеево довезли на машине, денег ни копейки. Тётка одна дала булку хлеба, другая дала сто рублей. Ну, булку хлеба я этот съела. Не дошла до Раздольного, до Денисово только. Ну, и потом вот до Тасеево довезли. Там переночевала, дядька родной был. Работал завгаром, этим, ну, в гараже. Ну, не бедно жил, ничем не помог. Даже на дорогу ни *картошкинку*, ничё не дал. Сам собрался в город ехать на базар торговать картошкой, а на жену говорит: «Ну, ты, Маруся, провожай её на дорогу, куда идти на Сользавод». Ну, она меня за деревню провела, я так и пошла, наугад.

До Сользавода дошла, ночевать у *одних* попросилась. Меня пустили, поночевала.

Потом тоже мне рассказали, так вот я и пошла и шла той дорогой, где зимой проходил трактор с клином, а уже на дороге снега не было, там только по краям. Так я может и лишний километр переходила. Ну, вот щас не помню ту деревню, до этой деревни дошла, на этой стороне Ангары и уже темно. Зашла в избу, мокрая, *чирки* эти деревенские были, чулки, вся мокрая. Ну, бабушка говорит: «Лезь на печку, там обсохнешь. Как же пойдёшь теперь до Раздольного? Тасей-то тронулся!». Но, а я чё... У меня ни денег, ни хлеба, ничё на свете нет. Говорит: «Ладно, здесь ещё Мотыгинские, пара с лошадыю, везут семена. Я тебя утром разбужу пораньше. Выйдешь на берег, они будут переплавляться с лошадыю и тебя возьмут».

Ну, правда, вышла, попросилась. Видят, что оборванная кругом. Попросилась, взяли. Когда переплывали через Тасей-то, рассчитываться, а у меня 90 рублей. Сотню я чё-то брала, картошку что ли купила. Подаю 90 рублей. Он меня матом как загнул, два мужика таких здоровых, они на фронте не были. Говорят: «Зачем садилась?» Я говорю: «Ну, мне же идти надо до Раздольного». Ну, правда, замолчали больше. Эти остались на берегу, я одна и *потезенила*.

И вот с этой деревни, не знаю, сколько там было километров, и дошла до Денисово, вот Мотыгино – Денисово здесь. Тоже поздно вечером пришла, уже, наверно, часов одиннадцать было. Тоже, бабка говорит: «Ну, как же ты пойдёшь? Ты гляди – *Ангара вся вздулася*, уже не ходят. Ну, ладно, отдыхай. Я тебя разбужу пораньше, может ещё и перейдёшь».

Ну, наверно, часа в три уже свет, светало. Не знаю, смотрела они или не смотрела, но я вышла. Надо было где-то... Дорога дальше была, я прямо на Рыбное вышла и берегом пришла в Мотыгино. Уже на работу люди шли. Там мне с деревни одна женщина рассказывала, что там есть знакомые, в Мотыгино живут. Если пойдёшь берегом, ты прямо *к им* попадёшь. Как под гору спускаться и прямо их *избушечка*, она и щас стоит. Ну, я, правда зашла,

спросила: «Такие, такие, здесь живут?». Ну, рассказала откуда. Они, оказывается, знали моих родителей. Раньше с одной деревни были. Ну, правда, бабка меня хорошо приняла, покормила и говорит: «Твой дядька здесь с Раздольного, грузят на пристани солому для леспромхоза лошадям». А я этого дядьку как видела маленькая, в деревне был, так больше и не видела.

Ну, ладно. Спускается он там с крутой горы. Ну, я через забор выскочила и говорю: «Дядя Ваня, дядя Ваня...». А он: «Кто ты такая? Я тебя не знаю». Я говорю: «Ну, так я тебя помню, что ты такой усатый был». А мама здесь уже была с ребятишками, вперёд пришла. И думали, что я уже потерялась. Ну, сказала: «Я Антипова Маруська». «О, тогда знаю. Ну, иди к этой бабке, посиди». Суббота как раз была, на первое мая.

Ну, я вернулась, говорю этой бабке: «Он сказал посидеть, а нагрузят машины соломой, и он тогда меня покричит». Ну, и это, к обеду нагрузили. Правда, забежал, он мне сказал. Ну, вышла я. На солому наверх залезла на эту, а сидели они двое в кабине. *Коль бы сказали*: «Ну, садись в кабину». А я в такой рваной *куфайчонке* наверх залезла.

Приехали уж домой, здесь напротив *евоной хаты* остановились. Ну, идём по *заулку*, как раз *ихни* окна сюда на дорогу. Видит, что я иду, мама бежит, обрадовалась, что я живая явилась. А с машины, когда вылезла, слезла с этой соломы, а *шофер*, был Тормозихин раньше мужик, и говорит: «А деньги?». А я говорю: «У меня денег нету». Он меня матом как загнул: «Зачем садилась?» Думаю: «Ты бы ещё пожалел, что наверху ехала на соломе! Ты деньги спрашивашь». Дядька уже говорит: «Ну, ладно, будем работать, так я за неё тебе тридцать рублей отдам этих». И так вот я попала сюда.

Сюда приехали, мама на квартире у сестры жила. Ни квартиры, ничё. Опять повели в Коммунальный меня, квартиру просить. Они говорят... Народу же не было в войну, мало было. Видят, что здоровая девка. Говорят: «Пойдёшь к нам работать, и квартира будет». Ну, я и согласилась. Ну, пошла.

Пошла *к им* работать. Они меня водовозом к зиме, а мороз такой! На лошади, на бочке. Раньше не было же водопроводов, а начальство возило воду. Ну, наверно, месяц поработала, и начальник разузнал, что я эта девица такая воду возит. Я им привезу и наношу в избу, всё. А потом ему сказали. Один ему говорит: «Эта, дочь её, тёти Даши». Он в Коммунальный быстро позвонил, и меня с утра же отправили на завод. И я там считай чуть не год и неоформленно работала. Тогда чё-то и не знаю, и за книжками не гнались, и не оформлял никто. Меня сразу в комсомольскую бригаду. Семь человек было девочек. Вот так – кайла, лопата, тачка.

Ну, вот и работала там на заводе, пока война кончилась. Потом после войны работала здесь, замуж вышла. В декрете сколь посидела, опять пошла на завод. А потом уж как *семья развязалась* больше, и всё уже, пока третьего не вырастила, уже на работу не ходила. Отправила Ваську в школу, вот тогда на работу пошла.

Записано Смирновым Е.С. в пгт. Раздолинск
Мотыгинского района в 2017 г.
от Марии Ивановны Лысяниковой (Антиповой),
род. в с. Нижний Танай
Держинского района Красноярского края в 1927 г.
(на территории Северного Приангарья проживает более 70 лет).

* * *

Я родилась в Тасеевском районе в деревне Верх-Канарай. А сюда я попала, как... Честно сказать, я убежала из колхоза. После войны, как, ну, женщины... Работала я сразу на разных работах после школы. Закончила я семь классов. Ту весну сеяла. Трактор сеялки прицепляли. Сеяла, потом работала на разных работах: пилили дрова в колхоз, кололи, складывали. Потом, ну, в общем, на разных работах работала. Осенью убирала хлеб. Ну, комбайн... Щас уже таких приспособлений уж нет, как раньше были. А уже зимой, и вот как щас помню, мы закончили уборочную 14 октября, так поздно. А зиму я работала на ферме. Ну, молодые, конечно, ещё не понимали. На ферме стадо коров было, ну, на зиму ставили в стойло. Я

убирала, навоз возила. С этой базы на лошади запрягала. В общем, рассказывать это вообще, чёрт те что будет.

Запрягала лошадь, а лошадь не ловилась. Кое-как животновод помог мне поймать лошадь. Запрягла я. В общем, с базы возила навоз зиму я.

И вот один раз, случай расскажу, запрягла, нагрузила на сани *назём* этот. Видит конь у меня распрягается. Ну, думаю, что такое. Да только затяну, запрягу, только дёрнет, опять он... Такая метель была, холодина! Щас хоть перчатки, а тогда же эти... рукавицы. Ой, стою, заплачу. Не знаю, чё делать. Идёт животновод: «Чё плачешь?». Я говорю: «Вы, знаете, у меня распрягается лошадь и всё». Он говорит: «Ужи порвались. Ну, не плачь, щас». Он наладил, и я увезла.

Ну, в общем, я это сначала зиму возила, а потом там доярка вышла замуж. Я пошла дояркой. Я три года коров доила. Всё это было вручную. У меня было четыре коровы и бык-осеменитель. У меня рук не хватало шеею обнять его, чтобы зацепить на цепь. Ой, как вспомню, так вообще. Даже не верится.

Ну, кое-как сразу доярки-то его привязывали, а потом говорит: «Сама привяжешь». Я захожу к нему, а он вот так как выпучит красные, набычится, а я иду вот так, тихонько, тихонько, тихонько, назад туда. А сама... Не могу... Ну, потом я уже стала, он на привязи был. Воды ведро несую, поставлю. Он глаза свои эти как красные выпучит! Голову в воду опустит, как фыркнет и ведро так швырнёт. Я убегаю оттуда.

Ну, в общем, я проработала три года дояркой. Отец у нас, после фронта больной пришёл. Он умер в 59-м году. Мама работала в школе техничкой. Ну, я вот работала так, а потом мама сюда приехала в Раздолинск с тремя младшими братьями. А старшая сестра уехала в город после семи классов, а я осталась, как старшая. Ой, знаете, как рассказать... Вот даже мне щас не верится, что это было всё.

С мамой зимой идём в лес. Лес с корня пилили. Раскрежовывали, потом на сани, на этих вагах, закатывали. Дома пилили, кололи. И когда мама

уехала, она как на производстве состояла. Ей дали справку с места работы и с места жительства, в общем, всё. А меня с колхоза не отпускают. Некому работать. Некому было работать тогда. Справку мне не дают с места жительства и всё.

Пишу сюда, говорю: «Мама, меня не отпускают, не дают мне бумаги, чтоб получить паспорт». Ну, она сходила, тут у нас была Светлана Алексеевна, Царство ей Небесное, конечно, хорошие были люди. Говорит: «Пусть приезжает, чё-нибудь сделаем». Ну, и приехала я, а мама уже здесь работала в яслях истопником. Тоже заведующая хорошая была, Царство ей Небесное. Есть же люди хорошие, может, и щас есть, конечно.

Ну, я приехала сюда. Пошли мы, с поссовета дали мне с места жительства. А заведующая в яслях сказала: «Если получит, я место работы дам сразу ей». Я поехала. Ну, это анекдот. Если этот паспортист живой, он до сих пор вспоминает, хохочет.

Ну, я пришла, подаю документы: свидетельство о рождении, все бумаги. Он так посмотрел на меня, говорит, а мне был 21 год: «А вы почему, по месту жительства не получали паспорт?». Я знаю, что учились девчонки, ну, в другом селе, до десяти классов. Только когда заканчивали школу, давали паспорта. Я говорю: «Я училась». Ну, он понял, что я вру. Он говорит, вот до сих пор вижу это лицо паспортиста: «А сколько Вы классов кончили?». Начала врать, ну, невпопад. Я говорю: «Семь классов кончила». Он говорит: «А вы чё так плохо? Чё вы так долго кончали семь классов?». Я говорю: «Вы, знаете, я плохо так училась. Два да три года в каждом классе сидела». А он говорит: «Ну, ладно. С обеда давай паспорта. Раз вы так упорно кончали семь классов, приходите, я вам выпишу паспорт».

Вот я получила паспорт. Еду на автобусе и не верится, что у меня паспорт. И вот я вышла потом на работу. А приехала я сюда в 61-м году, как щас, 15 июня примерно. Я работала в яслях, а ясли у них как от больницы тоже. Отработала я в яслях девять лет. А потом там надо было в женскую консультацию санитарку, уезжала там одна. Ну, вот у нас три кандидатуры:

мою и ещё две. Ну, почему-то выбрали мою кандидатуру. Я прихожу, Царство ей Небесное, тоже умерла, главным врачом была. Пришла в кабинет и говорю: Вы меня не ругайте. Я боюсь». «А за что, – говорит, – я буду ругать тебя? Нет». Я отработала в женской консультации. Я уж, конечно, щас не помню, сколь отработала. Ну, вот так я попала сюда.

Записано Е.С. Смирновым в
пгт. Раздолинск Мотыгинского района Красноярского края в 2017 г.
от Клавдии Фёдоровны Протопоповой (Стрелковой), род. в с. Верх-Канарай Тасеевского
района Красноярского края в 1940 г.
(на территории Северного Приангарья проживает более 50 лет).

Инф.1: Народ был дружный. В войну вы, знаете, один одного выручал.

Инф.2: И после войны долгие годы.

Инф.1: И после войны, да. В войну вот такой был пример: у нас ячмень папка с дедой посадили уже в 46-м году, всё. Ячмень потом смололи, и в кладовке стоял. А пришла вот эта полячка. Ну, и она мешочек-то сбыла. Она его из кладовки как-то там вытащила. Папка говорит: «Ну, разве можно так по-хорошему». А вот эта бабушка, которая нас воспитывала, говорит: «Петя, Петя, не тронь, она же кушать хочет». «Я понимаю, – говорит. – У меня ребятки учатся маленькие». Что, ну всё равно. Так он и не тронул муку, дал ей, и она ушла. Так что нет, хорошо было, хорошо. Никто их не притеснял. Они также наравне со всеми работали, со всеми жили. Не было раньше, что эвакуированные они, или какие: литовцы, латвийцы. Нет, зря баламутят их там сейчас. Зря баламутят, вы, знаете, это зря. Жили дружно. Знаете, они в геологии, латыши, литовцы, они здесь в геологии работали всю свою жизнь до старости. И никто их не притеснял.

Инф.2: Дело в том, что получилось довольно-таки странно. Вот они здесь работали. Они работали себе, пенсии, всё. И всё равно в душе как бы вернулись в Прибалтику. Они приехали туда, а они там чужие. Вот у нас Камаевы уехали, муж с женой, они приехали в Западную Украину – всё, они там не нужны. Они их вот как. А некоторые повозвращались назад, сюда, вот

в эту местность. Вот вам и ссыльные, и переселенцы! И пришлось ссыльным возвращаться туда, куда их сослали. Только теперь добровольно, по своей воле. Смена власти оказалась в этом плане не в лучшую сторону для таких вот людей.

Инф.1: Вы знаете, вот мне сейчас, мне сейчас в настоящее время молодежь не нравится. Вот не нравится, потому что... Я хорошо с ними отношусь. Все здороваются со мной, хорошо отношусь. Но вот у них какая-то такая вот, как вам сказать, высокомерие. Да, вот такое, что...

Инф.2: И самолюбие такое возвышенное.

Инф.1: Да, и самолюбие вот такое. И еще что: им подай всё и сейчас! А работать мы не хотим все. Работать не приучены молодёжь, как мы работали, наше поколение и за нами поколение. Работали, в общем, с утра до вечера. А они нет, нет. Это им надо по-другому.

Инф.2: А я сейчас говорю: нет эталона, на какой можно равняться. У нас это было. Почему, потому что время военное кончилось, было слишком много таких примеров, на которые... А теперь, я бываю в школах и везде по специалитету своему, спрашиваю. Они не могут назвать даже молодогвардейцев. Почему? Потому что без этого... Вот это надо, Женя, вы всё таки возвращаетесь там в кругах. Надо вот это возродить, вот это, именно отношение почёта и уважения к прошлому. Его на сегодня нет. Убрали из учебной программы всё то, что было ценно, и чем можно было гордиться (Мт.: Мотыгино, 2017).

Записано Е.С. Смирновым
в пгт Мотыгино в 2017 г. от Андреевой Веры Петровны (инф.1) ,
род. с. Рыбное Удере́йского р-на в 1931 г.;
от Петровой (Бичёвой) Таисии Ивановны (инф.2),
род. в с. Берёзово Подгоренского района Воронежской области в 1940 г.
(на территории Северного Приангарья проживает более 40 лет).

[Скажите, были в деревне люди, которые лечил других народными методами? – Собр.]

Инф.1: Были. Я сама носила ребятишек. Здесь в Раздольном носила. А в деревне только бабки и лечили. Больницы же не было. За три километра была, там какой-то медпункт в совхозе. Дак каждый не набегается, а бабки-то травку несут, то шёпчут чё-то. Нашёпчут, водички дадут.

Инф.2: А помнишь, тётъ Маша, на *заслонку*, ну, что печку русскую закрывать, чё-то какой-то мусор, что ли ложили и сжигали. И, это, ребёнка над этим дымом.

Инф.1: Ну, от испугу лечили вроде. Подкуривали, с собаки там шерсти возьмут. Ну, и на жестинку на какую вроде, сядут ребёнка, и этим дымом чтоб его.

[Как к таким людям относились? Их не боялись? – Собр.].

Инф.1: Нет, не боялись. Считали за врачей. Ещё, кто такой, кому вроде как помогло вроде, так ещё и подарок покупают, плотют (Мт.: Раздолинск, 2017).

Записано Е.С. Смирновым в 2017 г.
в пгт. Раздолинск Мотыгинского р-на Красноярского края
от Лысяниковой (Антиповой) Марии Ивановны (Инф. 1),
род. в с. Нижний Танай Дзержинского района Красноярского края в 1927 г.
(на территории Северного Приангарья проживает более 70 лет);
от Протопоповой (Стрелковой) Клавдии Фёдоровны (Инф.2),
род. в д. Верх-Канарай Тасеевского района Красноярского края в 1940 г.
(на территории Северного Приангарья проживает более 50 лет).

НАШИ АВТОРЫ

Агеева Мария Алексеевна, магистрант 2 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, bennybarns@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.В. Чистова.

Байкалова Мария Алексеевна, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, mbaykalova34@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Л.З. Подберезкина.

Ботвина Полина Евгеньевна, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, botvinapolina94@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.С. Мучкина.

Волчок Константин Викторович, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, kost1009@list.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор О.В. Фельде.

Зборовицкий Дмитрий Юрьевич, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, reassy14@yandex.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Н.Г. Бурмакина.

Илькова Екатерина Васильевна, магистрант 1 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, rainbow.ru@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук И.Г. Нагибина.

Криклиява Полина Вячеславовна, магистрант 2 курса отделения лингвистики ИФиЯК СФУ, polinakrikliavaia@gmail.com; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор О.В. Магировская.

Лемберг Елена Александровна, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, twitta@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор О.В. Фельде.

Лю Шуаншуан, магистрант 1 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, shuangshuang18@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент И.В. Башкова

Михасёва Юлия Александровна, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, toture@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор Т.М. Григорьева.

Николаева Галина Романовна, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, г. Красноярск, Nikolayeva.g@gmail.com; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор А.В. Колмогорова.

Петрова Екатерина Борисовна, магистрант 2 курса отделения филологии и журналистики ИФиЯК СФУ, katyxa_shyfer@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, доцент И.В. Евсеева.

Привалихина Екатерина Сергеевна, магистрант 1 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, priv-aytak@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор О.В. Магировская.

Присяник Виктория Игоревна, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, pr_vikulya@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент О.А. Прохорова.

Пушкарев Иван Игоревич, магистрант 2 курса, отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, iluminamivida@mail.ru; научный руководитель – д-р филол. наук, профессор, В.И. Тармаева.

Розина Ирина Петровна, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, excy66@gmail.com; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент А.А. Яковлев.

Стряпков Артур Александрович, магистрант 2 курса отделения иностранных языков ИФиЯК СФУ, GraG666@mail.ru; научный руководитель – канд. филол. наук, доцент Е.В. Чистова.